

Георгий Бовт

Есть ли жизнь после Путина

От Юрика до Путина

Вокруг идеи написать «единый учебник истории», а на деле – концепцию ее преподавания в школе – было столько страхов, споров и возмущений, что впору было ожидать явления народу «Краткого курса истории ВКП(б). Версия 2.0». А то бедные школьники, мол, не понимали, насмотревшись мракобесно-развлекательных телевизионных ток-шоу и воинственно-невежественных «исторических» сериалов, Сталин – он гений или злодей? Что таки стало с сыном Ивана Грозного, не «фальсифицирует» ли г-н Репин? Кто кого вышиб из Москвы в 1612 году, если и там, и там были наши, а будущий царь Михаил Романов немного околачивался в «польском» лагере? Кто таки основал Древнерусское государство и почему его «мать» – это иностранный город Киев? В общем, каша в головах.

И вот – написали. В силу привычки изучать вопрос по первоисточнику, не доверяя пересказам, пришлось прочесть около 80 страниц. Первый же вопрос – и что, это все, о чем спор-то был? В принципе там, в этой «концепции», если всерьез считать ее концепцией, есть все. Набор дат, фактов, явлений, процессов, имен, который, на мой взгляд, можно считать более чем исчерпывающим для курса истории средней школы. Если ученики усвоят хотя бы такой набор фактов, и даже просто большую часть его, это само по себе станет величайшим достижением в нашей новейшей истории.

Уровень дремучести представлений нынешних школьников по части гуманитарных знаний (о других не берусь судить, но подозреваю, что он такой же) столь чудовищный, что это трудно даже осознать тем, кто просто нормально в свое время учился в нормальной советской школе.

Так, недавно мой школьный приятель, сугубый технарь по образованию и профессии, чуть не набил морду одному «продвинутому» продукту «болонского процесса» в его российском варианте за то, что тот с пеной у рта убеждал его – Вторую мировую войну выиграли американцы.

Это, как выяснилось, не идейная позиция, человек просто не знает элементарных фактов. И это еще вариант «продвинутой осведомленности», потому что для многих, во-первых, совсем не очевидно, на какой стороне и с кем тогда воевали эти самые американцы, да и СССР; во-вторых, полководцами на той войне были и Кутузов с Суворовым. А Хрущев – современник Александра Второго, Ленин – вообще непонятно кто, а варягов (если знакомо само слово) призвали в веке эдак XVIII, не раньше. Потешные примеры ответов школьников из ЕГЭ по истории можно продолжать бесконечно.

Проблема тут, видимо, даже глубже, чем «просто» (уж извините) тотальный развал нашего школьного образования. В большей части современного мира ситуация со средним образованием не лучше, и считающийся стандартным набор знаний одного поколения для подпирания его поколения следующего, в силу специфики происходящих технологических и информационных процессов, в принципе почти ничего уже не значит. У них – другие книги, фильмы, культурологические артефакты, набор обязательных знаний и фактов, который старшему поколению кажется подчас чудовищным. Само понятие «непременных знаний образованного человека», вернее, считающегося образованным, подвергается кардинальному пересмотру. На мой субъективный взгляд – по принципу редуцирования и упрощенческой деградации. Но сейчас речь даже не об этом.

В принципе, по представленной концепции можно преподавать что угодно и как угодно. И с «православно-патриотических» позиций, и с «либерально-западнических». И поверхностно, и углубленно.

Когда мы учились в советской школе, а потом кончали советские университеты, учебники были еще как «едины». Однако это не мешало и моей школьной учительнице истории, и моему университетскому преподавателю курса истории КПСС так интересно подавать материал, что это побуждало нас не только задумываться, но и читать массу дополнительной литературы (из той, что не была запрещена), докапываться до сути, подлавливая тупую пропаганду на явных несоответствиях.

По сравнению с теми информационными возможностями нынешние – это небо и земля. Найти можно все. Ну а то, что в свое время «десять сталинских ударов» переименовали в десять наступлений Красной армии, принципиального значения не имеет в данном случае. Все всё прекрасно понимали. Кто хотел понять.

В представленной президенту концепции единой линейки учебников (все-таки единого учебника все равно не будет) есть все и на всякий вкус. Если говорить только о вызывающей яростные споры советской истории, то вы найдете там и про коллективизацию, и про ее непомерную цену в виде раскулачивания и репрессий против крестьянства. Включая голод 1932–1933 годов. Есть про индустриализацию, но и про ГУЛАГ. Ничто не мешает вписать толковому учителю «пакт Молотова – Риббентропа» в раздел о «непростой» внешней политике СССР накануне войны. И так далее.

Ну да, есть несколько показавшихся мне, выпускнику советской школы, экзотическими терминами, растиражированных уже СМИ. Замена «татаро-монгольского ига» на вне-этническое «господство Золотой Орды». Вместо Великой Октябрьской социалистической революции будет Великая российская революция, от февраля до октября 1917 года. А приход к власти большевиков, этих альтруистов-фанатиков, стал началом некоего «советского эксперимента». Но эти терминологические изыски, уж извините, не кажутся мне принципиальными для нынешней средней школы – хуже уже не будет.

Как нет трагедии в кажущемся многим чуть ли не кощунственным отсутствии в современной истории фамилий Ходорковского и Березовского при наличии «семибанкирщины». Ничто не препятствует учителю рассказать и об этих персонажах. К тому же в современном мире не учебником единым как информационным источником должен, по идее, питаться школьник. Как говорится в таких случаях, «google it». При желании можно найти любую информацию и любую трактовку любых событий, обсудив это на уроке. Было бы желание. Желания часто нет – вот в этом проблема.

Дремучесть и невежественность превратились в осознанный (если можно так выразиться) выбор миллионов обывателей, в том числе молодых. Им комфортно в своей дремучей среде, удобно жить в рамках средневеково-мракобесных представлений об окружающем мире. Самая прочная стена – это не та, что по земле и в бетоне, а та, что в головах. И она построена. Замордованные нищетой, общественным неуважением и бюрократизмом (который не снился даже в самые тухлые советские годы) учителя – невольные или сознательные строители этой стены. Работающим на две ставки (только так получается довести их зарплату до средней по региону, как повелел президент) часто не до полета мысли и пытливых совместных копаний с учениками в сложных вопросах истории.

В концепции, кстати, поименованы 20 таких вопросов, предполагающие некие дополнительные методические усилия, тем более что там же сказано, что плюрализм оценок должен быть сохранен. Это и распад СССР, и цена реформ Ивана Грозного, Петра Первого, Сталина или Хрущева, и норманнская теория основания Древнерусского государства, и особенности русского крепостничества в отличие от европейского и т. д. Но кто будет во всем этом разбираться, кто захочет тратить время? В конце концов, никто никогда из настоящих учителей не учит по всяким там концепциям. Качество знаний зависит от уровня самого учителя. По истории можно вообще написать любую концепцию и переписывать ее в зависимости от политического режима. Вот только саму историю переписать никогда никому не удавалось.

Школьники в свою очередь не понимают, почему они должны хорошо учиться, в том числе учить историю, почему должны уметь воспринимать разные оценки противоречивых явлений, критически мыслить, а не видеть все в упрощенном черно-белом свете. Они ведь видят, что отнюдь не меритократические принципы двигают людей вверх по социальным лестницам, а нечто другое. Что трудными вопросами заморачиваться не принято, а принято, не вникая в советы компетентных экспертов, искать простые, как дубина, решения.

В условиях торжествующего, в том числе на властно-бюрократическом уровне (рука не поднимается написать «политической элиты»), воинствующего невежества, законодательного идиотизма и неуважения к компетентности, к знаниям, к науке вообще (привет реформе академиков) трудно убедить молодых людей учиться хорошо, пытаться учиться отвечать на некие трудные вопросы. Что по истории, что из современности. Потому что меньше знаешь – крепче спишь. Спокойной всем ночи.

2013 г.

Кто не согласен, может отправиться «в эксперты»!

«Неужели Медведеву надоело молча смотреть, как топят остатки его президентского наследия, и он решил пойти против самого Путина?» – злорадно подумали было на днях некоторые досужие любители копаться во властных разборках и разводах. И запаслись было попкорном, чтобы смотреть водевильную драму. Премьер довольно критично отозвался о законопроекте, внесенном от имени президента, согласно которому уголовные дела по налоговым преступлениям могут возбуждаться силовиками не только по результатам налоговых расследований. Ведь это одна из считанных оставшихся «в живых» его президентских новаций.

«Навозбуждать-то можно все что угодно, особенно по заказу и за деньги, что происходит часто, когда одна структура борется с другой», – не без резона молвил из небогатой Ярославской области на это Дмитрий Анатольевич. Злопыхатели потирали руки недолго. Попкорн кончился быстро.

Потому как Путин ответил резко и немедленно: кто, мол, не согласен, тот может отправиться «в эксперты», как некогда Кудрин, публично возразивший тому же Медведеву по поводу размера военных расходов.

Потому что «есть определенная практика решения вопросов, перед тем как выходить в средства массовой информации». Пресс-секретарь Песков даже вынужден был чуть-чуть смягчить удар: мол, никого персонально не имели в виду.

Означает ли это, что вопрос уже принципиально решен, ведь теперь вряд ли кто-то из чиновников осмелится даже анонимно высказываться против инициативы, напрямую ассоциированной с президентом? Скорее всего, да, публичные дискуссии для политиков, для подавляющего большинства депутатов на эту тему закрыты. И уж, конечно, Дмитрий Анатольевич вряд ли швырнет возмущенно заявление об уходе на стол своему начальнику – трудно вообще представить ситуацию, при которой это могло бы произойти.

Хотя возможны некие отдельные компромиссы, донесенные в виде нашептываний в высочайшее ухо, в какой-то форме происходило и продолжает происходить кулуарное «обсуждение» предстоящей очередной пенсионной реформы и ее конкретных очертаний. В процессе такого обсуждения, говорят знающие люди, возможны совершенно удивительные шараханья от одной крайности к другой.

Самое страшное для нынешней власти в ее нынешней конфигурации – это обнажить некую, даже едва заметную трещину в своих рядах, некие разногласия, которыми могут воспользоваться враги, расчлениватели родины и разводчики вертикали власти, дабы еще больше расшатать нашу суверенную лодку. К тому же не надо забывать славных советских традиций, на которые то и дело теперь принялись ссылаться высшие чиновники. Тогда решение, по сути, считалось принятым, когда о нем публично высказался генсек. Хотя предварительно, кулуарно в том числе, ему можно было вполне даже возражать и с ним спорить (речь о позднем советском времени, конечно), порой в чем-то переубеждая.

Продолжая советские аналогии относительно становящегося все более очевидным экономического курса нынешней власти, можно заметить, что по отношению к частному предпринимательству, к этим пресловутым коммерсантам он становится все более репрессивным, происходит ужесточение фискальной политики, делается усиленная ставка на огосударствление всего и вся, ведущими игроками на рынке в этой части становятся силовики.

Под разговоры об улучшении показателей во всевозможных рейтингах деловой активности пока логика «военного коммунизма» и коллективизации явно побеждает логику НЭПа.

Она, эта логика, проста как палка: раз по результатам медведевских либеральных инициатив за год произошло снижение числа налоговых уголовных дел в шесть раз (с 11–12 тыс. до примерно 2000), значит, бизнес «распоясался», надо усилить пресс ради наполнения бюджета.

Логика та же, что при конфискации (в конечном счете, мне кажется, кончится именно конфискацией, а не временным изъятием) накопительной части пенсии. Как говорится, «нужны Парижу деньги». Надо затыкать дыры в бюджете на фоне стагнирующей экономики. Легче взять эти деньги там, где они есть сейчас, нежели париться и создавать новую прибавочную стоимость. Согласно той же логике усиливается фискальный пресс по отношению к региональным бюджетам. В регионах, словно торфяной пожар, тлеет подспудно настоящая финансовая катастрофа, все более очевидно, что не только повышенные социальные обязательства выполнять не на что (майские указы президента), но и многие другие. Очевидно, по итогам текущего года окажется, что дефицитными будут бюджеты даже тех, кто до сих пор ходил в немногочисленных «регионах-донорах».

Казалось бы, в таких условиях пора бы хоть как-то поощрить предпринимательскую активность, чтобы разогнать затухающую экономику: дать налоговые послабления, способствовать созданию рабочих мест, прежде всего в малом и среднем бизнесе. Вместо этого Министерство труда предлагает выплачивать – из бюджета (!) – 400 тыс. тем, кто уедет из депрессивных моногородов. Таких городов около 400 в стране, там обитает, по разным подсчетам, от 15 до 20 % рабочей силы. Куда им ехать, где эти люди будут работать, откуда возьмутся такие несусветные деньги?

У нас в предприниматели не идут даже из безработных. Доля желающих в России заниматься бизнесом ничтожна по сравнению с другими странами – это от силы сейчас 5–6 % населения. В малом и среднем бизнесе работает 6 млн предприятий, в которых занято более 17 млн человек. Неизвестно, сколько работает в теневом секторе. Но даже все они вместе – это позорно мало для экономики времен XXI века.

Кроме того, уже в текущем году более полумиллиона индивидуальных предпринимателей закрыли свои фирмы, не выдержав повышения социальных платежей.

Доля малого бизнеса в нашем ВВП менее 22 %. В США, с их немалым числом транснациональных корпораций и крупных компаний, этот показатель доходит до 50 %, в относительно недавно насквозь коммунистическом Китае – уже 62 %, в странах ЕС – 60 %. В Великобритании более 80 % от общего числа фирм составляют небольшие компании, в которых трудятся менее 50 человек. В Италии на малый бизнес приходится 95 % всего национального дохода. Ежегодно в развитых странах не менее / новых рабочих мест создается за счет мелкого предпринимательства. Эта сфера бизнеса показывает, как правило, более высокую эффективность капиталовложений. Так, в американском малом бизнесе она почти в 9 раз выше, чем в крупном. В США почти 55 % всех инноваций в последнее время созданы именно в малом бизнесе. В Америке относительно небольшим частным компаниям НАСА скоро отдаст на откуп запуск космических аппаратов, после чего нужда в наших услугах по доставке грузов и людей на МКС силами кораблей модели 50-летней давности попросту отпадет.

У нас силовикам явно хотят в очередной раз дать команду «фас!». Это было бы еще хоть как-то понятно в сравнении с другими странами, где налоговые преступления считаются одними из самых серьезных, если бы не коррумпированность наших силовых структур, запутанность и несправедливость налогового законодательства, неэффективность судебной системы, прежде всего в части защиты прав собственности. Рано или поздно при такой «красногвардейской атаке на капитал» во имя решения текущих бюджетных проблем всякий серьезный частный бизнес в стране просто закончится. Он благополучно издохнет. Останутся одни лишь госкомпании да аффилированные с госструктурами и чиновниками фирмы – соучастники в распиле бюджета.

Собственно, так произошло в свое время в Венесуэле при Чавесе.

В результате, даже выступая в роли одного из ведущих экспортеров нефти, страна оказалась в ситуации полного экономического маразма с разваливающейся инфраструктурой и полупарализованной, до предела коррумпированной экономикой. Когда дело снабжения населения дефицитной туалетной бумагой обсуждает парламент страны, когда церкви указами президента разрешают приобретать – в порядке исключения – дефицитное вино для обряда причастия, когда президент же своими указами повелевает бесплатно, по сути (за 10 % цены), раздавать бытовую технику в магазинах местной ликующей гопоте. Вернее, то, что еще осталось от бытовой техники в стране, где в силу полубезумного валютного регулирования уже практически не стало ни частных импортеров (не на что ввозить), ни частных экспортеров (нечего вывозить).

Во всех случаях, когда под ударами государственных фискальных и прочих репрессий частный бизнес благополучно умирает, неумолимая государственная машина, будучи не способной ни остановиться в нагнетании бюрократического маразма, ни наладить работу огосударвленной и зарегулированной экономики, рано или поздно возьмется и за простых обывателей. И тогда экспроприации будут подвергнуты их собственность, их банковские вклады, начиная с валютных и кончая всеми прочими. До тех пор, пока экспроприровать уже будет практически нечего. До полного экономического коллапса. И тогда строительство современной экономики надо будет начинать сначала. И делать все по-другому.

2013 г.

Почему Кремль отпустил Ходорковского

В истории освобождения Михаила Ходорковского столько загадок и почти мистических совпадений, что остается пожалеть, что Том Клэнси умер. У него получился бы классный триллер. Там наверняка нашлось бы место описанию не только рассудочных шпионских схем, но и всякой «романтики». В жизни все проще. И даже гибель в день помилования МБХ в автокатастрофе Гаджи Махачева, человека, по депутатскому запросу которого началось первое «дело ЮКОСа», вряд ли подбросит дровишек в костер конспирологии: просто не надо гонять по разделительной со скоростью 150 км в час.

Освобождение Ходорковского, увы, не стало, вопреки утверждению восторженных оптимистов, «победой правозащитного движения в России». Хотя многие правозащитники, а также крупные предприниматели (я бы упомянул и бизнес-омбудсмена Бориса Титова) не раз выступали за освобождение Ходорковского, этот дар преподнесен не им. С точки зрения власти, правозащитники – это не участники равноправного диалога, это лишь деталь декорации такого диалога. А декорация выстроена не для внутреннего потребления. Она обращена лицом на Запад.

При всех возможных негласных договоренностях с Ходорковским, оговоренных разными Николай-Иванычами в штатском, посетившими его в колонии, его освобождение – это сделка именно с Западом.

Пунктов в ней может быть несколько. Самый очевидный и уже всеми описанный – это попытка поправить имидж страны накануне Олимпиады. Я и сам было год назад думал, что Ходорковского освободят накануне Олимпиады, при том что Навального вполне могут посадить после (просто два статусных «политзаключенных» – это слишком для одного режима). Но раскручивание третьего «дела ЮКОСа», нарочитое сужение двух амнистий так, чтобы Ходорковский под них не попал, мою уверенность свели на нет. ВВП опять удивил.

Освобождение Ходорковского, напомнившее многим высылку (только не через Берлин, а через Франкфурт) в феврале 1974 года Солженицына, еще внешне походило на спецоперацию по обмену шпионами. Что любопытно, в День чекиста. Она в результате и может таковой оказаться. И именно отсюда может происходить тот самый «немецкий след» в деле освобождения Ходорковского, который всех несказанно удивил.

Мало кто помнит, что летом 2013 года суд в Штутгарте осудил за шпионаж двух немцев (а может, и не немцев), 20 лет поставлявших в Россию секретную информацию. Они проходили на процессе под именами Андреаса и Хайдрун Аншлаг. Судя по всему, это была классная работа, и Москве удалось получить секретные данные об операции НАТО в Афганистане, развертывании ПРО в Восточной Европе, отношениях между ФРГ и США и т. д. Их «сдало» ФБР в октябре 2011 года, которое, в свою очередь, получило информацию о сети российских разведчиков-нелегалов от предателя-перебежчика Александра Потеева.

Их адвокат Хорст-Дитер Петчке тогда признался, что переговоры об обмене уже ведутся и «он может состояться в любой момент».

По некоторым данным, вопрос поднимался и на личной летней встрече Ангелы Меркель и Владимира Путина, хотя представители обеих сторон это отрицали. Посмотрим, где всплывут вскоре супруги Аншлаг. Если мы вообще об этом, конечно, узнаем.

Это помимо того, что вообще в той или иной мере «немецкий след» можно найти чуть ли не во всех проявлениях российской европейской политики. Похоже, еще чуть ли не с екатерининских времен у наших правителей утвердилось мнение, что кроме немцев в Европе толком разговаривать и договариваться особенно не с кем. Ну или воевать. Сюжет с Ходорковским в этом смысле – лишь часть многопланового взаимодействия с Германией по множеству других вопросов, от газовых до визовых и украинских. При всем том, какое место занимают права человека в германской политике и роль экс-министра Ганса-Дитриха Геншера в этой истории.

Другой «фазмен» просматривается в решении администрации Обамы, состоявшемся в минувшую пятницу. Оно ожидалось неделей ранее, но почему-то затянулось. Речь о «списке Магнитского».

По известному закону этот список подлежит ежегодной ревизии (туда могут включаться новые фамилии, а также исключаться имеющиеся), его открытая часть публикуется. Другая часть может быть засекречена администрацией. По информации из конгресса, в том числе от инициаторов закона, еще неделю назад предполагалось, что список будет расширен примерно на 20 фамилий, там должны были фигурировать высокопоставленные чиновники силовых органов. Сенсационным (для конгрессменов) образом этого не произошло. Конечно, не Ходорковский мог быть тому причиной, или, по крайней мере, единственной причиной: сейчас между Москвой и Вашингтоном наметился деликатный диалог по целому ряду направлений, включая Сирию и Иран. Так что не время «кидаться камнями» в стеклянные теплицы друг друга. Просто так совпало.

Еще одно совпадение – визит влиятельнейшего Генри Киссинджера в Москву в самом конце октября. Он встречался с Путиным и главой администрации Сергеем Ивановым. О чем говорили, так никто и не узнал. О том, о сем. Киссинджер – это не фриктивный баскетболист Деннис Родман, зачавший в гости к северокорейскому вождю. Он выполняет самые деликатные просьбы руководства США. А еще он представляет могущественную Kissinger Associates (связанную, в частности, с группами JP Morgan и Goldman Sachs и др.), своего рода часть «мирового правительства». Ее еще называют «масонской ложей» мировой финансовой системы, интересующейся в том числе нефтегазовыми проектами.

Без ее неформального «агемана», говорят, не оформляется большое число сделок мирового масштаба. 12 ноября Николай-

Иванычи убедили Ходорковского написать прошение. Чуть позже «Роснефть» подписывает с ExxonMobil очередную порцию значимых соглашений в области нефтедобычи с использованием имеющихся у американцев современных технологий. Опять-таки просто совпадение.

Все эти совпадения говорят как минимум о том, что между Москвой и Западом остаются каналы высокого уровня доверительного взаимодействия, которые не дают нашим отношениям сорваться в безудержную враждебную истерию. И слава богу.

Что теперь делать самому Ходорковскому? Возможно, он связан некоторыми обязательствами: его пресс-конференция в Берлине укрепила такое впечатление. Если да, он будет их выполнять. Путин, выпуская его, в этом был уверен. Как он выразился в отношении допуска Навального на московские выборы – если бы тот представлял опасность для системы, его бы на выборы не пустили. И хотя он потом поправился – мол, правовыми методами – это, пожалуй, квинтэссенция всего, что он наговорил на пресс-конференции за четыре часа.

Ходорковскому теперь нельзя заниматься политической деятельностью, особенно в «стиле Навального»? Да, но Ходорковский уже и так вряд ли вписался бы в нынешнюю полумертвую «политику».

Даже если бы он, в порыве безумия, скажем, принялся финансировать политические партии типа «Яблока», как раньше, то те бы в ужасе прибежали, словно с горящими угольями на руках, на Старую площадь с воплем: «Что нам с этим делать?!» А уж там бы и решали.

Есть ли какие-то обязательства по части «невозбуждения» новых судов против «унаследовавшей» ЮКОС «Роснефти», «неареста» счетов и пр.? Весьма вероятно (о чем, видимо, Ходорковский и написал в своем письме Путину, приложенном к прошению о помиловании), но возможности лично Ходорковского остановить или отозвать уже имеющиеся иски иностранных акционеров ЮКОСа не так велики.

Ряд исков уже удовлетворен, и «унаследовавшей стороне» пришлось раскошелиться. Все-таки тамошняя судебная система не работает просто по свистку, хотя, наверное, некие неформальные «пасы» возможны. Также сегодня юридически «Роснефть» защищена гораздо лучше. Впрочем, «пакт о ненападении» от Ходорковского ей, с нынешним перегруженным портфелем кредитных обязательств, отнюдь не помешает.

То есть Ходорковский не опасен не только политически, но и юридически.

Намного более опасным для нынешнего режима стал бы некий «заговор», санкции против российских компаний и денег. Самый крайний случай – это когда, скажем, в порыве эскалации конфронтации по линии Россия – Запад арестовываются, к примеру, транзитные счета в каком-нибудь Bank of New York, а это львиная часть долларовых транзакций. Москва чувствует эту угрозу: отсюда усиление курса на «деофшоризацию» экономики. Другое дело, что цена «деофшоризации» во всех ее причудливых и многообразных проявлениях в сегодняшних российских политических условиях может оказаться намного выше для экономики самой России, нежели цена выстраивания нормальных отношений с Западом. Более того, эта «экономическая автаркия» серией «точечных» ударов может эту экономику окончательно добить.

Выход на свободу после десяти лет заключения – это своего рода шок, от которого Ходорковскому еще надо прийти в себя. Он сидел в тюрьме столько же, сколько был богатым. Возможно, третья часть его жизненной драмы – это будет просто частная жизнь ради себя и своих близких. И это как раз было бы самым понятным ее продолжением.

Многие почему-то прочат Ходорковскому благотворительность, особенно в области образования и науки. Возможно, так и будет, хотя у меня есть кое-какие сомнения. Упадок образования, дремучесть мозгов, скудость творческой мысли, непрофессионализм – главная беда современной России. Даже катастрофа. Ходорковский в свое время сделал на этой стезе немало, создав целую сеть просветительских и образовательных проектов. Но эти усилия должны быть масштабными и долгосрочными. Могут пройти десятилетия, прежде чем хоть как-то выправятся мозги и командные посты займут представители поколения не только «не поротого», но и прогрессивно мыслящего.

Вместе с тем многие известные и по-своему яркие выпускники его проектов сегодня находятся в авангарде политического мракобесия. Они не стали «лучами света в темном царстве», оказавшись беспринципными флюгерами-карьеристами. Верховная власть на столь удручающем фоне остается «главным европейцем в России». И предпочитает вести содержательный диалог, вернее решать вопросы, не столько с просвещенной частью российского общества, сколько с генри киссинджерами, ангелами меркель и гансами-дитрихами геншерами. Для прочих – четырехчасовые пресс-конференции в духе сеансов массового гипноза. Впрочем, аудитория, как все, наверное, заметила, того стоит.

2013 г.

Что объединяет Ельцина и Путина

«Я устал, я уйду». И еще — «берегите Россию». 15 лет назад царь Борис в последний день XX века отрекся в пользу преемника, которого сам же и назначил. В этом смысле последовавшая в 2008 году новая операция «Преемник» оригинальностью не блистала.

Само преемничество не противоречит демократии (как не противоречит ни монархии, ни авторитаризму). Уходящий политик волен поддержать своим авторитетом того, кого считает достойным продолжить его дело. А если авторитета и поддержки общества уже нет, то поддержку окажет сама высокая должность. В России не человек красит должность.

Если бы в какой-нибудь Америке непопулярный президент решил оказать посильную поддержку любимому кандидату, участвуя в его избирательной кампании, то такую «помощь» сочли бы «токсичной» и от нее бы вежливо отказались.

Наверное, если бы ставший непопулярным к концу своего правления Ельцин решил поучаствовать в избирательной кампании какого-либо кандидата в 1999—2000-х годах, то и он мог оказать тому медвежью услугу. В кампании Владимира Путина Ельцин и не участвовал. Однако к тому времени тот уже не только побыл несколько месяцев премьером, но и обрел звание и.о. президента. И вполне успел показать себя как молодой энергичный антипод дряхлеющего и не всегда трезвого «отца русской демократии».

Наделение его политическим весом путем назначения сначала премьером, а потом преемником, в отличие от ситуации 2008 и особенно 2011 годов, когда, по сути, так же происходила передача власти «по договоренности в верхах», никого тогда не смущало. И даже в ходе избирательной кампании, которая на фоне нынешних соответствующих ритуалов выглядела вполне конкурентной, так вопрос не ставился.

То, что в 1999 году ельцинским окружением был сделан выбор в пользу операции «Преемник», вместо того чтобы отдаться на волю непредсказуемого народного волеизъявления, свидетельствовало об одном — о глубочайшем недоверии этому самому волеизъявлению.

Которое разделяет поголовно вся постсоветская элита — с тех пор и поныне: народ дремуч и опасен в своих чувствах по отношению к властям предрежащим, и лучше его держать под неусыпным контролем, чем позволять всяческие вольности необузданной самореализации.

В этом плане, собственно, ельцинский преемник довел до логического конца то, что было начато в процессе президентской кампании 1996 года.

Уже тогда правящий класс вынес для себя главный урок, касающийся всеобщих выборов: это слишком опасный инструмент в России, чтобы регулярно так играть с огнем и рисковать, как это было в 1996-м. Ведь все висело если не на волоске, то близко к тому, и если бы не мягкотелое соглашательство Зюганова (за что ему положено теперь, как я полагаю, пожизненное «содержание» в политическом театре), то неизвестно, как бы все повернулось.

Хотя, собственно, как оно могло «не так» повернуться? — невольно задаешься вопросом, наблюдая неизбежный для любой «революции» период консолидации достигнутых результатов, переходящий местами в реакцию.

Нынешний российский парламент — это всего лишь порождение расстрела Белого дома в октябре 1993 года и написанной под впечатлением этого расстрела Конституции. А путинская любовь назначать «технических премьеров» и ценить в этой ипостаси людей, прежде всего, лояльных ему лично, а уже потом все остальное, — это своего рода «фантомные боли» отрезанного от российской государственности раз и навсегда института вице-президента после казусов Янаева и Руцкого.

Ельцинская «семья», выбирая преемника, исходила, во-первых, из намерения обеспечить себе гарантии безопасности и лишь во-вторых — из всего остального.

Не случайно, уходя, Ельцин, по сути, не оставил никакого политического наказа/завещания. Призыв «беречь Россию» можно трактовать как хочешь, это вне политики. И «семья» не прогадала. И намек не было на возможность нарушения этой негласной договоренности. И даже злому демону Березовскому, претендовавшему на то, что именно в его голове и зародился сей план применительно к конкретному и мало кому известному на тот момент полковнику ФСБ, позволили бежать за границу и умереть там почти своей смертью (все же в самоубийстве есть некая принужденность выбора).

Кстати, его партнеру по олигархической медийной клоунаде Гусинскому тоже позволили уехать. Вообще, в отличие от ранних имперских и сталинских времен, нынешний режим куда как менее «кроваваден» в своих нравах, позволяя многим из тех, кто раньше кончил бы на плахе, в подвале Лубянки или в ГУЛАГе, доживать свои дни в приличных зарубежных резиденциях.

Конечно, каждая личность накладывает на историю отпечаток.

Ельцин и Путин — очень разные. И если принять за роднящее их свойство недооценку роли институтов (парламента, независимого суда, равенства перед законом), то почти вся остальная «специфика» правления того и другого вполне уложится в то, что называется «особенностями характера».

Плюс жизненный опыт, менталитет — и то и другое отличные у бывшего секретаря обкома КПСС и полковника КГБ-ФСБ, по

долгу службы занимавшегося «противодействием» вероятному противнику. Который всегда на Западе.

Чаще всего, когда говорят об отличии Ельцина от Путина, поминают отношение к свободе слова и т. д. Отрицать разность личностного отношения к этому институту невозможно. Но заметим: наступление на прессу, на всевозможные НКО и политические вольности началось ровно тогда, когда само общество перестало воспринимать такие свободы как востребованные и необходимые ему.

Сейчас уже и вовсе непонятно, а был ли такой осознанный запрос (на свободы) изначально.

А если не был, то сколь долго мог устоять любой российский правитель (да и не российский тоже) от соблазна заставить заткнуться всех этих «очернителей», «агентов пятой колонны и госдепа». Надо признать и то, что поступают с ними в нынешней России, по ее собственным историческим меркам и по меркам других авторитарных режимов современности, также по-вегетариански. Как говорилось в одном славном фильме, «мог бы бритвой по горлу – и в колодец».

Ну и, конечно, условия существования страны в 90-х были иные. Трудно сказать, как бы повел себя Путин, окажись он в 90-х на постах много выше, чем управление внешнеэкономических связей питерской мэрии. И ему пришлось бы учитывать прискорбное состояние тогдашней экономики страны и ее золотовалютных ресурсов, пришлось бы маневрировать в условиях раздвинутой неустоявшейся еще постсоветской элиты (добрая половина которой состояла из «красных директоров»), пришлось бы взаимодействовать с Западом совсем не в духе нынешней стилистики, то есть – во многом уступать.

И наоборот, условный Ельцин эпохи цены на нефть под 150 долларов за баррель, наверное, сильно отличался бы от того, при котором она стоила около 20.

Кстати, мы еще не видели Путина-президента эпохи «баррель за 20». Осмелюсь предположить, что взаимозависимость «чем дешевле нефть, тем меньше склонности к репрессиям» может сработать снова. С поправкой, разумеется, на личность первого лица и на нынешнее состояние элит, характеризующееся их неспособностью к солидарным действиям и самоорганизации автономно от Начальника.

Когда вспоминают добровольный уход Ельцина, то акцентируют внимание именно на добровольности, а не на объективных обстоятельствах отставки. При вековых авторитарных традициях России с ее трона никто добровольно не сходил, досрочный уход, как правило, означал «табакеркой в висок». Хотя Хрущеву удалось умереть в своей постели, а Горбачев даже не был под домашним арестом после отставки и сегодня свободно перемещается по миру.

Но при всем вершущем характере дворцовых переворотов в России «падению с трона» обычно предшествует и сопутствует потеря авторитета первого лица и в низах общества.

Первый секретарь ЦК Хрущев не зависел от народного волеизъявления, обстановка той поры могла быть официально описана только как «полный одобрям-с». Ельцина ничто не толкало уходить именно в новогоднюю ночь. Горбачев формально мог воспротивиться «беловежскому сговору». Николай Второй мог не подписывать отречение. Однако всякий раз в подобных случаях за спинами «дворцовых заговорщиков» стоит тот самый народ, который безмолвствует (он и в феврале 17-го не безмолвствовал только в Петрограде), но именно по безмолвному отношению которого в какой-то момент русской истории становится необратимо ясно, что тот или иной вроде бы ничем и никем не ограничиваемый и не сковываемый властитель – обречен.

Чисто теоретически можно себе представить, что такое может приключиться даже с Путиным. Который не станет, скажем, вновь баллотироваться в 2018 году. Даже если придворные социологи будут предрекать безоговорочную победу, но при этом в русском воздухе будет разлито вот это вот почти неуловимое извне, но тонко ощущаемое любым знающим свою страну правителем народное – «Надоел!».

Сегодня это далеко не так. И 80-процентные рейтинги одобрения показывают в том числе нынешнее состояние общества, которое себя без Путина не мыслит. Ведь если не он, то кто?

Имеющиеся проблемы обыватели с готовностью объясняют ошибками, а то и заговором окружения (либералов, бездарей, клептократов). В этом смысле Ельцин гениально угадал с преемником: в России даже овладевший в совершенстве всеми «чуровдеевскими» методами электоральных технологий властитель должен уметь прежде всего нравиться людям, даже вопреки экономической реальности, преподносящей трудности. Умение это – почти мистическое, трудно сказать, в чем именно секрет, как вовремя найти те или иные повороты продления магии (Крым в уходящем году стал именно таким неожиданным, но логичным для нынешнего режима поворотом).

Ясно лишь, что нельзя казаться слабым, нерешительным. Нельзя давать понять, что устал, что растерялся. В России от власти нельзя уставать. Этого не прощает ни она, ни безотчетно преданный ей в буквальном смысле народ.

2014 г.

Что будет после Путина?

Нет, это не вопрос, уходящий в политическую бесконечность, о том, что и кто, мол, будет «после Путина». Это более практический и приземленный вопрос о следующем поколении правящей элиты страны: какой будет она, можно ли угадать уже теперь какие-то ее черты? В каких сферах идет ее формирование? Является ли это неким планомерным процессом?

Впрочем, ответ на последний вопрос, видимо, ясен. Он отрицательный. В стране сейчас нет отлаженных «социальных лифтов» с понятными и одинаковыми для всех правилами карьерного роста наподобие, скажем, тех, что были в Советском Союзе, когда Компартия в том числе играла роль «кузницы кадров». И не только по отношению к собственным членам: она занималась «селекцией» управленцев практически во всех сферах жизни.

Китай, который теперь приводят в пример чаще, чем ставшую враждебной Европе, решает подобные задачи в форме периодической – раз в десять лет – ротации управленческих кадров. Включая, заметим, первое лицо государства. Смена планомерно вырабатывается, ротация работает даже в отсутствие такого института, как свободные выборы, что для таких обществ оказывается не критичным, если работают другие институты отбора. Вспомним также вековые традиции китайской школы бюрократии.

Впрочем, кажется, у нас слово «ротация» станет скоро иметь четкую антирежимную коннотацию.

На Украине сейчас пошли другим путем – путем люстрации, которая может затронуть до миллиона человек. Опыт близкой нам по менталитету постсоветской страны может оказаться тем актуальнее, что при последовательном проведении объявленной чистки украинское государство может столкнуться с таким дефицитом профессиональных управленцев и специалистов, что придется либо набирать их за границей, либо полностью развалиться как государству.

В этом смысле тоталитарное общество – «проще». До тех пор пока оно наконец не сталкивается с вызовом (внешним или внутренним, цивилизационным), который ему не по силам, оно вполне способно возвращать будущие управленческие элиты. Ну а потом – смотря как пойдет слом системы.

Но пока тоталитаризм не наш случай. Представить себе нынешнюю как бы правящую партию в роли такой «кузницы» затруднительно. «Как бы правящей» – потому что внутри ее не происходит процесса выработки решений, он перенесен в другое место.

Другая ключевая задача любой партии – выработка идейной платформы, нацеленной на определенные слои населения (ее предполагаемый электорат) – подменена «телевизионной публицистикой» в формате ток-шоу либо громкими, сейчас все больше на грани то ли дремучего невежества, то ли реакционного мракобесия, политическими перформансами, называемыми почему-то законодательным процессом.

Электоральная функция данной партии (мобилизация избирателей под свои знамена, рекрутирование и продвижение через институт выборов новых партийных кадров) тоже, по сути, редуцирована. Прежде всего – в силу деформации самого института выборов под давлением так называемого административного ресурса, который сам по себе внепартиен и представляет собой вертикаль власти, вершина которой упирается даже не в аналог советского политбюро ЦК (который был таки коллегиальный орган при всей узости круга этих «коллег»), а в одного-единственного человека.

В некоторых других странах так называемого социалистического содружества (например, в ГДР или Польше) будущая правящая элита страны отчасти сформировалась внутри существовавших там некоммунистических партий. Они хотя и были на побегушках и вторых ролях при своих режимах, однако не опускались до такой потери собственного политического лица и пресмыкательства перед властью, каковое сейчас демонстрирует так называемая думская оппозиция.

Еще пару лет назад казалось, что в своем пусть и подчиненном ЕР формате, не предусматривавшем все же соития с ней в политическом экстазе, они могли бы сыграть подобную роль. Но сегодня их представители, пожалуй, выделяются лишь гипертрофированным непрофессионализмом на грани глупости и стремлением выпрыгнуть буквально из штанов от рвения быть «правее папы Римского» в угадывании будущих зигзагов генеральной линии.

Что касается всевозможных околопартийных молодежных структур, то они, подававшие первоначально (вроде организации «Наши» и прочих им подобных) надежды или страхи – кому как, – что из них вырастут достойные хунвейбины режима, ни этих надежд, ни этих страхов не оправдали, а просто бесславно и бессмысленно сдулись. Уж точно не став никаким «социальным лифтом».

Одновременно кончились и всякие медведевской поры игры в президентские сотни и тысячи так называемых кадровых резервов. Мало того что попадание в списки (некие наивные, но ушлые люди, говорят, пытались даже приторговывать там местами) осуществлялось по непонятным критериям, но и принадлежность к ним утратила, кажется, всякий смысл. Нет, конечно, вполне возможна сегодня ситуация, когда некоего относительно молодого активиста ЕР или «Народного фронта» могут выдернуть куда-нибудь наверх, снабдив должностью. Но это будет скорее исключением из правил, эти правила (вернее, их отсутствие) подтверждающим.

Другой сферой, где могла бы формироваться будущая управленческая элита, могла бы быть бюрократия в широком смысле слова. Особенно если речь об элите технократической.

Казалось бы, заданный курс на «суверенизацию элиты», выливающийся, с одной стороны, в ограничения (подчас уничижительные, вроде запретов на выезд за границу), с другой – в неуклонное задабривание в виде опережающего по сравнению с остальной страной повышения материального благополучия, создает определенные предпосылки для формирования будущей элиты.

Однако в заданном курсе явно недостает составляющих. Кнут и пряник важны, но неисчерпывающи. Нужны еще и принципы, общегосударственные (и общественные) ценности, этический кодекс поведения, меритократизм, служение, если угодно, не непосредственному и вышестоящему Самому Большому Начальнику, а стране. Что, собственно, отличает адекватную вызовам современности элиту от замкнутой касты янычаров (у которых, впрочем, с принципами было все по-своему в порядке).

К тому же некоторые ограничения (типа запрета на иностранные активы) не просто сквозят тупым изоляционизмом, но и отсекают от политического процесса тех, кто создает большую часть материального богатства страны, – частный бизнес, который в современных условиях не может не быть глобальным, если только речь не идет о ларечниках.

От политического процесса и, стало быть, от влияния на формирование будущей элиты страны отсечены сейчас и те, кого можно было бы назвать условно интеллектуалами и экспертным (научным) сообществом.

Власть стала подчеркнута антиинтеллектуальна и даже, кажется, этим бравирует.

При этом экспертное, научное и интеллектуальное сообщества, конечно, сильно деградировали. И в силу собственной невостребованности – не только властью, но и на глазах люмпенизирующимся обществом, где знания не ценятся, ибо обладание ими вовсе не ведет к жизненному успеху.

И в силу деградации образования и наук – технических и гуманитарных особенно. Кого ни спросишь из работодателей в самых разных сферах – все в один голос жалуются на безграмотность и вопиющий непрофессионализм представителей новых поколений.

Что касается представителей ширящегося в последнее время волонтерского движения, а также НКО (можно даже оставить в данном случае в стороне те, что занимают критическую по отношению к власти позицию), то подобную несанкционированную сверху активность стремятся прежде всего нейтрализовать или вовсе запретить. Вместо того чтобы привлечь этих людей, демонстрирующих поведение, достойное настоящей элиты, к общественному строительству.

Им же установлен потолок – заседания в полубессмысленной какой-нибудь Общественной палате. Да и то не всех пускают, фильтруя состав таких организаций даже там, где они ничего не решают.

Впрочем, скоро может стать уже не до терпеливого воспитания элит на будущее.

А надо будет в пожарном порядке решать вопросы поддержания работоспособности инфраструктуры, сохранения хотя бы на каком-то приемлемом уровне системы здравоохранения (падение квалификации врачей называют чудовищным многие представители самой отрасли), поддержания в работоспособности сложных, требующих компетентных решений технологических и общественных систем.

Дойдет до того, что неизбежно предстоящие задачи модернизации экономики и общества будет некому внутри страны не только решать, но и элементарно осознать их актуальность.

Неужто придется, как Петру Первому, завозить для новой модернизации иностранцев, а то и – сообразно усложнившимся задачам современного общества – профессиональных и честных судей, управленцев и даже тех, кто сможет грамотно написать законодательный акт так, чтобы он потом работал? Как-то уж такое «возвращение к истокам» спустя три столетия было бы совсем обидным. Хотя, возможно, к тому времени, когда такой вопрос у нас поставят в повестку дня, пройдет уже не три столетия, а все четыре.

2014 г.

Не о чем спорить с Путиным

Когда президент Путин оглашал Послание, то по большому счету спорить с ним было не о чем. Все это правильные вещи, и хорошо, чтобы так оно и стало. Однако фраза императора Александра, которому недавно поставили памятник близ Кремля, кажется, витала над залом, собравшим больше тысячи представителей элиты страны.

Почти все меры, изложенные в Послании, хорошо укладываются в теорию «развивающегося государства». Получившая популярность в западной политологии в начале 90-х годов XX века, она описывает практику развития, которую предприняли после Второй мировой войны многие страны Африки и Латинской Америки.

Доминирующая роль государства в экономике, опора, как правило, на отечественный сырьевой сектор, на госинституты развития, курс на импортозамещение – все это позволило сделать рывок в экономике, потеснить бедность, решить многие социальные задачи. К примеру, в 1960—1980-е годы такие страны, как Танзания, Кот-д'Ивуар, Гана, были весьма динамично развивающимися. Во многом в эту же схему вписываются и экономики Юго-Восточной Азии, начиная от послевоенной Японии и кончая Китаем, Южной Кореей, Вьетнамом, Таиландом, Тайванем, Индонезией и т. д. Признаки «развивающегося государства» отчетливо видны в Бразилии и ЮАР.

При этом, вопреки распространенному представлению, до определенного момента такие факторы, как коррупция или колоссальный разрыв между самыми богатыми и бедными не оказывали решающего тормозящего воздействия на экономическое развитие по модели «развивающегося государства».

Так, в показывавших до недавнего времени впечатляющие темпы роста Ботсване, Бразилии и ЮАР при этом «коэффициент Джини», статистический показатель степени расслоения общества, оставался одним из самых высоких в мире – 0,63, 0,59 и 0,58 соответственно (для сравнения, в России – 0,41, в США – 0,42, в Скандинавских странах – до 0,3).

Вопрос также в том, какой именно тип коррупции в такой стране (скажем, во второй половине XIX века Америка была вполне коррумпированной страной, но это не стало тормозом индустриализации, скорее наоборот). То есть становится ли государство как главный двигатель развития заложником узких групп интересов, принося в жертву им общенациональные цели, или же остается в большой степени «автономным» от таких групп – прежде всего благодаря высокому уровню профессиональной бюрократии, правовой системе и того, что называется «good governance», – качеству госуправления.

В большинстве стран Африки к началу 1990-х годов драйв «развивающегося государства» выдохся.

Многие режимы из авторитарных (что само по себе не есть тормоз для развития в рамках такой модели) превратились в мракобесно-авторитарные, стали заложниками интересов разных кланов, «приближенных к трону», принеся им в жертву интересы общенационального развития. Их элиты, став жертвой неопатримониальной политической системы, не вынесли испытания бесконтрольной властью.

Участь сия не миновала и многие страны Латинской Америки. В этом принципиальная разница между ними и странами Юго-Восточной Азии, где государственная бюрократия сумела преодолеть во многом такие же соблазны (что не отрицает само существование массовой коррупции, но такой коррупции, которая не стала именно тормозом на пути движения к общенациональным целям развития). Госслужба в «провалившихся» странах превращалась, с одной стороны, в объект патронажа дорвавшихся до эксклюзивного влияния на власть узких групп интересов, с другой – в средство наживы для их ставленников на государственных постах.

Вторым важным отличием стала ориентация стран ЮВА после короткого увлечения импортозамещением на экспорт продукции, что диктовало заботу о ее конкурентоспособности, высоком качестве и, стало быть, повышении эффективности производства на основе заимствования передовых западных технологий, корпоративных и юридических практик. Тогда как в «импортозамещающих системах» на фоне деградации способности попавшего под влияние узких групп интересов государства следовать общенациональным стратегическим планам развития эффективность государственных институтов развития и госинвестиций падала, росли внешние долги, коррупция превращалась в непреодолимый тормоз развития.

Упорная ставка на импортозамещение, акцент на защите неэффективных отечественных производителей вели к еще большей неэффективности производства. Тогда как страны, ориентированные на экспорт (ЮВА), успешно привлекали инвестиции в эффективное производство товаров, пользующихся как внешним, так и внутренним спросом.

На фоне разочарования в модели «развивающегося государства» (плюс позже крах СССР и социалистического блока, построенных по такой же модели) начался рост популярности неолиберализма с его тотальной приватизацией, сокращением вмешательства государства в экономику, сокращением социальных обязательств и торжеством «руки рынка». Смотри, как говорится, пример Пиночета в Чили.

Однако после кризиса 2008 года о «реванше» неолиберализма речь уже не идет. Скорее о сочетании отдельных его элементов с методами «развивающегося государства».

В условиях современной экономики, глобализации технологических процессов, расцвета информационных технологий и «экономики знаний» нужна большая гибкость в применении методов госрегулирования и стимулирования роста. За счет частного-государственного партнерства, новых форм стимулирования частных инвестиций в общегосударственных целях (именно

частные инвестиции сегодня становятся все более важным источником вложений в будущее даже в странах, которые можно причислить к модели «развивающегося государства») гибкость в применении регламентирующих методов, дабы быстрее подстраиваться под рынок.

Сегодня «развивающееся государство» должно уметь «венчурно» рисковать, быстро учиться, искать новые возможности, продукты, свои ниши и перспективные технологии в глобальной экономике. Уметь смотреть в будущее, улавливая новые тренды. Старые институты развития на это не годятся.

Нужно новое качество законодательства, права и правоприменения, регулирования, новое качество госинститутов и бюрократии. Она сегодня должна «учиться капитализму», как раньше «училась коммунизму».

Время предъявляет новые требования к качеству и российских госинститутов. К компетентности российского правящего класса. К его способности как корпорации в целом противостоять захвату государства и отдельных институтов паразитическими группами интересов в ущерб интересам развития страны.

Есть ли такие качества сегодня у наших госинститутов, у правящего класса? Сможет ли «развивающееся государство» нового типа выработать адекватный ответ на вызовы времени – нельзя же навсегда зависнуть в «черной дыре» неопределенности и некомпетентности, между демократией и меритократией.

Иначе даже правильно сформулированные задачи снова будет «некем взять».

2014 г.

Мораль на ощупь

В ходе очередной «прямой линии» с Путиным не прозвучало вопросов морально-этического порядка. Ни про на шумевших в соцсетях «пчелою», ни про «Тангейзера», ни про уголовную ответственность за аборт (такой проект уже поступил в Думу, правительство возражений не выставило), ни про запрет фильмов. Про оппозицию (конструктивную) были мимоходом повторены известные тезисы. Про Интернет, прессу, НКО и сопряженные темы – почти ни слова.

Конечно, аудитория «прямой линии» – это прежде всего «страна телевидения», а не Интернета. А на ТВ, за исключением оренбургских «пчелою» в подаче отдельных ток-шоу, об этих сюжетах в последнее время ничего не говорилось.

С другой стороны, нельзя не отметить и мудрость организаторов 4-часового общения с народом. Ведь стоит Начальнику обмолвиться о своем отношении к тому, что у нас проходит по разряду «скрепы», как начнутся от воодушевленного желания угодить начальству и предугадать его мысль такие «перегибы на местах», что мало не покажется. Не будет предела буйству охранительной мысли.

Так что сдержанность первого лица по части морализаторства в нынешнее время – это то, что раньше называлось «царь – главный европеец России».

Тем не менее отдельные «неравнодушные представители» общества продолжают, что называется, наугад нащупывать все новые и новые «скрепы». Остальные с большим или меньшим интересом наблюдают, где же то самое дно, на котором этот окрашенный архаикой, выдаваемой за «возврат к истокам», а то и откровенным мракобесием поиск остановится. Поскольку целостной идеологии, цементирующей и направляющей морально-нравственные искания «неравнодушных», нет, то все происходит во многом спонтанно. Как блуждания в темном лесу в сумерках.

При наличии «направляющей идеологии» можно легче предугадать, что такое хорошо, а что такое плохо. А так получается, что на месте еще недавно идейного вакуума выстраивается некая система табу, где ответ на вопрос, почему это сегодня можно, а то-се завтра уже нельзя, звучит примерно так: «потому что».

Вот выложил кто-то показавшийся «непристойным» танец оренбургских подростков в сеть – и пошла волна. Школу танцев закрыли, в аренде отказали, по стране чуть ли не готовятся проверять репертуар всех танцевальных студий. Если бы видео не выложили – ни у кого внутри от возмущения «развратом» бы не щелкнуло. Критериев-то, ориентиров нет никаких (вот и Начальник молчит по этой части, екая незадача). И происходит угадывание, что пристойно, а что антипатриотично и развратно. При этом принцип «лучше перебдеть, чем недобдеть» остается главной в таких случаях путеводной звездой.

Если бы не юбилей Победы, на фильм «Номер 44» тоже могли не обратить внимания. При том что по антиисторической «залипухе», над которой в российских кинозалах ржали бы в голос, катая по полу пивные бутылки, он, видимо, мало чем отличается от без проблем попавшего в наш прокат фильма «Охотники за сокровищами» с Джорджем Клуни, где советские солдаты, мягко говоря, мало соответствуют привычному нам кинообразу. А можно еще вспомнить снятый в аналогичной стилистике живописания ужасов сталинизма фильм Кончаловского «Ближний круг». Правда, он был снят давно, в иное политическое время.

Попытки определить и заставить следовать других принципам «правильной морали» во многом идут, увы, не от искренней веры в провозглашаемые и навязываемые «идеалы» (впрочем, в основном речь о запретах), а от банального и циничного политиканства, от стремления попасть в тренд времени.

В какой-то мере это можно сравнить с провозглашенной нынешними украинскими властями политикой «десоветизации».

Где таковая политика, включая героизацию бандеровщины (то есть пособников нацистов), придумана не столько как реакция на чаяния народных масс, сколько как проявление того же политиканства, попытка выстроиться нечто «назло москалям» и для дымовой завесы над коллапсирующей экономикой.

В этом смысле «мораль», а также поиски всяческих врагов – штука незаменимая, в нашей исторической традиции не раз опробованная. Так что мэр славного города Бердска, выступивший против прямых выборов, так как это на руку западным спецслужбам, по нашим временам не идиот, а политически грамотный управленец. Теперь его уволить – вроде как сыграть на руку Госдепу.

Представления о модном политическом тренде у нас формируются подчас в головах людей (которые почему-то по этой части как раз более активны), которые сами своим поведением ему не соответствуют ни сном ни духом. Отчего все это фарисейство выглядит еще более пошло и местами отвратительно.

Возможно, люди типа Мизулиной или Милонова, в силу разных личных обстоятельств и пройденного извилистого жизненного пути, действительно пришли к воззрениям, которые они пропагандируют, искренне. Но таких «пассионариев» в современной российской политической номенклатуре – меньшинство. К остальным вполне применим призыв: вы либо крестик снимите, либо трусы наденьте. Потому-то часто попытки оказаться «в тренде» получаются смешными и нелепыми. Так, посмешил сибирский полпред Рогожкин, когда упомянул пожары в регионе в контексте происков некоей «оппозиции».

С самого начала советской власти и до самого ее конца не прекращались поиски идеала поведения советского человека –

строителя коммунизма. Выявлялись и отсеивались «буржуазные пережитки», новая идеология и мораль выстраивались на основе «пролетарского революционного мировоззрения». Идеологические осколки той эпохи и сейчас пытаются как-то приспособить (подчас нелепо) для строительства нового «храма», как пытались некогда разрушившие Рим варвары и их потомки приспособить для своих построек кирпич, мрамор и каменные блоки от растащенных римских сооружений.

Но поскольку единого «архитектурного решения» нет, то получается примерно как в любом садово-огородном поселке, где кошмарный сон архитектора воплощен в стиле «кто в лес, кто по дрова».

В отличие от советской эпохи, дело строительства – вернее, поиска на ощупь – новой морали и нравственности не поручено мощным структурам типа Компартии, комсомола, пионерии и идеологического отдела ЦК КПСС. Те исправно выдавали на-гора готовые ответы на все вопросы текущего времени: кто друг, а кто враг, какая выставка «правильная», а какая диссидентствующая, какие ВИА могут выступать с концертами, а какие нет (с проверкой репертуара, разумеется). Какие фильмы надо прокатывать, а какие запрещать или показывать только в Доме кино для «гнилой интеллигенции». Были даже ответы на вопросы, патриотично ли носить джинсы или длинные волосы (стиляги). Простая и понятная колея жизни и смыслов. Когда фривольные танцы в исполнении гэдээровского «Фридрихштадтпаласа» были предписаны в строго отведенное для этого время – глубоко за полночь на Пасху, чтобы отвлечь молодежь от «тлетворного влияния» церкви.

У нас же теперь все сводится либо к отдельным, подчас шальным, инициативам внезапно прозревших по части морали политиков, либо к спускаемым сверху «проектам», от которых при ближайшем рассмотрении трудно отделаться от ощущения, что они есть не что иное, как циничный «распил» бюджетных денег без стыда, совести и той же морали.

Ни одна из существующих в России партий до сих пор не взяла на себя смелость сформировать целостную идейную платформу на сей счет – причем так, чтобы сами функционеры этой партии подавали личный пример следования ей в своей мирской жизни. Оно и разумно. Иначе мог получиться в исполнении нынешней «политической тусовки» вполне тошнотворный результат.

Церковь отчасти старается выполнять эти функции, однако не во всем справляется. Во многом по причине неготовности к более активной социальной роли – самостоятельной и, главное, независимой от государства – в гражданской жизни. Скажем, у церкви нет программ, близких по масштабу к тем, что делает светский фонд «Подари жизнь» и другие подобные НКО.

В обществе объективно имеется запрос на некие понятные и разделяемые большинством морально-нравственные ориентиры. Усталость от политического цинизма и вранья накапливается.

Хотя она и далека от того, чтобы вызывать открытое возмущение, но выливается в растущее отчуждение людей от политических институтов и рост недоверия к ним. Ко всем, кроме персонально президента.

Формирование новых ориентиров во многом происходит под целенаправленным воздействием вполне управляемых СМИ, но во многом и вопреки им – под влиянием объективных факторов не вполне «человечной» (по идеализированным советским меркам) теперешней жизни, где каждый за себя и против всех. Массовое общественное сознание пока плохо реагирует на попытки ультраконсервативных «пассионариев» настроить его на тоталитарную волну архаики: к примеру, Новосибирский театр, «не так» поставивший оперу Вагнера, ведь не разгромила возмущенная толпа.

К призывам что-то очередное запретить «тлетворное» большинство остается равнодушным, как к уже привычному информационному шуму.

Однако и «прогрессивной либеральной общественности» нынешнее массовое состояние умов, разложи эти умы по полочкам, вряд ли сильно понравится. Оно скорее характерно для традиционалистских обществ, а на фоне упадка образования только полнится все новыми дремучими представлениями о мире и о «прекрасном» в нем. В таких условиях попытки воссоздать некое подобие тоталитарной идеологии могут стать опасными для самих реаниматоров. Потому как неизвестно, куда двинет этот освобожденный Франкенштейн и кого по пути сметет.

Так что на ближайшее время усилия по поиску новых «скреп» будут по-прежнему, скорее всего, носить эпизодический, спорадический, несистемный характер. Найдут опять «не тех пчелю», всколыхнутся на тот или иной эксцесс театрально-выставочно-кинематографической деятельности, да и только. Повозмущаются в соцсетях, в Думе, перетрут на ток-шоу по телевизору, да и забудут.

Потому что – «ну вы же все прекрасно понимаете». Или, как говорят между собой артисты миманса в балете, когда нужно мимикой показать оживленный разговор: «Ну, о чем тут говорить, когда не о чем говорить».

2015 г.

Исчезновение президента

В чем «прелесть» попыток объяснить или предсказать действия какого-нибудь авторитарного правителя: что ни напишут «предсказатели», имеет совершенно равные шансы оказаться как полной чушью, так и иметь непосредственное отношение к реальности.

А еще у некоторых подобных правителей была такая чудная манера, как «сказываться больным» и наблюдать, когда у кого из приближенных не выдержат нервы и проявится на лице некое подобие радости от предвкушения безвременной утраты отца родного. Так, помнится, любил поступать коварный сирийский диктатор Хафез Асад. Несколько раз он «смертельно заболел», что приводило к нездоровому оживлению его недругов, которых, разумеется, ждала скорая расправа тотчас после счастливого выздоровления правителя.

Но мы в развитии своей так называемой политической жизни пошли, как всегда, своим путем и, разумеется, по-сусанински ушли дальше всех. Где нас уже никто не поймет, не найдет и не раскусит.

Тем более что карту пути и, главное, возвращения обратно мы для секретности съели по дороге.

У нас окончательно стерлась грань между реальностью виртуальной и всамделишной. Мифы, рождающиеся в головах конспирологов, которые пытаются цепляться – а напрасно, господа, напрасно! – за остатки «реальной реальности», один фантастичнее другого. Они вмиг превращаются в элементы некоей умозрительной конструкции, которую пытаются прилепить к летописи наших временных лет.

Летопись отчаянно сопротивляется, мифология трещит по швам при первом же испытании ее парой-тройкой вопросов из разряда наивного здравого смысла – мол, зачем этому персонажу совершать то-то и то-то, ведь незачем. Но все увлеченно продолжают «лепить горбатого к стене».

Текущая «политология» окончательно превратилась в написание сценариев для фантастических «комиксов про Бэтмена». При том что главные герои комиксов, неуловимо чем-то похожие на реально живущих людей из плоти и крови, скорее всего, наблюдают за всеми этими потугами из Тайной комнаты, временами посмеиваясь в кулачок над очередной версией происходящего, поданной в красной папочке в порядке доклада перед завтраком или заплывом в бассейне.

Конспирологи могут быть совершенно счастливы: можно выдвинуть в качестве рабочей версии любой бред – и он будет правдоподобен, как и другой бред, прямо противоречащий первому. Если где-то кому-то и грезилось создать столь идеальное воплощение Политической Системы Зазеркалья, то вот оно. Макиавелли отдыхает.

Все не то, чем кажется. Все неправда. И в то же время нет ничего, что могло бы помешать любому фантастическому повороту сценария «комикса» стать реальностью уже завтра в виде официального правительственного сообщения.

Надо лишь успевать записывать, чтобы потом живописать в детективном романе. Благо Грэм Грин умер и позавидовать полету фантазии, подсказанной взбесившейся жизнью, уже не сможет.

Чего только в последние дни не понаписали. Что у национального лидера рак (сразу несколько вариантов – чего именно) или инсульт. Что он «блокирован силовиками». Или, напротив, не блокирован, а отправился на роды в клинику Св. Анны, что в кантоне Тичино. Но тогда он не болен, а здоров как бык. Но в Тичино вроде не заметили сил быстрого развертывания ФСО, да и кто там родился? И от кого? Версии путаются. Вариантов вроде два – либо мальчик, либо девочка.

А может, Его просто все настолько достало, что с возгласом «Да провались оно все!» он уехал летать со стерхами, обнимать тигров или гладить кусаток?

А что, кстати, с ФСО? Говорят, пошла война не на жизнь, а на смерть: тайные полки службы охраны вступили в неравный бой с превосходящими по численности силами МВД-ФСБ, причем в роли «засадного полка» на стороне первых выступила гвардия самого Рамзана Ахматовича. А убийство Немцова было всего лишь «красной ракетой», сигналом к атаке. Его то ли заказали те, кто хотел «сломать и дожать» (до чего?) Папу, либо «укрофашисты» и их пособники из числа недобитых дудаевцев из Киева по сигналу, разумеется, из Вашингтона. Прознав про все, еще говорят, Сам не только заболел, но и принял ислам. Ну или уехал молиться на Валаам. Или на Афон в подземной вагонетке через второе секретное метро и библиотеку Ивана Грозного.

А тут, шепчут по соцсетям, вроде еще «убивают» бывшего верного телохранителя Золотова, он же нынешний замминистра МВД, метивший на место Колокольцева. Его уже «несколько дней никто не видел», а то ведь он до этого будто каждый божий день прогноз погоды в программе «Время» с Екатериной Андреевой вел. Сие есть косвенное подтверждение заговора и переворота, совершенного якобы «партией крови» против «партии бабла».

Не обошлось и без балета. Нет, не «Лебединое», а «Гамлет». Там тень Настоящего «Игорь Ивановича» явилась в ложу Константину Вадимовичу Ремчукову в образе то ли Будберга, то ли Тимаковой и простонала: «Я пал, пронзенный отравленной стрелой Дворковича, я умираю, верните Мише его 50 «ярдов», снимите их с моей сберкнижки в Сбербанке, и да будет Греф». Кем да будет Греф? Да хоть премьером. А Дмитрий Анатольевич? Его уж нет, он перевел часы на европейское время и в Петербурге выносит мебель из казенной квартиры Зорькина и вносит свою.

И тут в пятницу, 13-го, Сам встречается на виртуальном экране с человеком, похожим на председателя Верховного суда, и говорит вполне членораздельно даже некоторые слова. «Врешь! – кричит клака с галерки фейсбука и второго яруса балкона твиттера. – Не он это, не председатель!» Настоящий председатель седой был еще днями, а этот крашеный. Да и часы на столе Самого, что в кадре, Кадырову были подарены давеча. Аккурат когда Сам на коллегию ФСБ не явился (боже, когда же такое бывало, чтоб на коллегию к своим-то? Али они уже не свои?!), а человек, похожий на Патрушева, провел Совбез на выезде в Пятигорске. Совбез? В Пятигорске? Синонимичном, как известно, Провалу. На выезде? Почему не Сам?

Тут и Рамзан Ахматович вступил со своей партией Верного Служаки – нет-нет, до бедного Йорика ему еще далеко: «Я подчеркиваю, что всю жизнь обязан Владимиру Путину, предан ему как человеку. И это не зависит от того, при должности он или нет!». Это даже не Чайковский и не Шекспир. Это уже полный Вагнер. Но кто тут бедный страдающий король Людвиг?

И вот эта фраза в инстаграме – «при должности он или нет». Она, как бешеная валькирия, уносит нас тревожными вожделенными ожиданиями с электоральной верой в 88 % (где две восьмерки – символ бесконечности, а не рутинная поделка ВЦИОМа) – верой в явление Его народу непосредственно. То ли в Крыму на празднование годовщины Возвращения. То ли в Петербурге, где нашего героя-Бэтмена ждет почему-то непривычный для комиксов главный киргиз. То ли на Васильевском спуске с видом на Большой Москворецкий мост им. Немцова, где фуры уже привезли реквизит и декорации для праздничного концерта в честь того же Возвращения (или там на самом деле спрятались полки андроидов для штурма Кремля?).

Все сжалось во времени и пространстве. Кажется, приближается апофеоз нынешней серии фантастических комиксов: наш Герой появляется одновременно в Крыму, на обеде в Петербурге и на Васильевском спуске вместе с Викой Цыгановой, сжигающей чучело Макаревича.

Конспирологи, конечно, не верят, что такое возможно. У них двоится и троится в глазах от двойников и версий. Они молят Дмитрия Пескова о пощаде: не мучай, Ваше Преосвященство Кардинал виртуальной реальности, растолкуй, мы сошли с ума. Что сие означает? Был ли мальчик? Или хотя бы девочка. Куда несется Русь? Где и кто Папа? Но нет, не дает ответа. Лишь лукаво усмехается в усы. Конкурс на развесистую клюкву продолжается. Этот конкурс и есть самоцель всего.

2015 г.

Куда приведут Россию западные санкции

Неделю назад один уважаемый мною экономист успокаивал: мол, американские санкции не затронут расчеты по пластиковым картам, тем более обывателей. И вот – с нажатием двух кнопок с надписями Visa и MasterCard – последствия начинающейся экономической войны Запада против России почувствовали на себе держатели примерно полумиллиона карт. Подчеркну – начинающейся.

Ошибкой было бы относиться к этим санкциям с показушной бесшабашностью фигурантов черных списков: мол, нам все равно, счетов нет, в Америку и Европу не собирались, плевать на них. Косвенных, нигде не объявленных последствий для многих людей и всей российской экономики может оказаться больше, чем сейчас можно представить.

Что-то проявится не сразу и неожиданно. Что-то кажется и вовсе невозможным. Как подавляющему большинству казалась невозможной Первая мировая война даже тогда, когда Гаврила уже выстрелил в Фердинанда. Мол, все рассосется. Увы, слишком многое уже не рассосется. И это не столько повод кого-то пугать – к чему это, если все уже произошло, каток покатился под гору, и нам остается лишь наблюдать его разрушительный разбег, – сколько сигнал пристегнуть ремни безопасности. Будет турбулентность.

Экономические санкции – изобретение второй половины XX века. Они работают по одному правилу: их введение никогда не останавливало того, против кого они направлены.

И всегда получается так, что бьют вроде как по «тирану и его окружению», а попадают в народ, а «тирану и окружению» – хоть бы хны, только рейтинг растет. Как ни странно, куда более эффективна и продуктивна отмена санкций. Но чтобы их отменить, надо их ввести. До отмены нам далеко.

И не только потому, что президент Путин не отступит (а это так), а еще по двум причинам. Первая – Украина. Там не видно признаков стабилизации. Если так пойдет, до выборов президента (по каким правилам и на основании какой конституции?) в конце мая может и не дойти, зато может дойти до срыва посевной, коллапса остатков экономики, разрухи, активизации протестов, в том числе вооруженных, полной «махновщины», до таких «милых» вопросов, как обеспечение безопасности инфраструктурных и ядерных объектов. Которую обеспечит кто? Мировое сообщество, похоже, еще не свыклось с мыслью, что в центре Европы зреет «Сомали 2.0».

Впрочем, в этом кризисе все запаздывают с осмыслением событий и действуют быстрее, чем думают.

Вторая причина – это лично Путин. Не только «восьмерка» мертва. Запад никогда его не реабилитирует, как и он – Запад. Отношения с «его Россией» никогда не будут прежними. Крым, даже если и проплотят (а пока не хотят), то не забудут – не простят. Если, конечно, не произойдет нескольких вещей:

- 1) Вторжения инопланетян и сплочения всех землян перед общей угрозой.
- 2) Если в результате некоей интриги внутри российской правящей элиты (наподобие тандема 2008–2012 годов) будет сделана ставка на «разводку» между двумя «следователями» – добрым и злым. Или же если сам Путин (во что сейчас не верится) тихо-мирно уйдет в 2018 году. До которого сейчас – как до Альфы Центавра. Второй вариант на сегодня имеет такую же вероятность, как и первый.
- 3) Если события на Украине приобретут такой катастрофический характер, вплоть до угрозы нескольких Чернобылей, что идея навязывания ей спасительного внешнего управления примирит всех. Хуже всего, если восприятие катастрофичности событий на Украине Москвой и Западом вновь – как и сейчас – не совпадет. И тогда кажущийся Путину продиктованный чрезвычайными обстоятельствами ввод войск на основную территорию Украины будет воспринят как эскалация агрессии, требующая чрезвычайных контрмер. С которыми не замедлят, отбросив уже всякую щепетильность.

На мой взгляд, реакцию Запада в виде санкций ошибочно оценивать сугубо в сухих расчетах выгоды-невыгоды.

Они есть, особенно у европейцев. Однако и там, не говоря уже об Америке, все больше нарастает тот пресловутый «альтруистический фактор», когда не столько уже учитываются издержки производимых действий, сколько есть готовность платить все большую цену за поставленную политическую цель. В данном случае – противодействие путинской России. Кто, скажем, считал издержки, когда всем тогдашним цивилизованным миром, под причитания интеллектуалов «о нет, это невозможно», вползали в Первую мировую?

Так и сегодня. Когда говорят, что две ведущие платежные системы не рискнут потерять российский рынок потенциальным объемом 100 млн человек, находится возражение: это небольшая цена за поставленную вышеупомянутую цель. И поэтому, в частности, у инициаторов законопроекта о создании собственной платежной системы (до октября), ставящих жесткие условия Visa и MasterCard, может не оказаться этих месяцев, а ответ на ультиматум замкнуть внутренне расчеты на Россию может быть отрицательным уже сейчас.

Мы к этой войне, как и ко многим другим в своей истории, не готовы. Нас извиняет лишь то, что мы и не готовились.

Ровно так же и с резким сокращением (или полным отказом) Европы от российских нефти и газа. С практической точки зрения

это дорогостоящая блажь. С точки зрения политического идеализма это плата за достижение поставленной цели. Достижимой при большом желании года за три, а то и быстрее.

Совокупная стоимость афганской и иракской операции для бюджета США в прошлом году составила около \$1,5 трлн. Несколько миллиардов долларов в день. Общая стоимость за все годы, по разным оценкам, от \$6 трлн до \$20 трлн. И никаких особых проблем для американской экономики (если не считать роста госдолга, по которому платить не нынешнему поколению) такого масштаба траты не доставили.

На экономическую войну с путинской Россией, если Вашингтон действительно поставит задачей нанести ей непоправимый ущерб, даже таких сумм не понадобится. Наша экономика критически завязана на внешний мир. В гораздо большей степени, чем СССР, который мог выдержать любые санкции в момент ввода войск в Афганистан в 1979 году, но все равно не выдержал длившееся несколько лет падение цен на нефть, которое можно прогнозировать и в наше время – в случае выхода Ирана на рынок. А Тегеран спешно готовят как раз к отмене санкций – уже в начале апреля.

То, что Путин призвал пока воздержаться от ответных мер в отношении Америки (как и введения виз для украинцев), – это мудрый шаг. Эскалация экономического противостояния в условиях такого неравенства сил губительна для нас.

Сегодня значение России даже на развивающихся рынках намного меньше, чем о том думалось еще пару лет назад. Сам БРИКС вообще померк в последние два года: чудо признано несостоявшимся. Можно долго приводить цифры, показывающие нашу технологическую зависимость от Запада. Скажем, в поставках машин и оборудования, которым не найти замену в Китае. Или о том, как трудно будет переориентировать на Китай нефтегазовый экспорт, что принесет потери в доходах в разы. О том, как критична зависимость от западных комплектующих и технологий, к примеру, в разных областях здравоохранения, что уже ближе обывателю, чем просто машины и оборудование.

Неожиданности с банками могут быть дополнены другими атаками на поражение, в том числе всей финансовой системы. Хорошо еще, что ГЛОНАСС успели запустить. Ответные действия российских властей будут направлены на установление режима жесткой экономии, сокращение социальных программ, ужесточение валютного контроля вплоть до заморозки вкладов – при неблагоприятном развитии событий, когда будут исчерпаны золотовалютные резервы (горизонт – до полутора лет). Помимо прямых последствий (разрушения сложившихся связей, дестабилизации внутреннего рынка во многих сферах) могут быть и непредсказуемые пока косвенные.

По многим вопросам российским компаниям и гражданам придется почувствовать нигде формально не предписанное ухудшение отношений.

Прекращение переговоров, срыв контрактов, отказ от новых проектов в областях, ни в каких санкциях не перечисленных, в том числе в гуманитарных, ограничение поездок и т. д. В этом списке срыв Петербургского экономического форума в мае – одна из мелких неприятностей.

Роль страны-изгоя незавидна для ее лидеров. Но еще более – для ее граждан.

Сложившаяся на сегодня в России система госуправления и экономического хозяйствования не способна адекватно ответить на подобного масштаба вызовы. Она нуждается в кардинальных безотлагательных переменах, альтернатива которым – экономическая катастрофа. Нам снова нужна перестройка – с учетом ошибок горбачевской. Мобилизационная модель хороша только для войны. Для нормальной мирной жизни она не годится. Мы реально хотим войны?

Последствий для общества от мобилизационной жизни будет много. Маргинализация всякой оппозиции, критика даже коррупции будет приравнена к измене Родине. Дальнейшее ограничение, вплоть до создания жестко огражденного пространства Интернета, мне кажется предрешенным. То есть западные санкции будут контрпродуктивными еще и в том смысле, что они сильнее ударят по наиболее продвинутым слоям, ослабляя их перед лицом слоев более дремучих и косных, менее уязвимых ко всяким санкциям, потому что им недоступны блага цивилизации. Эти люди живут без кредиток, гаджетов и путешествий по миру. Условно – примитивным хозяйством со своего огорода.

По многим показателям потребительского рынка мы откатимся на годы назад. И на выходе Запад получит Россию, с которой еще труднее будет иметь дело, чем с нынешней.

Можно, конечно, поставить целью, чтобы никакой России вовсе не стало. Но на пути к этой светлой для кого-то цели есть неизбежный промежуточный этап. Когда страна с полутора тысячей ядерных боеголовок, с другими ядерными объектами и опасными при неправильном обращении объектами инфраструктуры деградирует до состояния хаоса. На Западе с первых дней после распада СССР уверяли, что не хотят сползания России к хаосу и грозящему всему миру неприятностями развалу. И многие, надо сказать, этому верили.

2014 г.

Ни пряника, ни морковки

Первым в истории объектом экономических санкций стал греческий город Мегара. В 432 году до нашей эры Афины пытались торговой блокадой наказать город за союз со Спартой. То был и первый пример, когда санкции провалились: Спарта начала войну против Афин, отказавшихся отменить эмбарго. С тех пор многие прибегали к санкциям. Обычно тогда, когда надо было чем-то заполнить «дырку» между угрозами и военными действиями.

К санкциям часто прибегают после «холодной войны», демонстрируя, с одной стороны, неэффективность решения международных проблем военным путем в современных условиях, с другой, отсутствие действенных международных механизмов и институтов разрешения таких проблем.

В какой-то мере санкции превратились в жест беспомощности по отношению к противнику.

А еще в популистскую дань современной публичной политике, этой бесконечной ярмарке тщеславия по завоеванию «бонусов» в глазах недалекой публики путем демонстрации понятных ей «фокусов». А именно – «наказания» плохих парней без массового получения гробов на родине.

В начале нынешнего века в книге «Переоценка экономических санкций» Гари Хафбрауэр, Джеффри Скотт, Кимберли Эллиотт и Барбара Эгт проделали титанический труд, попытавшись выявить эффективность санкций в XX веке. Насчитали 204 эпизода. С точки зрения достижения заявленных целей эффективность составила незавидные 34 %.

Трактовка «успеха» часто субъективна. Скажем, в США распространена точка зрения, что именно американские санкции против Великобритании и Франции, оккупировавших Суэц в 1956 году, привели к тому, что агрессоры отступили. Бедный Никита Сергеевич ворочается в гробу, поскольку он-то знает, что это произошло сразу после того, как СССР пригрозил войной, вплоть до ядерной.

Когда речь идет об «успешности» санкций, часто срабатывает комплекс мер. Можно ли говорить об успешности санкций против Родезии и ЮАР времен апартеида, если бы не партизанское движение там? Что касается примеров, когда та или иная страна под санкциями оставила оккупированную ею территорию, то есть лишь один пример – и тот неудачный. Речь об Ираке, оккупировавшем Кувейт. К освобождению его подвигли все же не введенные санкции, а примененная военная сила.

Сейчас, когда Москве продолжают угрожать карами, если на Украине «что-то пойдет не так», часто приводят пример Ирана. Мол, после введения особенно жестких санкций Тегеран пошел на уступки по программе ядерного оружия. Иран исключен из международной финансовой системы, под ударом в том числе энергетический сектор, экономика испытывает серьезные трудности. Однако Иран – не Россия по масштабам, в том числе по доле в мировом энергетическом рынке. Санкции против него были одобрены ООН, Москвой тоже. Однако и это не смогло полностью перекрыть поступления от торговли энергоносителями.

Санкции почти открыто игнорирует Китай, который стал крупнейшим торговым партнером Ирана. Они способствовали сплочению нации на антиамериканской платформе. Десятилетие назад Иран зарабатывал \$19 млрд в год на экспорте нефти. По оценкам МВФ, в 2012–2013 годах нефтегазовый экспорт принес \$104 млрд, прирост за год, когда были введены новые жесткие санкции, составил \$23 млрд.

Главное же сомнение в «эффективности» антииранских санкций в другом. А с чего, собственно говоря, на Западе взяли, что Тегеран откажется от ядерной программы, которую нация считает чуть ли не главным достоинством? Иран согласился сесть за стол переговоров. Но их можно вести бесконечно, маневрируя и делая мелкие уступки, а главные договоренности нарушая. Так и будет, уверен. Однако «уступка» Ирана будет подана как победа Запада – особенно в свете ссоры с Москвой, против которой можно использовать расширение экспорта иранских энергоносителей. Но это не имеет отношения к «эффективности» санкций с точки зрения заявленной цели.

Часто говорят о «точечных санкциях» – против авторитарного лидера, его окружения, а не против народа. Однако пока нет ни одного примера, когда такие «точечные санкции» изменили бы поведение таких лидеров.

Руководство таких стран при оскудении ресурсов прибегает в условиях отсутствия демократии к перераспределению оставшегося в свою пользу, ужесточая подавление недовольных. Поэтому санкции, как правило, контрпродуктивны с точки зрения попыток смены режима и даже его смягчения.

Впервые США применили «антиэлитарные» санкции против Чарльза Тейлора в Либерии. Они затронули его и его окружение, отрасли экономики, где имелись интересы правящей верхушки (например, экспорт древесины). Однако если речь идет об экстраполяции подхода в отношении Либерии на Россию, то это свидетельствует лишь о катастрофическом падении уровня «фроссиеведения» в США. Вот маститый экономист Андерс Ослунд в интервью New York Times советует: «Россию можно выгнать из Крыма с помощью комбинации финансовых санкций и прямой жесткой дипломатии». Если всерьез ставить себе задачей «выгнать Россию из Крыма», то, конечно, можно далеко зайти. И никогда оттуда не выйти.

Тейлора в Либерии свергли. Не санкциями, а вооруженным путем. Потом судили. Но применительно к большой группе даже африканских, ничтожных с точки зрения экономики, стран (ЦАР, Мали, Мавритания, а также Мадагаскар), санкции, хотя и нанесли им большой ущерб, не возымели воздействия в плане смены тамошних режимов.

Что лишний раз подтверждает еще одно правило: санкции не работают в отсутствие целостной стратегии, адресуемой той или иной стране. Санкции могут быть лишь ее частью и тогда могут принести частичный эффект. Но не самоцелью.

Можно добавить: санкции никогда не работают лишь как «кну́т», без «пряника» (в английском варианте звучит тоже забавно: «stick and carrot» – «палка и морковка»), без показа того, что оппонент может приобрести, если проявит гибкость. Заметим, что ни «пряника», ни «морковки» сегодня Москве никто не сулит, а кое-кто хотел бы вовсе загнать Путина в угол.

Другой пример провала в том числе «антиэлитарных санкций»: под таковыми со стороны США лет десять пребывал новый премьер Индии Нарендра Моди (по обвинению в кровавых беспорядках в его штате Гуджарат). Но когда стало ясно, что он выиграет выборы, санкции тихо сняли.

Нашел любопытный старый доклад контрольного управления конгресса США с анализом эффективности санкций. Аж 1990-х годов. Вот что пишут: «Санкции могут нанести ущерб экономике, но не могут быть использованы точно против отдельных групп населения; санкции приносят наибольший эффект, если вводятся на многосторонней основе или в отношении ранее дружественной страны с обширными политическими и экономическими связями; использование жестких санкций может быть контрпродуктивно, если правительство может использовать ситуацию для мобилизации населения против страны, налагающей санкции; санкции более эффективны, когда культура страны-объекта близка культуре страны, налагающей санкции, и, напротив, проваливаются, когда культурные нормы страны-объекта подразумевают усиление сопротивления во имя национального достоинства».

Проблем с санкциями против России, с точки зрения достижимости поставленных США и Западом в целом целей, несколько.

– Начать с того, что наши связи с Америкой в разы слабее, чем с Европой, а культурные различия составляют пропасть. Хотя и с Европой они тоже большие.

– США вряд ли удастся добиться полной международной изоляции Москвы. Речь не только о Китае, но и ЕС.

– Российской экономике может быть нанесен большой ущерб, особенно если речь пойдет о финансовых санкциях, к чему многие в Вашингтоне и призывают. Однако усиление давления Запада может вызвать еще большее усиление поддержки обществом Владимира Путина. Причем на фоне дальнейшего роста антизападничества – в том числе отражающегося в российском законодательстве, где все громче заявляют о себе самые мракобесные силы. Проевропейские силы будут окончательно маргинализированы.

Если же США возьмут курс на удаление Путина путем удушения российской экономики, то рискуют привести к власти такие силы, по сравнению с которыми он покажется ангелом либерализма.

– Чего хотят добиться санкциями? Ухода из Крыма? Но реалистично ли ставить политически недостижимую цель? Не вторжения на Украину? Однако, по мере остывания запальчивости, возникшей от впечатления «коварства» Запада, высокомерно не пожелавшего разговаривать с Москвой о судьбах Украины, ясно, что ни Донбасс, ни тем более весь юго-восток России не только не нужны, но и экономически не по зубам.

Конечно, можно объявить уже введенные санкции «успешными» (Путин же не вторгся) и успокоиться. Добиться ухода России из Крыма можно, лишь начав войну. Вряд ли кто на такое решится сознательно (другое дело, что нагнетание взаимной истерии может привести к сползанию в войну), ибо после нее уже будет безразлично, кому именно принадлежал Крым, да и вся Украина.

– Какова в целом стратегия США и Запада в отношении Украины, частью которой могут быть, теоретически, санкции, которые тогда бы подавались как имеющие хоть практический смысл? Но реалистичной стратегии на сегодня нет. Есть перетягивание каната на манер дворовой разборки. Есть благие рассуждения о «евроориентации». Но какие это должно повлечь перемены на Украине, какие компромиссы между ее регионами и властными кланами?

Во что обойдется противостояние с Россией и, главное, зачем оно нужно?

Если есть параноидальное восприятие Запада, который якобы спит и видит захват природных богатств России путем оккупации, рядом отечественных политиков, то есть и такое же параноидальное восприятие НАТО, где экспансия на восток стала самоцелью, но не имеет практического смысла в современном мире.

– Стратегия в отношении Украины может быть выработана лишь совместно Россией, США и ЕС. Мне этот вариант – в духе циничной «geopolitik» XIX века (когда великие державы продиктовали бы третьей стране условия ее существования, предварительно договорившись о том сами) представлялся безальтернативным еще полгода назад. И вот теперь ровно об этом я прочитал у старика Бжезинского. Рад, что мы с ним сошлись.

Но санкции в этом раскладе лишние.

2014 г.

Ничем непобедимая Россия

Логика инициаторов ужесточения санкций против России незатейлива. Вслух говорят примерно так: санкции ударят по Путину и его окружению, им станет плохо и убыточно, и они отступят (куда и как – это отдельный вопрос). Не вслух, конечно, подразумевают еще, что санкции ударят по российской экономике в целом – как по политической и деловой элите, так и неизбежно по простым людям. В результате поднимется волна народного гнева, которая сметет ставший совершенно негодным Западу режим. И станет всем счастье.

Если они всерьез о «народном гневе», то страшно далеки они от этого народа. По поводу элит (этот термин лучше употреблять с приставкой «так называемых»), полагаю, глубина заблуждения не меньше.

Пока по части единения «партии (власти) и народа» картина близка к тому, что раньше называлось всенародной поддержкой.

Чем дальше по пути опасной эскалации и в сторону полномасштабной войны сползает кризис на Украине, тем выше рейтинг российского президента. Это можно считать уникальным случаем в современной политике и совершенно непостижимым для западного менталитета, но после 14 лет, что Путин фактически рулит страной, его популярность находится на самом высоком уровне.

По данным недавнего опроса Gallup (он делался еще до сбитого Boeing), россияне довольны практически всем, о чем обычно спрашивают социологи. То есть не только Путиным, но и правительством Медведева (64 %). Они довольны уровнем личной свободы и состоянием экономики, пусть она и балансирует на грани между стагнацией и спадом. Даже нынешняя изреформированная во все дыры избирательная система, и та видится относительно честной небывалому ранее (почти 40 %) числу граждан. Путин за всего лишь год прибавил 30 % в рейтинге одобрения. Его 83 % – это даже не назарбаевские традиционные «около 90 %». Потому что те 90 % стабильны, а наши 83 % – результат прежних падений, а затем роста, что выглядит более живо и правдоподобно.

Могут ли даже самые жесткие санкции внести раскол в российский правящий класс, а также подорвать поддержку Путина среди простого народа?

Картина, согласно которой часть ущемленной санкциями элиты начинает сначала роптать за спиной вождя, а потом в эту спину вонзает нож, свержая виновника своих убытков, могла сложиться только в рассудочной западной голове, а в режимах, построенных на иной ментальности, работает не всегда. Тому созданы, в частности, в России несколько предпосылок.

1. Всякая политическая оппозиция режиму не только маргинализирована в глазах обывателя, но и пребывает в идейной и организационной беспомощности.
2. Неуклонное упрощение общественно-политической жизни на фоне упадка образования и культуры и даже уровня технократического сознания в последние годы не только привело к примитивизации идейного дискурса (до уровня убогого ток-шоу), но и фактически блокировало всякие источники появления и взросления интеллектуальной элиты, тем более опирающейся на альтернативные провластным идеи и принципы.

Посему никакой «другой», «запасной» или «альтернативной» элиты – ни политической, ни интеллектуальной, ни даже технократической – в сегодняшней России в потенции нет и взяты ей неоткуда. Для этого просто нет адекватных и грамотных, образованных сообразно требованиям времени людских ресурсов.

В связи с этим всякие разговоры о надобности «ротации» элиты, рекрутирования в нее неких новых – светлых умом, душой и помыслами – кадров наивны и хороши лишь для звонкой патриотической публицистики.

Если, конечно, под ротацией не подразумевать приход во власть неких гопников или вдохновленных дугиными и кургинянами воинствующих и невежественных городских сумасшедших.

Но это будет уже не ротация элит, а очередной антиэлитарный переворот, русская культурная революция (в маоистском понимании этого термина), по результатам которой страна еще быстрее покатится в пропасть технологической и цивилизационной деградации.

Нынешний правящий класс, если и не осознает этой своей безальтернативности, то все равно до последнего будет стоять за Путина – из страха не столько перед ним, сколько перед чернью.

На Западе всем этим людям все равно ловить по большому счету нечего, отдельные побег с нажитым непосильным трудом погоды не сделают.

На создание высокопоставленной фронды нет ни сил, ни смелости, ни мозгов, ни малейшей надежды, что таковую поддержит сколь-либо широкая общественность.

И наконец, главное – режимы, организованные столь централизованным образом, как российский, обладают необычайной способностью мобилизовать и перенаправлять ресурсные и финансовые потоки, даже оскудевающие под ударами санкций, в пользу ограниченного круга лояльных режиму лиц. Этим лицам в значительной степени будут компенсированы потери, которые они понесут на Западе. За счет бюджета, разумеется. На это ресурсов у страны хватит еще надолго.

Опыт других авторитарных стран показывает, что как раз правящая элита от санкций страдает в последнюю очередь.

Вопреки тому, что об этом говорят западные аналитики. В этом смысле западные санкции – всего лишь демонстрация западному же избирателю, живущему в контексте упрощенной подачи картины мира силами массмедиа, собственных намерений «покарать плохого парня» за непослушание. То есть всего лишь одно из появлений популизма, который правит ныне всей мировой политикой.

Вопреки тому, что мы видели, например, в Иране, в России перед лицом санкций и внешнего давления, скорее всего, не возникнет никого нового единения верхов и низов. Между ними по-прежнему будет пропасть. Первые не пойдут ни на какие самопожертвования и самоограничения (скажем, в том, что называется «показное потребление») ради солидарности с народом, вторые будут терпеть традиционное и становящееся все более разительным социальное неравенство как неприменную данность русской жизни. Баре и холопы – так всегда было и всегда будет.

А что народ? Для него всегда наготове несколько дежурных блюд. Российский обыватель исторически привык жить в условиях осажденной крепости. Хотя отдельные неурядицы российских олигархов, конечно, будут восприниматься со злорадством, однако давление на режим извне в целом может привести к еще большему сплочению нации против внешней угрозы.

В том же Иране, несмотря на очевидные экономические проблемы, гнев народа вовсе не обратился против правительства (правда, там бывший президент Ахмадинежад ездит на работу на автобусе и вообще ничего себе на этом посту не нажил, но у нас народные требования к властям поскромнее, им мигалки во всех смыслах и проявлениях, по народному разумению, как бы положены). И даже сейчас, после нескольких лет жестких санкций, иранский правящий класс вовсе не спешит капитулировать по самому принципиальному вопросу – своей ядерной программе, – торгуясь и пытаясь сыграть на нарастающих противоречиях между Вашингтоном и Москвой. И народ его в этом поддерживает.

С Россией, как показывают тенденции эволюции ее общественного мнения, может приключиться такая же история. Чем сильнее давление (особенно теперь, в обстановке возмущения сбитым малайзийским Boeing), тем выше рейтинг Путина и тем сильнее антизападные настроения.

На выходе через несколько лет в лице России Европа и Запад в целом могут получить страну, настолько охваченную антиамериканскими и антизападными настроениями, по сравнению с которыми даже Советский Союз покажется милым другом.

При этом массовое обывательское сознание будет и без всякого избыточного пропагандистского нажима хвататься за те версии и трактовки происходящего, которые ему наиболее комфортны и вписываются в уже сложившуюся картину мира, когда все против нас.

Столь же недаленовидна и стратегия на удушение и в конечном счете свержение режима Владимира Путина (допускаю, что такая опция видится как реалистичная и желанная в некоторых американских экспертных и политических кругах). Свергнуть его, чтобы на выходе получить что? Бардак в ядерной державе с какими-нибудь фашиствующими гопниками в Кремле, по сравнению с чем даже нынешний украинский раздраз покажется скучнейшим а-ля немецким орднунгом.

Конечно, прямые аналогии с Ираком или Ливией в российском случае вряд ли уместны, однако стоит обратить внимание, как свержение там авторитарных лидеров на фоне выжженной политической поляны и отсутствия сколь-нибудь развитой демократической культуры привело к коллапсу обоих государств. Югославия же – это то исключение, которое подтверждает правило: поскольку этой страны были просто интегрированы в общее европейское пространство, хотя и с немалым трудом. России такая перспектива в любом случае не грозит.

Альтернатива всей этой политической истерике одна: вместо тупого ужесточения санкций и игры на удушение российского режима (без внятной стратегии выхода в будущем из такого противостояния) надо срочно искать компромисс по украинскому вопросу, признав, что России и ее интересам там не может быть отведена роль стороны, загнанной в угол и потерпевшей унижительное поражение. С этой ролью ей невозможно будет смириться.

2014 г.

Ремни мобилизации

Если бы за окончание украинского кошмара можно было расплатиться пожизненным лишением гурманов итальянской моцареллы, финского плавленого сыра и прочих хамонов, то оно бы и слава богу. Но дело в том, что мы все еще находимся в начале большого пути.

Между пропажей пармезана и войной еще много, разумеется, промежуточных ходов. Даст бог, не все будут сделаны.

Однако то, что Москва начала отвечать на санкции контрмерами (а сколько можно было, в конце концов, не отвечать, ограничиваясь заявлениями МИДа?), свидетельствует лишь об ухудшении ситуации. Никакого конструктивного диалога по всколыхнувшей вдруг всех проблеме «демократической Украины» нет, рушатся даже те связи, которые работали еще недавно.

Куда в этих условиях пойдет «мобилизационное» развитие нашей экономики, общества и политической системы?

В экономике одной из реакций на продовольственное эмбарго стало обещание властями льготных кредитов и прочих поощрений аграриям. Это шаг мысли, но пока не дела в правильном направлении. Впрочем, подобные обещания уже были, но и поныне ставка по кредитам сельхозпроизводителям порой превышает 20–21 %.

Россельхозбанк, который мог бы выступить агентом «обновления русского села назло врагам», сам попал в непростую ситуацию из-за санкций и может попросить помощи ЦБ. В идеале комплекс аграрных санкционных мер должен бы идти в пакете с мерами по развитию нашего аграрного сектора. Что-то типа советского НЭПа или рузвельтовской программы AAA (не в смысле раздачи дотаций, а в смысле комплексного подхода) или столыпинских реформ (а что, не так уж плох был тогда «реакционный режим»).

Начиная с льготных кредитов и налоговых послаблений и кончая преодолением засилья бюрократического маразма регуляций и либерализацией земельного законодательства вплоть до бесплатной раздачи земли всем желающим под полезные экономике цели. Увы, у нас привыкли управлять одними запретами. Кстати, вводя эмбарго, никто не позаботился о защите отечественного бизнеса, от него страдающего.

Импортёры – не враги, не иностранные агенты, а рабочие места и налоги. Им сейчас рушат, разворачивая на границе фуры, уже оплаченные контракты. Ни ЕС, ни США, вводя санкции против России, так против своих компаний не поступали.

Ясно, что никакого «нового НЭПа», поощрения предпринимательства, прежде всего малого и среднего, не будет. Будет исторически привычная нам модель: усиление государства, подавление «разговорчиков в строю», начиная с ограничений Интернета и кончая запретами в духе «больше трех не собираться». Когда думцы вернутся с каникул, мы увидим новый выплеск задумок в разбросе от дурных экзотических до продуманных мракобесных. Такими темпами года через два мы будем вспоминать жизнь в 2013 году, примерно как вспоминали в 1917-м 1913-й – как бытие в другой стране.

Логика санкций по типу «око за око» рано или поздно может привести к сползанию к такой же «махаловке» уже в области военной. Если и там истерия и политическая шизофрения будут так же бодро подогревать атмосферу, то любая случайность может стать поводом к большой войне.

Особенно если серия экономических боев к тому времени обнаружит, что терять нам уже особенно и нечего. Наступит момент, когда, по меткому недавнему замечанию российского президента, «на миру и смерть красна». Кое-какие искры по военной части уже проскочили.

Так, США недавно обвинили Россию в нарушении одного из важнейших соглашений в области контроля за вооружениями – в тайных испытаниях крылатых ракет. Испытания были и раньше, но американцы на них внимания не обращали, а тут Обама сам позвонил по этому поводу Путину. Это новая постановка акцентов.

Или вот в Черное море зашел американский ракетный крейсер «Велла Галф». Не авианосец, конечно, он и раньше туда заходил, но находящиеся на его борту крылатые ракеты «Томагавк» и система ПРО «Иджис» придадут в нынешней ситуации этому визиту недоброй воли тоже новое звучание. А еще в Баренцевом море обнаружилась американская подлодка. «Контакт» с ней, сообщают военные, продолжался 27 минуты. А затем она уплыла.

Если Запад так возбуждается по поводу 12 тыс. российских военных близ украинской границы, то и Москва может не так адекватно, как ранее, воспринять визит ракетного крейсера. По Конвенции Монтрё, военные корабли нечерноморских государств могут оставаться в Черном море не более 21 дня. «Велла Галф» должен убыть к 28 августа. А если нет? Каковы ответные ходы? Барражирование российских ядерных подлодок вблизи территориальных вод США? Вызывающие полеты наших истребителей над американскими кораблями? А если те в ответ «нечаянно» сожгут какой-нибудь, как сбили, тоже якобы с перепуту, иранский пассажирский А300 в Персидском заливе в 1988 году? Также не вполне понятно, во что может перерасти «полицейская миссия» (если начнется) вооруженных сил ЕС по обеспечению доступа к месту падения малайзийского Boeing.

До последнего времени казалось, что между Россией и США хотя бы в военной области есть контакты, которые помогут предотвратить «случайный» запуск войны. Однако теперь, когда уже и высшие военные чины России под санкциями, а страну и ее лидера призывают третировать как «парию мировой политики», эта уверенность слабеет.

Ситуация может оказаться хуже, чем во время Карибского кризиса, – еще более непредсказуемой, окрашенной эмоциональным

поведением сторон.

Еще одна сфера непредсказуемости – эволюция самого российского общества. Эмоционально, да и умом понятно, когда большинство населения поддерживает ответные санкции против Запада, – нельзя же все время «подставлять другую щеку».

Однако общенациональная мобилизация и переход к «гибридной» войне против всего западного мира требуют неких иных усилий и действий, нежели просто ответы на вопросы социологов. Требуют иного состояния общества. Иной степени сплоченности, солидарности (в том числе элиты и низов) и идеологической заряженности. Самого по себе патриотического угара мало.

Нынешняя авторитарная модель управления страной, при всех ее очевидных заслугах (не обсуждаем тут сравнительную эффективность альтернативных путей развития после 2000 года) в преодолении центробежных тенденций 90-х годов, уже не вполне годится для общества повышенной мобилизации. Один из вариантов – это когда авторитаризм сменяется тоталитаризмом. Безоценочно к идейному наполнению, а как формой организации работы государственных и общественных институтов.

Вице-премьер Рогозин призвал нас всех сейчас «подставить плечо» Владимиру Путину, которому трудно. Кто станут эти люди и структуры? «Народный фронт»? Пока в рядах «Единой России» родилась инициатива следить, как ритейлеры соблюдают продовольственное эмбарго. Можно надеяться, что контроль пройдет без погромов провинившихся магазинов (разве ранее закупленное запрещено к продаже?).

Но и такой кампанейщины мало. Кто организационно выступит ведущей силой мобилизационного режима? На сегодня ни одна из партийных структур, включая ЕР и НФ, в силу своего внутреннего цинизма и бюрократии в такой роли выступить не смогут. Те еще союзнички.

За Сталиным и его мобилизацией была Компартия. Несмотря на весь свой антидемократический организационный «принцип демократического централизма», это была структура в том числе коллегиальной выработки решений. В ней были элементы не демократии, но хотя бы обсуждения, создания чувства сопричастности низов к государственным решениям. Нынешняя общественно-политическая структура общества – атомарна. Она изобилует фантомными структурами, никакого влияния на ход событий не оказывающими (даже видимости нет). Все решает известно кто.

С другой стороны, и государственная бюрократия не выказывает чудес эффективности. Прежде всего из-за коррупции. Такая коррупция не совместима ни с какой мобилизацией: тут, случись худшее, мы окажемся в гораздо более уязвимой ситуации, чем в годы Первой мировой войны.

Приводными ремнями мобилизации могли бы стать либо идея (коммунизм, справедливость, возрождение нации), либо закон (внесловное равенство всех перед ним, наличие понятных и принимаемых всеми общих правил). Нет ни того, ни другого.

Кремль пытается превратить бюрократию, прежде всего силовую, в некую преторианскую касту, отдаленно напоминающую КПСС. Однако эти действия внутренне противоречивы. С одной стороны, против бюрократов и силовиков вводят все новые запреты и ограничения, порой унижительные (вроде запрета отдыхать с семьей там, где хочется), в попытках добиться в условиях идейного вакуума подобия «суверенизации элиты». Это не может не вызывать внутреннего недовольства, хотя оно ни в какую фронду и не выливается.

С другой – бюрократию пытаются задобрить все более щедрой финансовой поддержкой. На фоне явно проступающих экономических трудностей эти меры по повышению доходов бюрократии не имеют прецедентов в мире и уж точно не будут способствовать мобилизационному сплочению общества. Даже если такой ценой удастся купить лояльность этой категории населения, то можно ли превратить эту лояльность в эффективный мобилизационный ресурс?

Альтернатива такому ресурсу (бюрократии как квазипартии) в реальности одна. Это появление на российской сцене людей типа тех, что сражаются сейчас за смутные идеалы (так они выглядят в глазах обывателей) «фрусской весны» в Донбассе. И тогда возникает развилка. Либо Путин обуздает, если надо, выхолостит или даже возглавит эти силы. Либо он превратится в «доброего дедушку Гинденбурга».

В обоих случаях через несколько лет мы окажемся уже в другой стране. Перед лицом таких перемен лучше всем – и Москве, и Брюсселю, и даже Вашингтону – как-то договориться по Украине. И хрен с ним, с пармезаном.

2014 г.

Есть ли жизнь после санкций

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», – писал Толстой в начале своего романа, который, возможно, еще постигнет судьба новосибирского «Тангейзера», но мы не об этом.

Каждая страна, подпавшая под санкции, тоже «несчастлива по-своему». Посмотрим на Иран. Возможно, его опыт в чем-то нам пригодится.

Иран живет под американскими санкциями с 1980-х годов, в наиболее жестком виде они были наложены с 2012 года, когда был резко ограничен экспорт иранской нефти, страну отрезали от мировой финансовой системы.

Санкции, наложенные на Россию, жалкое подобие антииранских.

Иранской экономике нанесен существенный ущерб. Уже в 2013 году падение ВВП составило 5 %, в 2014-м – рост на 1 % (данные доклада Исследовательского управления конгресса США). Иранская экономика была бы на 15–20 % больше, если бы не санкции последних лет. Безработица составляет от 13 до 20 % (по разным источникам), инфляция в марте достигла 25 %. Падение производства автомобилей упало за два года с 1,6 млн штук на 40 %. Экспорт нефти сократился с 2,5 млн баррелей в сутки в 2011 году (общая добыча была 4 млн) до 1,1 млн в прошлом (из добываемых 2,6–2,8 млн). Ее прекратил покупать ЕС (закупавший 600 тыс. баррелей в сутки).

Индия и Китай, на которые мы так рассчитываем, также сократили закупки иранской нефти на треть. Хотя КНР остается крупнейшим покупателем иранской нефти, она сотрудничает с США в части ограничения доступа Тегерана к конвертируемой валюте. На этот счет США ввели отдельные санкции 6 февраля 2013 года, предписывающие платить Ирану за нефть в основном в его же валюте (вопреки распространенным у нас представлениям, продавать нефть за нацвалюту – это в данном случае наказание).

Иран может получать за нефть в валюте не более \$700 млн в месяц плюс \$65 млн целевым назначением для оплаты обучения иранцев за границы. Китай предпочитает расплачиваться с Ираном товарами – одеждой или продукцией машиностроения (например, вагонами для метро). Те китайские фирмы, которые заключили контракты с иранцами в области энергетики, передали их местным компаниям на субподряд либо не ведут работ. Американцы сделали исключение для газодобывающих проектов Ирана. Например, для разработки месторождения Шах-Дениз на Каспии (где участвует также «ЛУКОЙЛ»).

Валютный дефицит привел к жесткому ограничению импорта, начиная от автомобилей и кончая мобильными телефонами. По этим позициям «товаров роскоши» он фактически прекращен. Из 100 млрд золотовалютных резервов Ирана 80 млрд «заморожено» за границей. Доля «плохих» долгов в иранских банках достигает 30 %.

Достигли ли санкции декларируемых целей?

В упомянутом докладе конгрессу признается, что точно не достигли в части сокращения влияния Ирана в регионе: он продолжает поддерживать дружественные ему группировки, начиная от «Хезболлы» в Ливане и кончая хуситами в Йемене. Деньгами и оружием. Несмотря на трудности с импортом современных вооружений и продукции двойного назначения (до недавних пор – даже запчастей для гражданской авиации), в стране налажено производство старых образцов. Иран производит ракеты малой и средней дальности, крылатые ракеты, покупая ряд вооружений (например, подлодки) у стран, не подчиняющихся санкциям, таких как КНДР.

Санкции не сказались на режиме.

«Оттепель», якобы наставшая с избранием президента Рухани, весьма относительна. Главное, что Иран, не изменивший политику, которую США называли «поддержкой международного терроризма» (за что были наложены первые санкции), не свернул и ядерную программу. Нынешнее соглашение во многом базируется на его условиях. США пошли на смягчение, чтобы добиться сотрудничества с Ираном в ряде горячих точек региона (в Ираке, Афганистане, Сирии и т. д.), а заодно разыграть «иранскую карту» против Москвы.

Вместо 1,5 тыс. центрифуг по обогащению урана, имевшихся у Ирана несколько лет назад, сегодня есть 19 тыс., из них работают почти 10 тыс. Речь идет о сокращении их числа примерно до 6 тыс., хотя раньше США настаивали на нескольких сотнях. Иран отстоял право на обогащение урана (в «мирных целях») и сохранит все ядерные объекты, включая особо защищенный, хотя обещает их перепрофилировать, отказавшись от производства оружейного плутония. В лучшем случае это очень ограниченные результаты действия санкций.

Это подтверждает другую закономерность. Санкции, как подсчитали в свое время (G.C. Hufbauer, J.J. Schott, K.A. Elliott, B. Oegg, «Economic Sanctions Reconsidered», Washington, 2007), оказываются действенными лишь в трети случаев. Относительно большая эффективность наблюдается тогда, когда они применяются против режимов, где правит некая коллективная хунта. Там можно сыграть на трениях между разными ее фракциями, там режим более чувствителен к ущербу тем или иным институтам (например, военным).

Почти всегда бездейственны санкции против персоналистских режимов. Тамошняя элита «в испуге» сплывается вокруг вождя, внутриэлитные «измены» невозможны в силу жесткого контроля, происходит сплочение нации вокруг правителя.

В таких странах «вождь» предпочитает отчаянно идти до конца, не имея возможности отступить (некуда, а альтернативных сил, с которыми имело бы смысл о чем-то договориться, нет). Эта закономерность прослеживается даже на примере латиноамериканских стран, которые «под боком» у США и к которым санкции применялись часто (их анализирует Уильям Уолдорф в одном из последних номеров журнала *Political Science Quarterly*, «Sanctions, Regime Type, and Democratization: Lessons from US – Central American Relations»).

Иранский режим можно отнести если не к персоналистским, то к режимам, где все равно «сплоченность общества» высока (минимум межфракционных трений по ключевым вопросам, как и при любом персоналистском режиме). Она покоится на идейно-религиозной (и антизападной) основе. В этом смысле угроза элитарных «измен» тут тоже минимальна.

Как, скажем, и на Кубе, где санкции оказались бессильны изменить режим. Кстати, еще до Фиделя американские санкции (о которых у нас мало знают) оказались ровно так же бессильны в попытках изменить поведение другого «персоналистского» диктатора – Батисты. Произошла предсказуемая смена одного «вождя» на другого, который для инициаторов санкций (США) оказался еще хуже прежнего.

Иран «после санкций» для Америки тоже во многом окажется «хуже прежнего». С ним придется считаться гораздо больше: США зависят от Тегерана в решении многих региональных проблем.

Еще один урок истории антииранских санкций: санкции легко вводить, но куда труднее – и дольше – отменять. А стране, долго жившей под санкциями, очень трудно реинтегрироваться в систему международных экономических и технологических отношений.

Как быстро Иран вернется на нефтегазовый рынок? Не раньше конца года. Он сразу вылетит на рынок тот объем нефти, который сейчас хранит в танкерах, – примерно 30 млн баррелей. Для наращивания нефтедобычи до прежних объемов потребуются большие деньги.

По оценкам США, Иран недополучил за последние годы \$60 млрд инвестиций в энергосектор. Сам Тегеран считает, что ему потребуется \$130–145 млрд до 2020 года только для того, чтобы предотвратить падение нефтедобычи.

Состояние (технологическое) нашего энергосектора в чем-то схоже с иранским, хотя не столь печально. Ряд специалистов в связи с этим указывает на падение коэффициента извлекаемой нефти в России по сравнению даже с советскими временами до уровня США 1960-х годов.

Сегодня сохранение уровня нефтедобычи иранцами поддерживается во многом за счет газовой отрасли. Газ экспортируется в основном в Турцию и Армению. Комплексная разработка одного лишь нового газового месторождения Южный Парс потребует до \$100 млрд. Технологий по производству сжиженного газа у Ирана нет. Это предсказуемая картина: процесс возвращения на международную арену страны, долго пребывавшей в изоляции, дорогостоящий и трудоемкий. А период полной реинтеграции уходит в бесконечность.

Иран достиг некоторых успехов в импортозамещении и диверсификации экономики. Несмотря на зависимость от импорта комплектующих и отсутствие нормального кредитования. Немалую роль в том сыграли сплоченность иранской правящей элиты, ее нацеленность на защиту интересов страны, относительно низкий уровень коррупции и, напротив, высокий уровень реальной (со своей спецификой, разумеется) демократии и «обратной связи» с населением. Что представляет вполне типичную картину для «идеократических» режимов вообще.

За годы санкций выросло производство (в том числе на экспорт) цемента, металлов, удобрений, сельхозпродукции, даже продукции традиционного машиностроения. Ненефтяной экспорт обеспечил в 2014 году две трети поступлений валюты, нужной для критически важного импорта, снизив зависимость от нефти. Во многом «импортозамещение», конечно, свелось к мерам жесткой экономии. А успехи в промпроизводстве не в последнюю очередь объясняются высоким образовательным уровнем рабочей силы и высокой инженерной культурой: Иран на первом месте в мире по доле людей с высшим инженерным образованием. Он избежал упадка науки и образования. Многие иранцы учатся за границей, государство не только не ограничивает такое стремление, но и поощряет по мере сил.

Если санкции против России продлятся и будут усилены, то и наше «возвращение» (оно неизбежно рано или поздно) будет отличаться своей спецификой. У нас уже был опыт такого «возвращения», в начале 1990-х. Это была, конечно, высадка на иную планету. Мы узнали для себя много нового – в технологиях, общественных, экономических и корпоративных практиках и т. д., в чем были дремуче несведущи.

Я уверен, что СССР в свое время убила именно «несовременность» руководства и интеллектуального класса страны. С тех пор все процессы (особенно касающиеся прорывных технологий и науки) лишь ускорились. Так что следующая «высадка» может происходить еще на более дальнюю от нас «планету». Неизвестно, будет ли она пригодна для жизни, к которой мы у себя к тому времени уже привыкнем, пойдя, как водится, «своим путем».

2015 г.

Тонкости сыроцида. Об уничтожении санкционных продуктов

Жизнь в условиях санкций будет долгой, уже ясно. И она не может не обрести по ходу собственной внутренней драматургии, предполагающей распределение ролей, а также периодическую «гальванизацию» информационной составляющей новыми поворотами сюжета. Иначе все затухнет, перестанет привлекать внимание, публика переключится на другие темы. Не дай бог, не на те, какие предписаны режиссурой. Показательное уничтожение еды в этом смысле ход, сделанный вовремя и имеющий несколько составляющих.

Это своего рода «многоходовочка», даже если и не осознанная во всех проявлениях.

Примечательно, что до закатки в землю евросыров и всяких хамонов дошло лишь год спустя после введения российского продуктового эмбарго. Это много говорит о качестве принимаемых решений. Вводя запрет, никто не озаботился подробной проработкой вопроса, а что, собственно, делать с запрещенной продукцией, каков порядок ее утилизации или, наоборот, реализации (скажем, в дома престарелых или детские), какова ответственность за нарушения и есть ли она вообще. Все как обычно: сначала принимают закон, потом думают, как выполнять.

С другой стороны, эта «непродуманность» с точки зрения драматургии оказалась кстати. Если бы вывели бульдозеры против йогуртов и сыров в прошлом году, на фоне опасной эскалации конфликта на Украине (примерно в это время случился иловый котел), это могло вывести противостояние с Западом на еще более истерическую ноту, а так в запасе остался еще ход в игре на ужесточение. Также за год можно было на практике посмотреть, как сработает импортозамещение, сколь критичными станут для нашего продуктового рынка «санкции в стиле селфи». Не просчитывать же все заранее — это не наш стиль.

Посмотрели — вроде голода нет, можно, значит, закрутить гайки еще на пару оборотов.

По некоторым подсчетам, доля «контрабандной» (в кавычках потому, что формально уголовная статья за контрабанду утратила силу еще четыре года назад) продукции на рынке не превышала 10 %. Видимо, теперь сочтено, что от закатывания еды в асфальт или землю сильно хуже уже не будет. Опять же погода позволяет делать неплохие прогнозы на урожай в этом году.

Другим «проявлением» стала фигура нового министра сельского хозяйства Ткачева. Он, безусловно, хотел отличиться своей инициативой (если только ее ему не подсказали сверху, что вполне возможно). Теперь он надолго замазан ассоциацией с уничтожением еды. Это может ему пойти как в сильный плюс, так и в сильный минус. Смотря как разыграть.

Должности «куратора села и АПК» традиционно отводилась важная роль в рамках советской политической парадигмы, которая по-прежнему видится ценной для нынешнего руководства страны: с нее можно как взлететь на политический олимп, так и быть низвергнутым с него. Если Ткачев понадобится для повышения (чего я бы, например, не исключал, повороты сюжета в исполнении Руководителя могут быть самыми неожиданными) или для создания иллюзии такой возможности в иных целях, то про него скажут, что он успешно справился с задачей импортозамещения, вытеснив вражескую вредную еду. Если не понадобится, то скажут, что вместо подъема села увлекся пиаром и политическими спекуляциями.

Реальные результаты работы могут при этом иметь второстепенное значение, поскольку виртуальная реальность у нас главнее всамделишной.

Трактовка решения и действий по уничтожению еды становятся также очередным «тестом на лояльность». Спонтанно выработана и соответствующая генеральная линия (на мой взгляд, не самая оптимальная): эти действия подаются прежде всего как защита российского народа-потребителя от опасных и вредных (вплоть до отравленных) продуктов, поступающих с треклятого Запада по подложным документам.

Мне кажется, гораздо более циничным и действенным ответом тому же Западу, если уж на то пошло и «санкции-селфи» таки ввели, было бы проверять такую продукцию, чтобы затем показательно, под телекамеры, отправлять в Донбасс, в адрес жителей ДНР и ЛНР, а заодно и в Крым. Мол, вы наложили на нас санкции за политику в отношении этих регионов — получите. Но осуществить столь дивную постановку, увы, невозможно в российских условиях. Потому что принимавшие решение об уничтожении еды люди отлично знают: все будет разворовано и перепродано, верить никому нельзя, проверить исполнение столь сложного в выполнении приказа невозможно. Проще все сжечь.

Разумеется, для критиков власти сюжеты с «сыроцидом» не могли не стать поводом для эмоциональных восклицаний по поводу очередного «преступления кровавого режима». Мол, 20 % населения живут ниже черты бедности и голодают, а в это время бульдозеры утюжат пармезан. Кое-где оголодавшее население вообще замечено рыщущим по полигонам в поисках уцелевших остатков еды. Отсюда вывод: подобная политика, дескать, неминуемо приведет к социальному взрыву, оголодавший народ восстанет за хама и сметет «кровавый режим». Дабы тотчас, обретя свободу, наестся европейской жратвы в три горла.

Глупости все это. Очередная демонстрация неадекватности так называемой оппозиции российским реалиям, ее неумения взять нужную, а не фальшивую «ноту» в формулировании собственной повестки. Подавляющему большинству населения на весь список санкционных продуктов наплевать от первого до последнего пункта. Они никогда не входили в рацион его питания, за исключением зажиточной части населения Москвы, Петербурга и еще, быть может, нескольких крупных городов.

Большинству обывателей не до тонкостей запахов всяких камамберов и бри, хама успешно заменяется свиной и тушенкой, а макароны по-флотски не требуют посыпания пармезаном.

Овощи и фрукты традиционно занимают малую долю в рационе, кроме тех, что произрастают на любом русском огороде и заготавливаются впрок. Как и рыба, кроме той, что ловится саморучно или зовется селедкой. Сыр он и есть сыр, а колбаса она и есть колбаса. Замена одних (импортных) ингредиентов в одних сортах пройдет незамеченной, а повышение цен на другие никак напрямую в сознании не будет увязано с российским эмбарго. Напротив, это все результат «происков Запада». До пустых полок супермаркетов, как в Венесуэле, нам еще далеко. К тому же, как помнят те, кто застал поздний совок, даже пустые полки советских магазинов не вели ни к каким волнениям.

Социологам хорошо известно: все силы нашего обывателя обычно уходят на то, чтобы приспособиться (или выторговать, заполучить что-то по благу, добиться исключения для себя лично) к тяжелым условиям самому и своей семье, нежели сплываться и бороться за улучшение условий жизни и правил для всех.

Что касается тезиса о кошунстве акта уничтожения еды, постулируемого критиками режима, то, во-первых, речь в данном случае идет о «вражеской еде», не присутствующей в ежедневном рационе подавляющего большинства обывателей. Даже если воспринимать сие действо как вандализм, то и он привычен в нашей жизни, как снег или дождь, достаточно посмотреть вокруг или хотя бы на стены вашего лифта в подъезде. В этом есть нечто рудиментарное от торжества варвара над непонятной и оттого «враждебной» цивилизацией.

Во-вторых, сакральное отношение к еде характерно для аграрных обществ, а из этого состояния мы давно вышли. Современное индустриальное общество относится к еде, прямо скажем, наплевательски. И чем оно богаче, тем больше еды выбрасывает. И никто при этом особо проблемами что африканских, что собственных бедных и голодающих не заморачивается.

В новейшее время уничтожение еды – как контрабандной, так и вполне законной – давно стало распространенной практикой.

Достаточно вспомнить рузвельтовский «Новый курс» и «Акт о регулировании сельского хозяйства» (Agricultural Adjustment Act – AAA). Он помимо субсидий фермерам и принудительного сокращения посевных площадей в целях поддержания цен на продовольствие предусматривал уничтожение сотен тысяч гектаров посевов, а также миллионов голов скота. При том что в Америке тогда реально было много голодающих.

По подсчетам британского Института инженеров-механиков (IME), в мире ежегодно по разным причинам уничтожается, гибнет, пропадает, портится и т. д. до половины всего производимого продовольствия. И если в слаборазвитых странах основные потери происходят на стадии производства и транспортировки, то в развитых в среднем просто выбрасывается до 100 кг в год на человека вполне добротной еды.

По данным шведского Института продовольствия и биотехнологий, ежегодные мировые потери еды уже на конечной стадии (когда она куплена и дошла до потребителя) составляют 1,3 млрд тонн. Больше всех транжируют еду в Северной Америке и Океании – 110 кг на человека. Американцы оставляют несъеденной, неоткрытой и непочатой примерно 40 % приобретаемой еды, примерно на \$165 млрд. Вторые по расточительности – страны ЕС с 90 кг. В индустриальных странах Азии не доедают 80 кг, в Северной Африке, Западной и Центральной Азии – по 35 кг. Бережливее всего едоки стран Африки, что южнее Сахары: они выбрасывают лишь 5 кг еды в год на человека.

При этом мало где в мире есть программы раздачи именно лишней еды голодающим. Помимо законов рынка (на это нужны дополнительные затраты) речь идет и о том, чтобы не плодить иждивенцев, охочих до бесплатного сыра.

Таковой признан развращающим, для бедных должны работать иные законы, а также благотворительные и государственные социальные организации.

Жесткий закон, направленный против расточительности в продовольственной сфере, принят недавно лишь во Франции. Там супермаркетам запрещено (штраф до €75 тыс.) выбрасывать непроданные продукты, скажем, с истекающим сроком годности. Поэтому ее раздают бесплатно нищим. В школах и университетах предписано разработать свои программы сбережения продовольствия.

Но нам пока не до этого. Возможно, это станет следующим сюжетным поворотом жизни под санкциями, связанным уже, скажем, с нехваткой каких-то основных продуктов питания. Мы ведь не знаем, сколь прописан наперед сценарий этой драмы. И прописан ли он вообще.

2015 г.

Сможет ли Россия выбраться из экономического кризиса

Сейчас многие сравнивают нынешнюю ситуацию в экономике России с кризисными 2008 или даже 1998 годами. До сравнений с 1991 годом пока не дошло. Но это уж как пойдет.

Первый вице-премьер Игорь Шувалов в Давосе витиевато заметил: «Внешне проявления мы наблюдаем такие, как будто это мягче, чем в 2008–2009 годах. Но это только кажущаяся легкость. ...Глубина сложности нашей экономики будет еще зарываться вглубь... Ничего хорошего в существующей ситуации нет, она очень тяжелая».

Вряд ли мы услышим про «очень тяжелую ситуацию» из уст первого лица. Не его роль – преподносить народу неприятные новости. А шуваловых обыватель не слушает (опроси людей на улице, кто такой И.И. Шувалов, – не наберете даже в Москве и половины знающих его и его должность). В восприятии действительности обыватель опирается на ощущения, почерпнутые на работе, в магазине и в общении с близкими.

Попробуем сравнить ощущения-2015 с тем, что было раньше.

Если судить по макроэкономическим показателям, 2015 год и 1998 год – это небо и земля. Даже нефть тогда падала ниже \$10 (10 декабря 1998-го Brent стоил \$9,1), а в 1999 году вернулась к докризисным \$15–20. Почти непрерывный рост цен на нефть начался лишь с 2002 года. Как и денежных доходов населения.

Средняя зарплата в 1998 году была чуть выше 1000 руб. (до дефолта это около \$170, к январю 1999 года рубль девальвировался в 3,5 раза). В 2014 году она колебалась около 30 тыс. руб. – почти \$900 по курсу до ноябрьско-декабрьского обвала. И сейчас в долларовом исчислении мы (в среднем!) богаче, чем в 1999-м. В разы выросли пенсии, которые в 1990-х не всегда платили регулярно. Появились такие вещи, как ипотека и потребительский кредит. Как говорится, «мы стали более лучше одеваться».

Сейчас это многим, правда, не прибавит уверенности в будущем. Поскольку чем выше забираешься, тем больше падать.

Люди неосмотрительно успели привыкнуть к относительно благополучной жизни. Наверное, это был один из самых «сытых» периодов в нашей истории. Психологически отвыкать будет трудно. А уж возвращение в начало 1990-х и вовсе кажется невозможным кошмаром. Оно не состоится, если нынешний кризис продлится не более года-полтора. Если!

На протяжении последних двух десятилетий шло неуклонное расслоение общества на сверхбогатых и всех остальных. По коэффициенту Джини (где 0 – абсолютное равенство доходов, а 100 – абсолютное неравенство, когда все доходы принадлежат одному человеку) нынешняя Россия, при ВВП в разы меньше американского, по неравенству плотную приблизилась к США (коэффициент, по разным подсчетам, от 43 до 46), занимая по этому показателю места в 9-й десятке стран из 140. Нам еще далеко до Лесото (коэффициент 63), но уже далеко и до Швеции (23) с Германией (27). По другим подсчетам, сегодня 10 % богатейших россиян владеют в 17 раз большей долей национального богатства, чем самые бедные 10 % (в США – менее чем в 15 раз, в ЕС – менее чем в 8).

В этом смысле общество стало менее социально справедливым, чем даже в 1998-м, зато более потенциально конфликтным.

Не значит, что именно политически конфликтным. К тому же возможности для политических акций сильно урезаны законами последних лет, перекрыты многие «предохранительные клапаны», такие как забастовки, оппозиционная партийная деятельность, возможности найти реальную конструктивную альтернативу на выборах, работа в рамках «политических» НКО. Однако глубоко зашитое внутри общества чувство социальной несправедливости на фоне недоверия ко многим государственным институтам (таким, как суды, например) ведет к накоплению злобы, недоверия к себе подобным, к разрушению моральных и этических норм.

Такому обществу, обществу с крайне низким уровнем доверия, низкой способностью к солидарным действиям и горизонтальной организации во имя достижения общественно-полезных или даже чисто материальных целей, объективно гораздо труднее выкарабкиваться из кризиса. Очевидно, кризис нынешний не имеет сугубо технократических, экономических решений – без осуществления масштабных институциональных общественно-политических реформ.

Социальное расслоение общества все эти годы протекало на фоне увеличения разрыва в доходах, в уровне благосостояния разных регионов страны. Скрепленная жесткой вертикалью власти (нет и духа не то что «парада суверенитетов», но и реального федерализма) страна стала еще менее экономической и социально единообразной. С учетом разных цен на товары в самом богатом регионе зарабатывают в среднем на 75 % больше, чем в среднем по России, а в самых бедных – на 40 % меньше. В последние пару лет разрыв между Москвой и «замкадьем» несколько сократился, но по-прежнему опасно велик.

Сравнивая общественные настроения, тоже можно сказать, что страна изменилась капитально. И не только в том, что общество кардинально качнулось в сторону консерватизма и антизападничества. Оно огосударствилось.

В 1990-х, в том числе во время кризиса 1998–1999 годов, когда экономикой рулило правительство Примакова – Маслюкова, государства в экономике было мало. От него тогда, считая «развалившимся», никто ничего и не ждал, надеясь на себя или на судьбу. Или не надеясь вовсе. Сегодня многие, даже отдавая отчет в том, что времена социализма канули в Лету, понимают, что без государства нынче никуда.

Оно уже не добрый папа, раздающий блага, а «Левиафан», лезущий щупальцами-контролерами-силовиками-бюрократами во все щели, где еще шевелится сколь-либо неподконтрольная ему экономическая жизнь.

И это главное отличие от конца 1990-х.

Экономика стала менее гибкой, возможностей у самостоятельных людей зарабатывать, выкарабкиваться из кризиса стало меньше (хотя люди в целом стали богаче). Процесс огосударствления экономики шел непрерывно, начиная с 2002–2003 годов, особенно усилившись после кризиса 2008 года. К началу нынешнего кризиса федеральные и региональные власти контролировали уже около 50 % «рыночной капитализации» на фондовом рынке. Неформальный же контроль (начиная с подтасовки тендеров и кончая прямым административным давлением и поборами) со стороны чиновников охватывает собой почти всю экономику.

К 2006 году доля госсектора в экономике (данные Института Гайдара) составляла 38 %, к 2008 году она превысила 40 %. Сейчас (данные Минэкономразвития) перевалила за 50 % ВВП при среднем мировом уровне 30 %.

В условиях расцвета теневой экономики в 1990-х, ее высокой долларизации, низкой собираемости налогов и т. д. – при всех негативных последствиях этих явлений – это давало возможность выживать в тяжелейших условиях миллионам. Тогдашняя открытость страны миру создавала множество разных «ручейков», компенсировавших бюджетную немощь государства той поры. И хотя в самих по себе разворовывании и распродаже советского наследия (которое не смогли приспособить к новым и реалиям и модернизировать) не было ничего хорошего, эта вороватая распродажа была рентой, размазанной по широкому слою людей, ни на что более не пригодных, но спасенных тем самым, возможно, от голода.

Сейчас такой «фенты» уже нет. И хорошо. Однако миллионы так и не приспособившихся к рыночной экономике людей никуда не делись. И государство активно не содействовало их приспособлению, поддерживая все сытые нефтяные годы иллюзию, что всех накормит и спасет.

Ларечники и челноки в 1990-х хотя и не платили налогов, хотя ушли из своих прежних профессий, но кормили семьи, махнув рукой на государство. Ученым удавалось выживать с помощью подчас только иностранных грантов, которые сейчас перекрыты и вся надежда только на оскудевающий бюджет. Сейчас многие из прежних незадачливых «предпринимателей» устроились на госслужбу, привлеченные стабильностью, повысившимися зарплатами и возможностью коррумпированных доходов.

Вот только кого теперь «обдирать как липку»? Дураков работать на дядю-бюрократа все меньше.

Возможности расплодившихся контролеров возросли многократно. В Москве, ранее замусоренной и изуродованной вещевыми и продуктовыми рынками (при них тоже кормились люди), сейчас власти в очередной раз сносят ларьки, собираясь построить за счет бюджета (нет, кажется, мысли в такое время нелепее, чем строить ларьки за счет города) некие новые, единообразные. При том что три года назад уже переоформляли их внешний вид.

Доля малого и среднего бизнеса в ВВП не превышает 22 %. Более полумиллиона индивидуальных предпринимателей в последние пару лет снялись с налогового учета под крепчающим административным и фискальным гнетом. И хотя доля теневой экономики по-прежнему велика, возможностей для развития разных гибких форм деловой активности меньше, чем в 1990-х. Доля желающих заниматься потенциально под присмотром следователей частным бизнесом – не более 5 %.

При этом зажим предпринимательства и всякой (не только экономической) предприимчивости происходит под знаком расцвета консервативных, охранительных, а подчас мракобесных идей и законов.

Возрастающее до уровня истерики (по понятным причинам – конфликт на Украине) антизападничество ведет к реставрации архаичных «совковых» экономических практик и воззрений. И хотя в Думе конца 1990-х, где относительное большинство было у коммунистов, тоже периодически «маразм крепчал», но в ситуации реального тогдашнего политического плюрализма до нынешней ситуации, когда иные инициативы правящей (то есть по определению не маргинальной) партии вызывают просто оторопь, им было далеко.

Это не значит, что надо вернуться к временам «дикого капитализма» 1990-х. Ни в коем случае. Однако дать людям в свете грядущих потрясений и массовой (пусть скрытой) безработицы как-то дышать – надо. Критический момент нынешней ситуации в том, удастся ли без сползания к диким формам капитализма или, того хуже, мобилизационной экономики ослабить хватку нашего Левиафана, позволив хотя бы отчасти раскрепоститься предпринимательству.

Говоря об «ощущениях», следует признать: с нынешним состоянием (в том числе моральным) общества и государственных институтов нам из этого кризиса не выбраться.

Что будет означать на деле такое «не выбраться»? Ответ на этот вопрос – уже другой жанр. Жанр русского Апокалипсиса.

2015 г.

Разрыв «Системы»

Кому война, а кому – мать родна. Последний рабочий день минувшей недели был отмечен пиршеством инсайдеров. Пока олигарх Евтушенков томился в золотой клетке в подмосковной Жуковке, в течение примерно часа с десятком противоречащих друг другу информационных вбросов вгоняли акции АФК «Система» и «Башнефти» то в жар, то в холод. С промежутками минут по восемь-десять.

Грех было не наварить. Кстати, если по части политической «дело Евтушенкова» не походит на «дело ЮКОСа», то в части биржевой игры – вполне. Тогда происходило ровно то же самое в связи с разными «информационными эманациями».

Вокруг дела выстроилось некое количество версий. Дескать, арест случился накануне вторичного размещения акций «Башнефти», что могло стать для компании формой защиты от рейдерского захвата, но на нее у других уважаемых господ возникли свои виды. Намерения такого захвата подтверждают все участники этого сегмента рынка, кроме разве что пресс-секретаря той структуры, на которую указывают пальцем.

С другой стороны, разве же Владимир Петрович, слышущий едва ли не самым послушным из олигархов, ослушался бы, если бы ему сверху чисто конкретно по-дружески посоветовали: не надо, не ко времени сейчас, ну вы же понимаете... И он бы понял. К тому же он до определенного времени чувствовал себя защищенно. Ведь, как верно заметил экс-министр финансов Алексей Кудрин, сделка по приобретению «Башнефти» была в свое время одобрена на всех политических уровнях. Включая, надо полагать, самый верхний. Иначе и не могло быть такого дела после «дела ЮКОСа». Хотя президентом в 2009 году был Медведев.

Если это так, то это самая загадочная часть подкованной драмы.

До сих пор таких пересмотров высочайших соглашений не было. Возможно, это обстоятельство подтолкнуло главного фигуранта предположить, что с послушностью вертикали власти у нас не все в порядке. В том смысле, что некоторые «стали себе позволять нашивать накладные карманы и обуживать рукав...». А не позволить им не получается. Что тревожит.

Мне ближе такая версия – дело, если не успеет раскрутиться до такой степени, что тормозить уже будет поздно, может в лучшем варианте закончиться даже не отъемом «Башнефти» целиком, а передачей лицензии на крупнейшее месторождение Требса и Титова в Ненецком АО.

Весной «Башнефть» отстояла эту лицензию в непростых судебных тяжбах: ее совместное СП с «ЛУКОЙлом» «Башнефть-полюс» (у «ЛУКОЙла» блокирующий пакет) должно заняться разработкой месторождения. Теперь, в свете открывшихся ужасных обстоятельств отмывания денег пяти- или даже девятилетней давности, лицензию могут передать в более «чистые руки». Если эта версия верна, то следующим на очереди во внутривидовой борьбе российской «нефтянки» может стать «ЛУКОЙл» Вагита Алекперова.

Буквально через день после ареста Евтушенкова Арбитражный суд Москвы отклонил ходатайство «Башнефти» о прекращении производства по иску, где требовалось признать недействительной передачу лицензии на месторождение Требса и Титова «Башнефть-Полюсу». Иск подал некий миноритарий компании (да-да, как в старые добрые 90-е годы).

Теперь остается следить за руками – где эти два дела, как параллельные Лобачевского, пересекутся в бесконечности непознаваемой российской политики.

В свое время сделка по ТЭК Башкирии воспринималась многими как «отступные» экс-президенту Муртазе Рахимову и его клану. Вопросы к приватизации «Башнефти» возникли задолго до того, как компания полностью перешла в «Систему». Но Муртаза Губайдуллин был фигурой, про которые сказано, как в граните отлито: «Он же памятник, кто ж его посадит». Один из основателей партии «Единая Россия», член ее Высшего совета. Впрочем, с этим членством не вполне ясно: на сайте ЕР в разделе «Высший совет» такого человека не значится. Однако на странице самого Рахимова вчера на том же сайте он еще фигурировал как его член.

После отставки в 2010 году Рахимов позволял себе жесткую критику ЕР, его даже собирались оттуда исключить. В Башкирии некоторые его действия воспринимают как вызов нынешнему главе республики Рустэму Хамитову. Якобы Рахимов и возглавляемый им благотворительный фонд «Урал» (ох уж эти НКО, вечно с ними связана какая-то антирежимная зараза) готовят в республике реваншистский переворот, да еще с исламистским душком.

Возможно, именно с ослаблением политического ресурса Рахимова и усилением его противников (коих изрядно, в том числе в высоких структурах в Москве) связано и заведение летом уголовного дела против его сына Урала. По той же приватизации «Башнефти». Впрочем, сыну благородно дали возможность убежать, дабы уже потом объявить в международный розыск.

Забавно, как теперь ранжируется попавшая в опалу номенклатура по категориям розыска.

Если в отношении Урала Рахимова объявлен международный (немилость, но ведь дали уехать), то в отношении изрядно послужившего государеву делу депутата Алексея Митрофанова, которому тоже дали уйти от следствия за кордон, заведен лишь розыск федеральный. А оппозиционеру Пономареву и вовсе намекнули: сиди там, не приезжай. Вегетарианские ведь, в сущности, нравы.

Дела, подобные евтушенковскому, свидетельствуют о борьбе внутри правящей номенклатуры в условиях ухудшения конъюнктуры и, соответственно, ожесточения соперничества за мелеющие финансовые потоки.

В этом смысле «дело Евтушенкова» – ненужная подсказка Западу. О том, что внутри российской правящей элиты начались разлады – значит, санкции приносят эффект, подтачивая режим Путина. Значит, надо продолжать в том же духе.

Та же, скажем, неосмотрительная логика наблюдается в действиях власти по отношению ко всякому бизнесу. Вместо сплочения перед внешними вызовами бизнеса и власти, высвобождения предпринимательской активности, снижения административных барьеров и сокращения маразматического регулирования – огосударствление всего и вся, ревизия курса на гуманизацию законодательства по экономическим преступлениям, повышение налогов и поборов, рост чувства незащищенности бизнеса перед лицом непредсказуемых действий властей.

Все эти разговоры про инвестиционный климат и повышение «вражеских» деловых рейтингов играют в принятии решений подчиненную роль. Зато «политически выверенные» конъюнктурные заклинания и невежество становятся факторами, заметно влияющими на экономическую политику.

За народ в целом можно не беспокоиться, если, конечно, не раздражать его совсем уж драконовскими законами и задержками зарплат. Пока этого и не происходит. Вся мощь реакционного законодательства, полившего, как из рога изобилия, из того сегмента Думы, который отличается особенным мракобесием (и невежеством одновременно), направлен против относительно незначительной – проевропейски настроенной – части так называемого среднего класса.

Чем его, этих «умничающих хипстеров», будет меньше и чем он будет запуганнее, тем управлять спокойнее.

Что же касается так называемых элит, то именно расколы в верхах в России исторически приводили к тектоническим переменам.

И хорошо еще, когда обходилось «малой кровью» (всего лишь шарфиком и табакеркой). А вот тотальный разброд и измена накануне февраля 1917-го привели к куда более драматичным переменам. С тех пор власть поумнела и фронду пресекает еще на стадии выявления стилистических расхождений с генеральным курсом.

Суицидальные наклонности (или неспособность противостоять очевидному скольжению в пропасть, что в данном случае одно и то же) потерявших чувство времени, страны и реальности элит – плохой помощник во времена, когда судьба страны решается на десятилетия. А сейчас именно такое время.

В заявлениях – назовем этих людей «экономическим блоком» – российской номенклатуры на днях можно, конечно, при большом желании узреть зарождающуюся фронду. Мол, режим домашнего ареста слишком суров для Владимира Петровича. Мол, инвесторам надо разъяснить, что происходит вокруг крупнейшей несырьевой корпорации страны.

В чем-то отдаленно походит на то, что делали в первое время после ареста Ходорковского тогдашний премьер Касьянов и глава администрации Волошин. Но поскольку нынешние подобные сентенции заканчиваются лоялистским «следствие разберется», то это отсылает скорее не к 2003 году, а во времена более ранние. Когда вслед за угасшими надеждами на мудрое следствие следовали другие примиряющие с жесткой реальностью речи про то, что у нас зря не сажают. Оттенки лишь в мере пресечения: домашний арест или СИЗО, федеральный розыск или международный.

Идет нормальная для нас «ротация» кадров: прежних наевшихся, с зарубежными активами, сменяют голодные и энергичные в своей реакционности. И с кредо «наши люди за границу не ездят!».

Им неведомо, как еще выказать лояльность, если не выдвижением антимодернизационных инициатив, подаваемых как укрепление патриотизма и суверенной изоляции.

Разрыв старого шаблона отношений власти и бизнеса налично: даже самая лояльная лояльность теперь не гарантирует защиты от отъема собственности, если та приглянулась тем, кто ближе к трону (на всех уровнях). Широкая публика, разумеется, рада возмездию, постигшему очередного олигарха. Она не видит схожести манер отъема крупных компаний и мелкой собственности – ларька, дачного домика (в упрощенном порядке, если домик стоит на пути государственного строительства). Между тем механизмы эти совершенно одинаковы.

Что же касается номенклатуры, то, даже если Евтушенкова «допрессуют» до тюрьмы, это не вызовет никаких верхушечных заговоров и сколь-либо значимой фронды. «Пассажиры бизнес-класса» уже все поняли про неумолимые тенденции ближайшего времени, но сделать ничего не могут. Во-первых, боятся. Во-вторых, надеются, что их лично пронесет или спасет «золотой парашют», так что ни к чему собираться «больше трех» для согласованных действий. Остается лишь расслабиться и получить «удовольствие».

И еще. Поговорку насчет дерущихся панов и трещащих чубов холопов никто не отменял. В этом смысле осень будет щедрой на «самосанкции» против тех, кто еще недопонял изменившихся правил игры для всех.

Как чиновники отгораживают страну от внешнего мира

Не надо нашим людям учить иностранные языки, а надо учить русский – все чаще раздается из уст политиков и чиновников.

С точки зрения здравого смысла непонятно, почему в справедливом призыве лучше учить русский (по части грамотности населения в последние годы наблюдается ползучая катастрофа, учить надо лучше, возвращение сочинения в школу и в экзамены – абсолютно правильная мера) родной язык противопоставляется иностранным. Изучение языков – неотъемлемая часть современного образования, как математика. Не говоря уже о том, что, по мнению докторов, верное средство от болезни Альцгеймера.

Так повелось вообще в русской культуре с послепетровских времен. Теперь, видно, настала пора вернуться в допетровские.

Трудно представить кого-то из русских классиков, а то и самого реакционера Победоносцева, публично призывающими не учить французский или английский как языки, подрывные для наших духовных скреп.

Даже в годы войны призывов не учить немецкий не было. Напротив, в контексте советского сознания осажденной крепости считалось полезным учить языки вероятного и настоящего противников. Изоляция страны и в послевоенное время не помешала появлению поколения специалистов-страноведов, блестяще говоривших на иностранных языках, хотя ни разу не выезжавших в страну изучения.

Однако теперь иные времена, здравый смысл и политический процесс все больше расходятся. Невежество не только не постыдно, но скоро, похоже, станет официальной модой.

Деградация образования и, как следствие, одичание народа и опрошение нравов скоро перестанут казаться сколь-либо значимыми проблемами, обратившись в руках умелой пропаганды в несомненные достоинства нашего посконного и своеобразного исторического пути, освещенного духовностью, не улавливаемой лингвистическими и прочими тестами.

Знаковок же иностранных языков, возможно, скоро начнут выявлять и регистрировать как носителей опасных второго гражданства и вида на жительство, шибко популярных блогеров или пытающихся выйти за пределы мизулинского незамутненного детского Интернета, на который наверняка надо будет добывать отдельное специальное разрешение как на допуск в советских времен спецхран (думаю, недалеко уже до этого).

Многие наши люди, которые по какому-то высочайшему недосмотру пока еще посещают всякие заграницы, уже давно нисколько не стыдятся своей полной неспособности связать даже пару интернациональных слов, считая, что им по гроб жизни все обязаны за сам факт посещения их иноземной бездуховной помойки. И уж точно обязаны, тупые болваны, учить наш родной язык. На котором, великом и могучем, уж так и быть, бестолочь басурманская, я тебе специально громко и медленно повторю еще раз, чего от тебя требуется: «Ну вот же тупой, все равно не понимает, только улыбается в ответ!».

Недавно Левада-центром был проведен опрос, в ходе которого выяснилось: 70 % россиян не владеют ни одним иностранным языком. При этом 11 % жителей страны знают английский и всего по 2 % – немецкий и испанский; с французским и китайским знакомы по 1 %.

Уровень владения языком не устанавливался. Скорее всего, из «владеющих» большинство умеют пользоваться им на уровне «ту-ти-ту-ту-ту» (два чая в 222-й). Во всяком случае, знаю, что собрать на какую-нибудь конференцию (и это в гуманитарной сфере, где рабочий язык – английский) некоторое число владеющих этим языком русских выступающих всегда большая проблема.

Современный мир устроен так, что чем больше ты знаешь чужих языков, тем более конкурентоспособен. В Китае, одной из самых монолингвистических стран, к примеру, сегодня русским владеют в пять раз больше человек, чем у нас китайским, его преподают почти в 60 университетах страны. И ни в одной из стран, где по разным причинам сложился монолингвизм, любой публичный политик постыдится выступать с призывами «Не учить!», скорее наоборот.

Не говоря уже о том, что, бравидуя нежеланием учить «вражеские» языки, мы сознательно отгораживаемся от всей современной науки и технологии, подавляющая часть которых излагается в научных и специализированных журналах на английском языке.

Часто нас сравнивают в нежелании учить иностранные языки с традиционно «тупыми» в русском политическом фольклоре американцами. Там действительно уровень языкознания низкий. По данным министерства образования США, иным языком, чем английский, владеют лишь около 20 % американцев. В данном случае речь идет о практикуемом разговорном уровне. Еще надо учесть, что Америка – страна иммигрантов, где на не английском часто говорят и дома.

Но у американцев и мотивация другая: почти весь мир и так изъясняется на английском, он доминирующий язык деловых переговоров и научных публикаций. Сродни доллару, резервной мировой валюте. Однако ж именно в последние годы интерес к изучению языков в США резко растет: с 1995 года в университетах и колледжах число записавшихся на курсы иностранного (и это уже явно не язык родителей-иммигрантов) возросло почти на 50 %.

Стремительно набирают популярность всевозможные онлайн-курсы иностранных языков. Кстати, всех этих людей-самоучек, как и посещающих разные воскресные языковые курсы, нахватавшихся арабского, фарси и дари в заграничных походах солдат,

официальная статистика как билингвов не учитывает. То есть, если судить по нашим меркам «владения», получится значительно больше 20 %.

В Европе картина вообще совершенно другая: 56 % европейцев могут более или менее свободно объясниться на иностранном языке. Несколько лет назад Стокгольмским университетом было проведено всемирное исследование знания иностранных языков. В 190 странах. Выяснилось, что среднестатистический человек знает 1,58 языка, причем для 80 % уровень знаний – 1,69.

В нападках на иностранные языки, как и на все иностранное, проявляется не только, конечно, «уважуха» дичающему, опускающемуся в культурном развитии плебсу. Это еще один кирпич в здание стены, призванной отгородить страну от внешнего мира.

Невежественный, не умеющий объясниться с носителем иноземной культуры (и информации) обыватель, становящийся беспомощным во внешнем мире без специально обученных «экскурсоводов-пропагандистов», не способный получить и усвоить информацию, поступающую из источников, не отфильтрованных официальной пропагандой (и переведенной на родной телевизионный язык), становится не только некомпетентным в условиях современного мира, но и неконкурентоспособным.

Отток мозгов тормозится естественным образом – за исчерпанием самих востребованных мозгов. Ты никуда не денешься с нашей подводной лодки, потому что ты никому там не нужен.

Эти нападки – всего лишь одно из проявлений нынешней генеральной линии на изоляцию страны.

На днях объявлена и дата этой полной изоляции – 1 сентября 2016 года. В этот день вступит в силу закон, обязывающий обрабатывать персональные данные россиян только на российской земле.

На практике, как прямо следует из текста закона, это означает не только невозможность пользоваться всякими системами онлайн-бронирования отелей и авиабилетов, как написала в озабоченном обращении Российская ассоциация электронной коммуникации, не только намерение прикрыть социальные сети типа Facebook или магазины интернет-торговли (это вообще сущая мелочь по сравнению со всем остальным), не только прекращение возможности подписываться на научную и прочую литературу и периодику, не только прекращение по сути всяких финансовых транзакций россиян с границей, но и также фактически закрытие Интернета в стране, кроме какой-нибудь отечественной сети «Чебурашка».

Это означает также запрет россиянам выезжать во внешний мир: вы не сможете не только заказать отель и авиабилет, но и не получите никакую визу, а всякое предъявление вашего паспорта за границей станет запретной обработкой персональных данных.

Так что иностранный язык вам попросту больше не понадобится.

2014 г.

Под шум баталий...

Дмитрий Медведев дал твиттер-бой чиновнику Роскомнадзора Ксензову за то, что тот проговорился в интервью: этот Twitter прихлопнем в пять минут. А на шестую – прочие социальные сети, если они не пойдут на сотрудничество со следств... простите, властью.

Премьеру спасибо: нечасто политическое мракобесие нынче встречает отлуп. Но реальность, увы, такова, что наказанный выговором Ксензов формально прав. По новому закону можно закрыть любой ресурс, начиная с Twitter и Facebook и кончая Google. «Закон о перенесении серверов» с персональными данными можно отменить, игнорировать или применять избирательно. Выполнить его буквально – значит закрыть – Интернет в России.

Таковы законы, принимаемые теми, кто вряд ли отличит IP-адрес от IPO в Лондоне.

Да и самому Дмитрию Анатольевичу надо изготавиться, чтобы, будучи знатным блогером, зарегистрироваться 1 августа в том же Роскомнадзоре. А то оштрафуют или отправят на принудительные работы.

Настало время гротескного законодательного троллинга. Все, кто доселе боялся выказать архаичную дремучесть и мракобесие, теперь самовыражаются без оглядки на приличия и здравый смысл, – где бы еще чего запретить.

Пока экономика застыла между стагнацией и падением, у думцев, кажется, нет важней задачи, чем начать учет блогеров-трехтысячников. Создание национальной платежной системы (сама-то идея здравая) начинается с создания невыносимых условий для Visa и MasterCard, заодно и держателей более 216 млн карт в России.

После недавнего разумного закона об облегченном предоставлении гражданства носителям русского языка в порыве полицейского безумия продвигается закон об уголовной ответственности за недонесение о втором гражданстве (хотят добавить и вид на жительство).

Вместо собирания к себе расположенных к нам квалифицированных и родственных по духу людей со всего мира им перед носом помахивают дубинкой, напоминая, что родина прежде всего сурова, а потом уже все остальное, сопровождая принятие закона рассуждениями о надобности спецслужбам иметь под рукой списки «пятой колонны». Зачем это все, если ограничение на второе гражданство для госслужащих уже есть?

Зато не слышно ни об одном законопроекте, который хоть как-то отвечал потребности стимулировать рост в стране и предотвратить сползание (на фоне санкций) в технологическую и экономическую деградацию.

Хорошо, что Медведев заступился за Twitter, но от правительства хотелось бы большего. Тем более когда главный человек в стране столь увлечен событиями на Украине. Полагаю, он лишь недавно вышел из легкого недоумения от того, как бодрые дядьки из Донецка и Луганска проигнорировали его рекомендацию отложить референдум. А если они и дальше будут столь же самостоятельны? Таких алгоритмов в процессоры на Старой площади не заложено.

Крым, конечно, требует аврала. И теперь вместо моста через Лену, что сэкономило бы до 10 млрд руб. в год на логистике, и отказа от строительства порта в Тамани – мост в Крым. Цена – от 200 млрд руб. Однако помимо таких финансовых маневров уже сейчас нужны были бы срочные меры по стимулированию предпринимательской деятельности в Крыму. Налоговые льготы (их все равно не было в российском бюджете), меры по поощрению крымского виноделия и виноградарства хотя бы на уровне украинских. Решения о едином билете для отдыхающих и субсидировании авиаперевозок правильны, как и об игорной зоне, но их мало.

Для Крыма нужен аналог НЭПа. Но власти просто ментально не настроены на свободы – ни в блогосфере, ни в экономике. Нигде.

Вне Крыма – тоже. Разговоров про поддержку малого бизнеса много. Так много, что его уже почти извели. Что толку в сотый раз повторять, что в «монополистических» США за счет малого и среднего бизнеса создается более 60 % рабочих мест (в ряде стран ЕС еще больше)? Под шумок украинского кошмара малый бизнес фактически лишили права на упрощенку (погуглите, пока разрешено, соответствующий закон о налогообложении недвижимости).

Информационная картинка на 90 % состоит из Украины. И Крыма. России с ее проблемами как бы нет. Разве что в формате всенародных ликований или борьбы с «пятой колонной».

За прошлый год долг региональных бюджетов вырос на 29 %, до 1,74 трлн руб. А ведь именно на регионы переносится акцент в финансировании многих направлений социальной политики, образования, медицины. Если кто не в курсе, то в последней сфере именно в этом году принимаются такие меры (по реформе «скорой помощи», изменению пропорций между бюджетным финансированием и через ОМС), относительно которых специалисты высказывали самые тревожные опасения по части угрозы падения качества и доступности медицины.

Как идут дела? Помимо прорывающихся на очередной «прямой линии» сетований, что никакого повышения зарплат медикам на деле нет, а есть лишь сокращение штатов и увеличение нагрузки за счет работы на две ставки.

Банковские кредиты регионам собираются по команде президента заменить льготными бюджетными (распределение которых

есть предмет политического лоббизма). Но это не решит системных проблем той самой федерализации (которая у нас предполагает изъятие большей части доходов в центр и подавление финансовой самостоятельности регионов), за которую мы так бьемся на Украине.

Завершившаяся, толком не начавшись, дискуссия о реформе местного самоуправления увенчалась ограничением прав граждан на избрание начальников (в частности, мэров). Однако никаких новых налоговых источников для выполнения функций самоуправления – о чем кричали все знакомые с темой – МСУ так и не получило, оставшись бесправным и нищим никчемным придатком вертикали власти. Для сравнения: в «авторитарно-централизованном» Китае доля государственных расходов, авторизуемых на местном уровне (против центрального), выросла с 1980 по 2010 год с 46 до 82 %.

Пенсионные дискуссии затихли в прошлом году принятием мутной пенсионной формулы и, главное, изъятием (240 млрд руб.) накопительной части пенсии государством с обещанием вернуть потом. Что-то мне подсказывает, что не вернут. Но разве эта тема способна состязаться по важности с обсуждением того, сколько уничтожено «бандеровцев» под Славянском – то ли 5 человек, то ли сразу 800 (официальные телеканалы без проверки приводят фантастические цифры).

Что там с созданием 25 млн высокотехнологичных рабочих мест? Кроме запрета на въезд уже, кажется, тысяч семисот гастарбайтеров. Как продвигается дело по пяти названным недавно перспективным отраслям опережающего роста? Доля нефтегазовых доходов в бюджете лишь выросла, составляя более 50 %, диверсификации экономики не происходит.

Есть ли подвижки по перестройке ЖКХ, куда надо вложить до 9 трлн руб.?

Начинающееся в этом году отчисление гражданами платежей на капремонт требует уже летом определиться, куда пойдут деньги: на счет, к примеру, ТСЖ или обезличенный, на усмотрение чиновников. Граждане, замороженные украинской драмой, поди не в курсе.

Оправданно ли сегодня сохранение бюджетного правила, нацеленного не на стимулирование роста, а на создание запасов на черный день? Разве он уже не на пороге? Причем если теперь не в американских ценных бумагах, то в каких? В украинских? При этом наш новый-старый друг Китай в год строит тысячи километров хайвеев, а мы в этом году, дай бог, осилим пару сотен новых федеральных трасс. То же самое с высокоскоростными железными дорогами, о которых пока больше разговоров.

Хотя сельское хозяйство – относительно живая отрасль, но и там переход к более современным (как, скажем, в Европе) методам субсидирования (не через кредиты, посредством мутных посредничающих «агролизингов», а через госзакупки по стимулирующим ценам) способен придать мощный толчок. Про жилищное строительство сейчас разговоры лишь о том, как обложить налогом «инвестиционные квартиры» и продажу недвижимости.

А что с программой малоэтажного строительства и с раздачей земель под это людям? Сама земля в рыночный оборот так и не пущена: более 90 % ее принадлежит государству, однако большая часть даже не разграничена между разными уровнями власти. Кадастровый учет в зачаточном состоянии.

Про образование слышно разве что о новых экспериментах с ЕГЭ и о том, что (слава богу) вернули сочинение. Куда меньше реляций о том, как проходит жизнь учебных заведений, ставших «бюджетными». Сами учителя чаще всего употребляют термины «оптимизация расходов» и «сокращение штатов». Но угроза дальнейшей деградации образования, похоже, не приоритет для власти. Образование за границей вот-вот станет анафемой.

Что там с программой обучения за госсчет в престижных университетах мира? Сначала хотели 2000 человек, потом снизили до 1000. Из КНР только в 2012–2013 академическом году в США обучалось 230 тыс. студентов, многие из которых по возвращении пополняют новую элиту страны.

Чаще звучит тема выполнения (точнее, невыполнения) известных майских указов президента. Однако в данном случае речь идет лишь о бюджетных манипуляциях. В иных регионах доля в их бюджетах зарплат бюджетников уже превысила 50 %. Ни на что другое (а полномочий, в отличие от финансов, регионам отдается все больше) денег нет. Скажу крамольную вещь: экономика не сводится лишь к выполнению этих, да, важных указов. Выполнить их без ущерба для других отраслей можно при росте от 5 % в год. А его нет. Участие государства в экономике растет, а эффективность его падает (да-да, коррупция!).

Программа «электронного правительства», по сути, затормозилась. И кое-где обращена вспять. Например, по линии Минфина, отгородившего себе отдельный от сайта госуслуг загончик «личного кабинета налогоплательщика». Или правительства Москвы, изъывшего электронную услугу получения резидентского разрешения на парковку.

Безотлагательные проблемы российской экономики множатся. Но все затмила Украина.

Под шум тамошних баталий совершаются по большей части сугубо охранительные меры – по закручиванию гаек в политической сфере. Экономическая политика неадекватна моменту. Но проблемы России не сводятся к Украине. Россия не Украина. Если последняя вовсе исчезнет, то Россия останется. Но с чем?

2014 г.

Провалы отечественной бюрократии

«А что будет, если у сороконожки оторвать ножку? Не захромает ли? А побежит, если оторвать две-три пары?» – думает малолетний шалопай, познавая мир в пределах, ограниченных родительскими подзатыльниками.

Мне кажется, в такой манере у нас управляют экономикой и страной в целом. Подзатыльник разве что дать некому. Вернее дать есть кому, исполнить некому.

Минпромторг и ФАС говорят, что алкоголь и сигареты могут вернуть в мелкорозничную торговлю. Оказалось – внимание, барабанная дробь, сенсация! – что после запрета от 1 января 2013 года весь оборот перешел в крупную розницу и больше ничего не изменилось. Не изменилось в плане потребления (что декларировалось целью запрета). Зато исчезли десятки и даже сотни тысяч рабочих мест.

Все эти результаты были предсказуемы и подсчитаны экспертами. Которых никто не слушал, не слушает и слушать не будет.

Эти эксперты в 2012 году так и говорили: запрет на пиво и сигареты для ларьков приведет к закрытию их числом около 150 тыс. Общее число – более 600 тыс. стационарных магазинов розницы (на 2010 год). Из них примерно 215–245 тыс. – продовольственно-розничный сектор, где торговали алкоголем и сигаретами. Доля этой продукции составляла в обороте таких ларечников от 40 до 80 %. Это позволяло оставаться в плюсе с «сумасшедшими доходами» тысяч в 30 в месяц.

Вообще-то почти одномоментное исчезновение с рынка 150 тыс. рабочих мест – это фактор, ощутимый даже для такой экономики, как американская. У нас же на них плюнули. И растерли. Никто не брал это в голову, вводя запрет. Наплевав и на то, что в успешно борющейся, скажем, с табакокурением Европе именно таким ларькам и отданы сигареты. И не в последнюю очередь – именно в целях поддержки малого бизнеса. Но что нам Европа. Там (в Штатах еще больше) малый и средний бизнес – это до 60 % производств и услуг; у нас – жалкие 20–22 %.

Кстати, Минпромторг и теперь не знает, сколько рабочих появится вновь, если запрет снимут. Плюс-минус 200–300 тыс. – какая «ерунда», чего считать людишек на фоне планов наших громадья.

Такие же «флуктуации» случились с малым бизнесом в целом на фоне налоговых упражнений последних лет. Только за 2013 год число ИП сократилось примерно на 500 тыс. Это из чуть более 4 млн. А еще до этого, по итогам налоговых манипуляций, в 2011 году налоговые поступления от малого бизнеса за год всего лишь упали на 50 %.

Ребята, вы хоть про «кривую Лаффера» в Википедии почитали бы.

В иной стране это диагностировали бы как крах малого бизнеса: в 2013 году, в год экономического роста (он еще тогда был), число мелких предпринимателей падает до уровня кризисного 2008 года.

Отрезав этой сороконожке сразу несколько пар ножек, правительство в 2014 году снова стало менять схему обложения несчастных и задумало создать целое Агентство кредитных гарантий с уставным капиталом в совершенно, конечно же, «лишние» 50 млрд руб.

Люди эти просто не умеют просчитывать последствия своих ходов на пару шагов вперед.

Или вот из той же серии. Московские власти, задумав сделать нам красиво, объявили войну ларькам. Мол, мы великая столица и эти архитектурно неединообразные постройки портят нам вид из начальственных окон и лимузинов. В подземных переходах подняли арендные ставки в 10–12 раз. Вложили бабло, перестроили все на единый – «как в казарме» – манер. Единообразные новые киоски постояли пустые, потом и их снесли за ненадобностью. У меня в округе оттуда вмиг исчезли всякие полезные услуги и точки, где можно было сделать копию ключей, сфотографироваться на документы и т. д.

Вместо нескольких овощных киосков сначала не осталось ни одного. Потом один вернули. Цены в «монополисте», разумеется, стали выше. И вообще, по оценкам экспертов рынка, цены на предметы мелкой розницы и продовольствие в Москве, ранее росшие вровень с другими регионами, стали расти темпами опережающими – примерно с 2011 года. В том числе потому, что в «самом прекрасном городе Земли» размеры торговых площадей на городскую душу в разы меньше менее «прекрасных» Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

На начало 2014 года из объектов нестационарной торговли в Москве осталось 5700 штук и 2200 киосков печати, а в 2011 году их всех было 20 тыс. Три года назад предприниматели потратили 2,5 млрд руб. на «рекомендуемые» московскими властями новые конструкции. Но теперь выяснилось, что и они «не радуют». Дашь новый дизайн!

Четыре года назад в Москве существовала сеть фастфуда, аналогичная (и даже получше по вкусовым ощущениям) той, что есть в крупнейших мегаполисах мира. В нее были вложены огромные деньги. Выстроены цепочки поставщиков и производителей – это десятки тысяч рабочих мест, большие объемы налогов и пр. Однако из 1200 объектов, существовавших в 2010 году, на начало этого года осталось около 50. Вы не заметили, кстати, что цены в московских ресторанах стали выше на единицу порции?

И вот теперь настало озарение: решено налаживать в Москве передвижную продовольственную торговлю.

Чтобы автолавки, значит, приезжали в каждый двор. Помните лужковской поры «тонары»? Те же яйца, вид сбоку. Только

«красивше», разумеется. И единообразнее.

Или вот чудный по своему мракобесию закон приняли летом – чтобы в Wi-Fi входить по паспорту. Руководствовались, ясен пень, патриотизмом – чтоб врагу не достался наш гордый Мбит в секунду.

Подсчеты насчет того, какое прямое и косвенное влияние оказывают сети на самые разные виды экономической и инвестиционной активности, – это для каких-нибудь «тупых пиндосов». То, что лишь 17 % россиян (подсчеты Superjob, другие, думаю, дадут аналогичный результат) в публичных местах захотят загружать свои паспортные данные, это нам тоже «по боку». Привлекательность таких мест, как кафе (косвенно выраженное в налоговых, скажем, поступлениях) вообще не является предметом рассмотрения наших «принимателей решений».

Уровень проработки законов в парламенте – дремуч чудовищно.

Помню, как на заре реформ, когда Примаков возглавлял Верховный суд, мы в одном академическом институте (его Примаков тогда тоже возглавлял), высунув язык, писали справку, как должен быть оснащен настоящий парламент с точки зрения экспертных, аналитических и прочих подобных структур, чтобы быть способным прорабатывать качественно законы. Боже, какие ж мы были идиоты! «Как молоды мы были, как верили в себя», – поется в песне Градского.

Наш парламент – он вообще не про это. Не про проработку и просчитывание законов и, главное, последствий.

Вот и правительство встало враскоряку, уже которую неделю размышляя, как законодательный экзерсис насчет Wi-Fi применить на практике. В метро без паспортных данных, а в парке – с ними? Или наоборот? В кафе составлять амбарную книгу учета юзеров сети? «Чудо мысли» пока висит в правоприменительном вакууме.

Со спортивным интересом жду принятия «закона Ротенберга» – чтоб стоимость конфискованной подлым Западом виллы дорогому нам человеку компенсировать из бездонного российского бюджета. Справка-оценка того, сколько надо будет выписать в кассе Минфина, есть? Нет? Правильно, нечего заморачиваться. Принять сразу в трех чтениях, «не читамши».

Правительство, правда, написало сначала отрицательный отзыв, суть которого сводилась к тому, что задумка эта есть бред. Потом одумалось, признав инициативу очень полезной и своевременной. Я тоже «за». Всякий процесс лучше довести до логического конца, чтобы уж грохнулось все с самой зияющей вершины. Можно бы, конечно, понадеяться, что в последний момент подобный полет законодательной фантазии остановит Конституционный суд. Но ему недосуг.

Председатель сейчас занят изучением духовной сущности такой важной скрепы, как крепостническое право. Посему – тише, не шуметь! Не надо его отвлекать.

С нового года ощутимы и непросчитанные последствия запрета «платным» телеканалам показывать рекламу. Метили, говорят, в «Дождь», но попали в том числе в телевидение «Комсомольской правды». Некоторые каналы уже объявили об уходе с рынка с 1 января. Другие уйдут «по-английски», не попрощавшись. Сколько это еще убитых рабочих мест и бизнесов? Спыхватятся, разумеется, в связи с грядущим «нашим все» – чемпионатом мира по футболу. Спортивные каналы (скажем, «Евроспорт» имеет рекламу) поставят ультиматум, как уже было с рекламой пива, – и написанное перепишут. Для многих, правда, будет поздно.

Еще пример. С 1 октября вступили в силу новые поправки к закону об ОСАГО. Но не все. Хотя закон напечатали в «РГ» давно. Эксперимент по «расширенному европротоколу» в четырех регионах (возмещение ущерба «по железу» без участия ГИБДД до 400 тыс. руб.) не начался вовремя. Потому что правительство «забыло написать» правоприменительные инструкции (такими мелочами, как применение закона на практике, в Думе не заморачиваются).

Само по себе – это грандиозный провал бюрократии.

Сейчас инструкцию придумали: чтобы участники ДТП «привязали» описания повреждений к координатам по системе ГЛОНАСС. Изысканно и эксклюзивно. Весь мир обходится без GPS-координат, но мы и тут нашли свой путь. Изучал ли кто-нибудь последствия этих новелл для страхового, скажем, рынка? А они есть. Навскидку – чем дурнее и запутаннее правила страхования и получения возмещения, тем ниже объемы страхования. Наш человек массово, в отличие от западного, не боится ни машины, ни жилье (последнее дорого обходится государству после стихийных бедствий, когда приходится выплачивать возмещение ущерба из госказны). Я, к примеру, принципиально не боюсь по КАСКО именно из-за попустительства властей к «кидалову» страховщиков.

Вообще-то все это, выливающееся в многочисленные «частные» случаи (а мы еще не трогали множественное, тоже не просчитанное воздействие экономики наших свершений в Большой Политике, к примеру, рост цен на продовольствие в результате «автосанкций»), можно описать короче.

Как деградацию и даже развал государственных институтов, принимающих жизненно важные для страны и людей решения.

2014 г.

Царство барства

Недавно руководитель кремлевской администрации Сергей Иванов призвал чиновников перестать «барствовать» и начать «подавать личный пример безупречного поведения и скромности». Много было им сказано совершенно правильных слов о борьбе с коррупцией, например о прекращении госзакупок через аффилированные с чиновниками структуры, об ужесточении контроля над декларациями госслужащих и т. д.

Проблема, правда, в том, что административно-политического ресурса для воплощения в жизнь всех этих мер недостаточно. Нужно системное применение того, что называется «политической волей», причем с самого верха. Ну примерно как при генералиссимусе Франко, который как стал останавливаться на красный у светофоров, так и все высшие чины за ним.

Была, на мой взгляд, и непонятная оговорка: Иванов пообещал, что скоро президентским указом будет утвержден список госслужащих, которым запретят открывать и иметь счета в иностранных банках. Зачем нужен такой указ, если уже есть соответствующий закон, охватывающий не только госслужащих, но и депутатов всех уровней и даже кандидатов в депутаты всех уровней (которым надо сначала отрешиться от всяких счетов, а потом попытать счастья в российской электоральной системе)? Закон не работает, получается? Или указ его скорректирует? В какую сторону?

Если же по сути, то речь о том, чтобы в трудное для страны время изменить поведение правящей номенклатуры. Притом изменить методами ужесточения административного контроля.

Ни о каких формах «народного контроля», демократии, подотчетности избирателям, прости господи, о прозрачности работы госаппарата даже на уровне ритуальных заклинаний уже не поминают. Время фактически военное. Тут не до глупостей.

Нет речи и о том, чтобы сменить номенклатуру, которую многие называют безнадежно прогнившей, почистить ее, запустив в порядке ротации на всю катушку проржавевшие «социальные лифты». Как говорится, другой номенклатуры у нас для вас нет. Посему крепить ее единство и преданность будут, с одной стороны, с помощью ужесточения административного контроля, с другой, сохраняя имеющиеся привилегии, включая привилегию быть неподконтрольными низам, а только главному начальнику.

В принципе можно представить, ну хотя бы в жанре политической утопии, целый ряд совершенно очевидных мер по укреплению утраченного доверия низов к «барствующим» нынче верхам. По Интернету гуляют толком никем не опровергнутые сведения о баснословных вознаграждениях руководителей и топ-менеджеров госкорпораций. По сравнению с ними глава китайского Центробанка с его «жалкими» \$300 тыс. в год – нищий голодранец.

Однако этот вопрос даже на уровне парламентских запросов рискуют поднимать лишь отдельные депутаты-«заднескамеечники». И то чисто риторически, особо ни на чем не настаивая. Власть же стоически на сей счет безмолвствует. Будто темы и нет вовсе. Между тем был в свое время законопроект, вводивший ограничения в разрывах доходов руководителей госучреждений со «средними по больнице». Что с ним? Жив ли?

Зато без лишнего шума и пыли был в прошлом году принят закон об особом порядке медицинского обслуживания номенклатуры: теперь никакая девальвация и никакие жалкие нормы финансирования системы ОМС ее здоровью не угрожают.

В прошлом году самые робкие попытки как-то отрегулировать пользование VIP-залами вызвали ропот в номенклатурных рядах. Может, кто-то сейчас всерьез думает, что в условиях кризиса наши важные чиновники начнут летать эконом-классом? Практически ничего не сделано на практике по части обуздания страсти больших «госспишек» к роскошным лимузинам, покупаемым за госсчет. Даже если дойдет до ограничения по ценам приобретаемых иномарок, то никто не запрещает брать их же в лизинг. И уж конечно, совершенно невообразимым представляется даже под угрозой ядерной войны отказ чиновников от «мигалок», персональных машин с персональными же водителями. У нас даже амнистированный Сердюков приезжает на суд давать свидетельские показания, не думая ни о каком «личном примере безупречного поведения и скромности», на лимузине с «мигалкой».

Это лишь то, что лежит на поверхности и что пренебрежительно можно, конечно, назвать «дешевым популизмом». Но власть вряд ли помышляет внедрять что-либо подобное на практике. И это, как ни парадоксально, не является свидетельством ее политических суицидальных наклонностей. Совсем наоборот. Чистая прагматика и трезвая оценка потенциальной эффективности возможных результатов.

Ведь что станет первым и самым очевидным результатом политики реального (а не на словах) наступления на «барство», на возмутительные, казалось бы, на фоне нарастающего кризиса привилегии номенклатуры? Резкое падение политической лояльности этой самой номенклатуры, рост фронды на всех ее этажах.

С другой стороны, такой популизм, скорее всего, не приведет ни к какой дополнительной мобилизации и консолидации «ширнамасс» вокруг правящего режима. Проиграв в одном, власть ничего не выиграет в другом.

Народ, конечно, привычно ворчит, простаивая в пробках из-за проезда очередного кортежа, возмущается «на кухнях», наблюдая беспардонное чванство и воровство какого-нибудь губернатора, нагнувшего под себя и своих близких весь региональный бизнес. В качестве проявления максимально возможного «вольтерьянства» может даже перепостить очередное разоблачение Навального насчет очередного «шубохранилища». Но и только! Никто не бунтует, публично и массово не возмущается по этому поводу, не выходит на улицы губернских столиц с лозунгами «Довольно! Вон проворовавшихся!». Как говорится, «пипл хавают».

По ряду причин.

Коррупция верхов, начальственное чванство и барство, вопиющая в иных случаях социальная несправедливость и бросающееся в глаза неравенство перед законом (при том что почему-то считается, что запрос на социальную справедливость в нашем обществе сильнее, чем даже запрос на свободы) – все это воспринимается как вековая данность русского бытия. Тут всегда так было, есть и будет.

С другой стороны, моральное состояние и низов таково, что, появившись возможность «дорваться до корыта», слишком многие своего не упустят и будут вести себя ровно так же.

Да и на уровне нынешней, с позволения сказать, оппозиции то и дело всплывают примеры мелкого и крупного «крысятничества» – там, где это возможно. А они ведь далеки от власти. Оставим даже в стороне вопрос, может ли бывший «гринмейлер» превратиться вдруг в беззаветного борца с коррупцией и стоит ли верить в такие чудесные превращения. В этом смысле низы современного российского общества прогнили ничуть не меньше, чем верхи.

И почему, спрашивается, режим должен пускаться в опасные политические эксперименты, рискуя потерять лояльность номенклатуры, если адекватной замены ей на низовом уровне он не сыщет? Особенно когда речь идет о силовиках, потому что лучше опираться на «опричников», чем на «холопов».

Не плодить же своими руками каких-нибудь хунвейбинов, которые рано или поздно могут выйти из-под контроля и устроить на всей территории России такую «фрусскую весну», по сравнению с которой даже война в Донбассе покажется невинной шалостью (кстати, приглядитесь к «социально-политическим воззрениям», с позволения сказать, тамошних полевых командиров и более высоких начальников – та еще горячая смесь).

Если наверху существует глупоко укоренившееся представление о том, что наш народ лучше без нужды не будить, а то мало не покажется, это вовсе не значит, что у такого представления нет под собой никаких объективных оснований.

Играя в квазидемократию (не путать с сознательным строительством демократических институтов под просвещенным руководством ответственной правящей элиты), можно доиграться до известного своей амбивалентностью русского бунта. Уроки «горбачевщины» стоят перед нынешним правящим классом как живые, тогда ведь, считается, именно что доигрались в демократию.

Всерьез политика системной борьбы с коррупцией на уровне организованного общественного движения (а не кухонных сплетен и причитаний) нынешним российским обществом не востребована. А раз так, властям можно не суетиться и не впадать в «дешевый популизм», достаточно ограничиться «словесными интервенциями», барствуя и дальше.

Кто-то скажет: но так не может быть вечно, ведь рано или поздно, особенно на фоне нарастающих экономических и социальных проблем, тлеющее «кухонное» возмущение может вылиться на улицы. Вот когда выльется (и если!), тогда и посмотрим.

В истории многих стран (даже подавляющего большинства) действует знакомый нам принцип: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Работать на опережение, угадывать тенденции и угрозы будущего, пытаться их предотвратить, заниматься сознательным выстраиванием государственных институтов, балансирующих друг друга (да-да, та самая система сдержек и противовесов), – это удел каких-нибудь масонов, они же «отцы-основатели».

Мы же творим свой путь. Как сформулировал классик, с одной стороны, тьма власти, с другой – власть тьмы. А как между ними проскочить, пока никто не знает.

2015 г.

Близорукость госбюрократии

Годовщину победы «майдана», он же – «революция достоинства», он же – «госпереворот», российские федеральные телеканалы отметили крикливыми ток-шоу, в Москве прошел многотысячный «антимайдан». Оно и понятно. Этот «праздник» теперь с нами надолго. То, что в российском инфорпространстве будет «сплошная Украина», было ясно уже год назад. Что изменилось?

Драматические изменения произошли у «виновника торжества», в украинском обществе. Оно стало в целом более враждебно настроено к России и более консолидировано по отношению к лозунгам «майдана».

Взять идею так называемой евроинтеграции, из-за которой, считается, разгорелся весь сыр-бор. Но именно она ни на момент начала «майдана», ни на момент его победы не имела поддержки абсолютного большинства населения Украины. То есть «майдан» как «европейский выбор» если и был революцией, то меньшинства. И не будь на месте президента тогда столь зарвавшийся, к тому же неумный, вор, как Янукович, никакой революции бы не было. Это он и его подельники довели людей до ручки. В том есть вина и тех, кто творил украинскую политику из Москвы, сделав ставку на этого человека.

В частности, я и сейчас полагаю, что нельзя было давать Януковичу сажать Тимошенко, она была бы для него серьезной сдерживающей силой, с ней Москве тогда (!) можно было договориться.

За провал украинской политики теперь идет расплата войной в Донбассе.

Что касается Крыма, то его присоединение, вопреки тому, что сейчас говорят о «давних планах» и висевших якобы в Кремле картах, было импровизацией, совершенной от досады на то, что разрешение украинского кризиса по нашему сценарию не удалось осуществить, дождавшись окончания сочинской Олимпиады, – нас опередили на пару дней. Напомню: первоначальная формулировка крымского референдума ни независимости, ни тем более вхождения в состав России не предусматривала.

В начале прошлого года «майдан» (как форму возмущения действиями зарвавшихся властей) поддерживало 49 % населения Украины, 45 % были настроены к нему негативно (данные украинского Фонда демократических инициатив и киевского Международного института социологии). При этом лишь немногим более трети граждан верили в способность оппозиции наладить дела в стране.

И даже тогда 36 % населения поддерживало идею вступления Украины в Таможенный союз с Россией (в 2009 году – 58 %). На востоке и юге страны за ТС были, соответственно, 61 и 54 %. Сегодня идеи «движения в Европу» (набирали от силы 45 % в ноябре 2013-го, против было 49–51 %) пользуются поддержкой большинства почти во всех регионах (разумеется, гораздо более высокий процент на западе), кроме разве что «отдельных районов Донецкой и Луганской областей».

Пророссийские силы мало того что дезорганизованы политически, но и идейно маргинализированы.

Если раньше можно было говорить о наличии на Украине разных политических культур, взаимодействующих друг с другом в рамках пусть и диковатых, но демократических процедур, то сегодня одна культура, считающая себя «правильной», навязала свою повестку всей стране. Как долго это продлится, сказать трудно. Но можно представить, что строительство обновленного украинского государства (когда и если до этого дойдет) пойдет уже на монокультурной в политическом смысле основе. Как, скажем, в Латвии, где русскоязычное меньшинство было лишено политических прав. Правда, получив взамен «компенсации» уже внутри ЕС – свободу передвижения и право на работу.

Неприятная для нас эволюция настроений произошла по вопросу о членстве Украины в НАТО. До 2013 года по стране не более 12–15 % населения выступали «за», примерно половина (45–50 %) стабильно была за нейтралитет страны. Еще примерно четверть (за счет востока) – за военный союз с Россией. Резкий скачок пронатовских настроений произошел уже к лету прошлого года: число сторонников превысило 35 % (по сравнению с 12 % в 2012 году). Уже тогда «за» было уверенное большинство на западе страны, а к концу года такое же большинство сложилось и в центре. С каждым месяцем число сторонников становилось больше, достигнув в среднем по стране 53 % уже к концу 2014 года (за военный союз с Россией – меньше 10 %). Лишь на востоке антинастовские настроения по-прежнему преобладают, хотя тоже ослабли.

Если эволюция продолжится теми же темпами, то примерно через год власти могут проводить соответствующий референдум, рассчитывая на уверенную победу.

Что касается идей федерализации, то они несколько месяцев назад (более свежих данных нет) имели поддержку примерно трети граждан Украины, с тенденцией к снижению. Правда, идеи автономии сильны по-прежнему на востоке. За присоединение же к России сегодня можно отыскать значительный процент (около 30) лишь на территориях ЛНР и ДНР, тогда как еще прошлой весной он колебался во всех восточных регионах от 15 до 25 % (сейчас – в районе статистической погрешности).

За прошедший год украинское общество, втянувшись в «войну с Россией» (именно войну, так считает более половины граждан сегодня), пока не дозрело до идей о необходимости общенационального диалога, «крутого стола» во имя примирения разных политических сил и разных региональных культур. Такая проблема, как наличие разных культур, не признается большей частью ныне правящего политического класса. Настрой «воевать до победного» преобладает. Минские соглашения видятся как передышка, обреченная на срыв в новую войну.

Общество в лице правящего класса внутренне не готово, по моему мнению, к выполнению ни одного пункта минских

соглашений, касающихся взаимодействия с представителями ЛНР и ДНР (а таковых там большинство).

Что касается украинской экономики, то она, как говорил один известный персонаж, «утонула». Причем в состояние кризиса страна вошла еще до всяких «майданов». Минувший год лишь усугубил и драматизировал уже начавшиеся процессы. А к середине 2014 года падение промышленного производства составило от 5 до 15 % в Донецком и Луганском регионах в разных отраслях (а это четверть всей промышленности страны). И до 5 % в целом по стране. Сейчас падение еще больше.

Украина стоит перед необходимостью проведения жесточайших мер экономии (по сравнению с ними греческие недавние меры покажутся праздником невиданной щедрости), являющихся условием представления спасительных \$17 млрд от МВФ. Это поможет функционировать госаппарату. Но спада не предотвратит, а скорее усилит, как произошло везде в Южной Европе, согласившейся на меры экономии. Инвестиций в страну нет, они падали все последние годы – с \$866 на душу населения в 2007 году до \$617 в 2013-м. Для сравнения: в Румынии они сократились с \$2454 до \$2034, в Польше выросли с \$2728 до \$2517.

Все это грозит ростом социального напряжения. Демпфирующим фактором может стать, как ни странно, война, которая «все спишет». Украинский режим – как велосипедист. Едва он «остановится», кончит воевать, во весь рост станет вопрос, почему «революция достоинства» обернулась колоссальным падением уровня жизни. Ну и о том, кто виноват в «поражении».

Что касается России, то изрядно уже понаписано про то, где мы оказались. И про консолидацию общества на платформе «Крымнаш», и про воздействие санкций, и про падение нефтяных цен. Лишь в последние два-три месяца (после девальвации рубля) система пытается адаптироваться под кризис. Традиционным реактивным путем, который в корпоративной среде называется «режем кусты».

По большому счету, ничего, кроме сокращения расходов, «вертикаль власти» не выдумала. Она не заточена под формирование быстрых и эффективных ответов на внешние вызовы – лишь на приспособление к ним. Она не настроена на использование кризиса как возможности для прорывов на новых направлениях и создании точек роста.

Она боится как огня (как «майдана») освобождения инициативы снизу даже под угрозой экономического коллапса.

Все мысли направлены на поиски новых фискальных источников пополнения казны (повышение пенсионного возраста, конфискация накопительной части пенсии, замораживание индексации зарплат бюджетникам, замораживание выплат пенсий «богатым» работающим пенсионерам, секвестр бюджета и т. д.). Даже в Крыму, предсказуемо оказавшемся в сложном экономическом положении, ни на шаг не приблизились к тому, что надо было вводить декретами еще в марте прошлого года: к созданию свободной экономической зоны, освобождению от всех бюрократических преград и ограничений (кроме экологических норм), полной свободе предпринимательства, налоговым каникулам и пр. Вместо этого – типичная для нашей бюрократической системы борьба за перераспределение собственности, «френационализация», рейдерские захваты и пр.

Социальная близорукость госбюрократии поразительна: пока народ призывают затянуть пояса, высшие чиновники, главы госкорпораций и госбанков продолжают красоваться в топ-листах самых высокооплачиваемых «менеджеров», доходам которых позавидуют СЕО ведущих корпораций благополучных стран. Режим экономии не распространяется на тех, кто «режет кусты», они готовы осваивать новые миллиарды в рамках проектов, которые в нынешних условиях выглядят полным безумием.

Мы по-прежнему далеки от «дна» падения в порядке адаптации к новым реалиям (санкции, плюс дешевая нефть, плюс грядущий пересмотр в сторону сокращения наших внешнеэкономических энергопоставок Западом).

Адаптация (просматривается пока лишь вариант озлобленной самоизоляции без конструктивной мобилизации) общества и политических институтов, по большей части, еще впереди.

У огромной страны России – огромная инерция. Еще многим наивно кажется, что вот здесь ужать, там подрезать – и выдержим. А там и нефть подорожает. Дай бог, если все сложится так счастливо и просто. Но почему-то кажется, что на сей раз нет. И не только потому, что эпоха дешевой нефти надолго. А потому, что сложившаяся система управления экономикой, правовая система и система отношений власти с бизнесом и обществом оказались не готовы дать адекватные ответы на вызовы времени.

И если необходимая перестройка не будет произведена в ближайшее время, я бы оставил в силе свой прогноз годичной давности: в этом случае мы придем к катастрофе.

2015 г.

Двадцать лет исканий

«Как же вы нам все надоели» – примерно так можно трактовать результаты опроса Левада-центра на тему возвращения в избирательные бюллетени графы «против всех». За высказались 74 % опрошенных. И хотя не все из них будут голосовать именно за этого «кандидата» – многие имеют в виду сам принцип, считая его демократическим. Но реакция на недавнюю инициативу спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко показательна. И отражает она скорее усталость, скажем мягко, от всей нынешней политической тусовки, внутри которой избирателю уже порядком надоело выбирать из двух зол меньшее. Тогда как идеального «рыцаря на белом коне», спасителя отечества и освободителя обывателя от тягот жизни и бремени свободы и выбора, все нет и нет.

Установившейся единой трактовки голосования против всех нет. Разнится и практика в разных демократических государствах. В некоторых европейских странах графа существует, но часто сопряжена с обязательностью самого голосования. А, скажем, во Франции формально графы нет, но есть техническая возможность проголосовать пустым бюллетенем (точнее, опустить в урну пустой конверт). Пустой бюллетень засчитывается как поданный против всех и в Испании. Форма узаконенного протестного голосования есть в Индии, но там надо специально заявить о таком намерении избирательной комиссии. В США, где вообще многие вопросы по формам и способам организации голосования отданы на откуп штатам, графа «никто из перечисленных кандидатов» существует на всех выборах в Неваде и на муниципальных выборах в Массачусетсе. Однако в Неваде она не ведет ни к каким последствиям: если даже большинство проголосует против всех, то должность займет следующий по числу голосов кандидат. Есть штаты, где фамилию кандидата можно вписать самому. Иногда в разных странах прибегают к такому методу, как смена фамилии, чтобы включить в нее словосочетание «против всех». Но не везде это разрешается (так, в Британии есть прямой запрет).

Россия отменила эту графу в 2006 году. Как тогда говорили – следуя рекомендациям ОБСЕ, а также в целях сделать выбор более осознанным. В то же время тогда многие считали, что вкупе с отменой минимального порога явки это должно сработать в тех конкретных условиях на правящую партию.

Теперь, видимо, кто-то считает, что для правящей партии что-то пошло не так, и графу предлагается отменить.

Скорее всего, идея навеяна результатами выборов в Москве и Екатеринбурге, где Навальный и Ройzman для многих стали «протестными кандидатами». И будь графа «против всех», они, предположительно, не набрали бы столько голосов. В то же время большинство высказавшихся представителей правящей партии относятся к идее пока скептически, не понимая, в какие конкретно последствия это может вылиться.

Впрочем, дело, в конце концов, не в самой графе. Дело в том, что российская избирательная система напоминает некоего непоседливого человека, который не может никак устроиться на одном месте. Ему постоянно что-то мешает: то там чешется, то там зудит или свербит, то одно неловко, то другое. Он вертится как егюза, а комфорта все нет. После каждых выборов производится «подстройка» избирательной системы под текущий политический момент. И трудно отделаться от ощущения, что всякий раз это происходит с целью создать наиболее выгодные условия для партии власти. За таким мельтешением все сложнее усмотреть некие единые незыблемые принципы самой системы, а бесконечная «прыготня» не дает сформироваться прочным избирательным традициями и стабильной практике правоприменения бесконечно меняющихся правил.

Дошло до того, что отдельные новеллы избирательного законодательства воспринимаются как «настройка», направленная уже даже не против оппозиции в целом, а против отдельных представителей этой оппозиции. Так, «криминальный фильтр» многим обывателям кажется придуманным специально и конкретно против Навального. Принятый Мосгордумой накануне выборов мэра закон (аналогичный федеральному) о запрете кандидатам на выборные должности иметь иностранные счета – направленным конкретно на недопущение Прохорова на мэские выборы и т. д.

Избирательной системе нашей аккурат в эти дни ровно 20 лет: 29 сентября 1993 года Борисом Ельциным был подписан указ о формировании ЦИК и избиркомов в регионах.

С тех пор, кажется, ни одни выборы у нас не проводились по одним и тем же правилам. Что только не менялось.

Многажды менялось законодательство по выборам президента, депутатов законодательной ветви власти и муниципальных органов. Думу мы избирали по смешанной и по пропорциональной системе. Проходной барьер варьировался от 5 % с 1993 по 2003 год до 7 % в 2007–2011 годах. В 2016 году будет снова 5 %. С 1995 по 2011 год число партий, имеющих право участия в федеральных выборах, уменьшалось: в 1995 году их было 273, в 1999-м – 139, в 2003-м – 64, в 2007-м – 15, в 2011-м – 7. Сейчас число зарегистрированных партий снова близится к сотне. Но самое большое число преодолевших 5-процентный барьер было 20 лет назад – восемь партий.

Менялись требования к представляемым подписям избирателей при регистрации кандидатов. Сегодня процесс сбора и проверки подписей доведен, кажется, до иезуитского совершенства. Изменился порядок формирования Совета Федерации. И, возможно, изменится опять, если вернуться к прямым выборам сенаторов. Отменено право на образование избирательных блоков. Но сегодня опять говорят, что, может, и их вернут, а то избиратель запутается в десятках названий партий. Ужесточены требования к организации досрочного голосования и порядку использования открепительных удостоверений. Но хитрый ум фальсификаторов все время придумывает новые проделки. Вроде бы приняты законы о гарантиях равного освещения деятельности парламентских партий на государственных теле-, радиоканалах в период между выборами, но до их эффективного

применения еще, мягко говоря, далеко. В то же время запрещена прямая критика конкурентов в ходе избирательной кампании, что трудно воспринимать иначе как абсурд. В общем, всего не перечислишь.

Любой другой демократической стране всех этих перемен хватило бы на два столетия.

В результате сегодня наше избирательное законодательство выглядит вполне прилично с формальной точки зрения. По многим параметрам – к примеру, по учету избирателей – оно чуть ли не самое передовое вообще. Некоторые наши новшества (использование веб-камер на участках) уже перенимают за границей – к примеру, на Украине и в Бразилии. Более того, если взять какие-нибудь примеры неоднозначного применения избирательной практики во вполне демократических странах и попытаться «пересадить» на нашу почву, то выяснится, что с точки зрения формального законодательства, да даже и правоприменительной практики они у нас просто невозможны.

К примеру, недавно прошли в Германии парламентские выборы. Так вот из 67 партий, заявивших о намерении участвовать в выборах, в избирательный бюллетень были включены списки лишь 34. Из 58 непарламентских партий на федеральном уровне и отдельных земель ровно половина – 29 партий – не были допущены к выборам. 12 обжаловали отказ в Конституционном суде, который восстановил на выборах только одну. Досрочно и по почте проголосовали около 25 % избирателей. Социологические опросы публиковались в день голосования. В России сегодня, при всех недостатках наших выборов, такое уже просто невозможно. И если бы вдруг случилось в подобных масштабах, то поднялся бы страшный вопль о фальсификациях и нарушениях. Скорее всего – оправданный.

Если сравнивать по формальным признакам, то наша избирательная система выглядит на бумаге также куда совершеннее американской, которую глава ЦИК Владимир Чуров вообще называет «архаичной». Там, скажем, в разных штатах возможно голосование чуть ли не вообще без документов, проценты досрочного голосования – огромны (подчас более половины). Не говоря уже о том, что на федеральных выборах, скажем, президента «вес» голосов избирателей разных штатов отличается в разы.

Однако – вот же удивительно! – тамошний обыватель, и немецкий, и американский, по большей части считает избранных с помощью столь несовершенных избирательных систем политиков легитимными, а выборы – более или менее честными. У нас картина обратная: недоверие к самому институту выборов, неверие в него – чудовищное.

Все дело в том, что избирательную систему невозможно рассматривать отдельно от общего уровня политической культуры, правовых традиций, правоприменения, эффективности судебной системы, влияния общественного мнения и свободной прессы на власть. Скажем, кого у нас посадили (хотя уголовная ответственность есть) за фальсификацию выборов за 20 лет? Никого. Или другой пример. У нас институт наблюдателей и членов избиркомов проработан во всех, казалось бы, мельчайших деталях. Для грамотной подготовки наблюдателя, чтобы продрасть сквозь всю казуистику, нужны специальные курсы, с кондачка эту юридическую крепость не возьмешь. А во Франции, скажем, подсчет голосов на выборах занимаются самые обычные волонтеры. И люди со стороны, все имея те или иные политические пристрастия, считают честно. Без тонн инструкций. Возможно ли это у нас?

Сбор подписей для выдвижения на выборах существует во многих странах, но только у нас он столь чудовищно дискредитирован. Когда даже предъявление в суде живьем самого подписанта не дает оснований этому суду признать его подпись действительной, когда по указке сверху «проверяющие» бракуют тысячи подписей под совершенно иезуитскими предложениями. В США избирательный участок можно, по желанию, организовать хоть в собственной пиццерии – добровольно. И это, как и немыслимые с нашей точки зрения вольности по части многообразия организации голосования, не приводит ни к каким массовым фальсификациям. Хотя, скажем, еще несколько десятилетий назад по этой части там творилось примерно то же самое, что у нас сегодня творится в национальных республиках.

Высокий уровень политической культуры, традиций гражданского общества, свободная пресса, сила общественного мнения (которой бывает достаточно для добровольной отставки оскандалившегося политика), получается, сплачивают многие формальные несовершенства избирательного законодательства. В этом смысле демократия, выборы – это всегда диалог. Между теми, кто избирает, и теми, кого избирают. Если его нет – система не работает, зато работает непрменный принцип всякой власти (даже самой демократической) – она всегда стремится к абсолюту. И, будучи не ограниченной, не сдерживаемой со стороны общества – к авторитарности.

Спящее, безразличное, аполитичное общество приводит к тому, что даже в рамках очень развитой и проработанной на бумаге избирательной системы возможны массовые фальсификации выборов.

Зрелость общества также является единственной гарантией против прихода к власти очередного популиста, претендующего на звание мессии, избавляющего от всех проблем. Который, придя к власти, быстро становится ее узурпатором. Идеально прописанная на бумаге избирательная система от этого не спасет: как известно, всенародным голосованием вполне честно побеждал даже Гитлер.

Однако власть все время пытается настроить, придумать какой-нибудь очередной «фильтр», страховку от неправильного, как ей кажется, выбора народа, манипулируя ради этого в том числе судебной системой. Последнее является самой вредоносной «забавой» с точки зрения долгосрочных интересов самого государства. И, вместо того чтобы дать вызреть гражданскому обществу – расширяя права местного самоуправления, позволяя работать всевозможным НКО, гарантируя свободу слова и собраний, а не пугаясь опасливо даже одиночных пикетов, выдавливая из общественного пространства всякую инициативу,

нестандартное поведение и прочее, у нас постоянно переписывают избирательное законодательство.

А надо всего лишь просто гарантировать его беспристрастное соблюдение. И это было бы как раз тем самым постоянством, которое и становится основой прочных и здоровых традиций.

2013 г.

В свое довольствие

Есть какой-то символизм в том, что указ о повышении в разы зарплаты российским думцам совпал с празднованием очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (для тех, кто по-прежнему читит), а ранее Дня народного единства, в «девичестве» – Дня согласия и примирения. Теперь наши охотнорядцы будут получать наравне с парламентариями Франции (чуть больше), Швеции (чуть меньше) и даже Великобритании. Сейчас – почти в 7 раз выше средней зарплаты по стране, а в следующем году – чуть ли не в 14 раз. Такое вот «примирение» с родиной.

Не менее забавно, что выплаты (в отличие от всех известных парламентов мира) разделены на некую условно базовую часть и «поощрения», которые раза в два с половиной больше базовой части. Отцы-основатели системы разделения властей, наверное, в гробу сейчас вертятся, не могут понять, как это указом исполнительной власти устанавливается зарплата власти законодательной, да еще там предусмотрены некие «премии». За что? За посещаемость? За правильное голосование по указаниям администрации президента?

На самом деле с «поощрениями» все проще и циничнее. Это есть, видимо, чисто бухгалтерские манипуляции, важные с точки зрения минимизации всяких налоговых отчислений.

«Прогрессивная общественность» стала было возмущаться и плумиться. В блогах, разумеется, – никто не идет в знак протеста громить никакую овощебазу. Как же так! Когда урезают расходы (точнее, удельную долю) в бюджете на образование и медицину, парламентариям, мол, не стыдно принимать такие поправки. Да еще при таком вопиющем, все более растущем неравенстве между богатыми и бедными: коэффициент Джини в России примерно такой же, как в США (при уровне душевых доходов ВВП в разы меньше). По этой части как раз никакой Швецией у нас и не пахнет.

На что представители всех фракций отозвались в том духе, что, мол, не больно-то нам и хотелось, но мы теперь будем больше помогать сирым в своих регионах, а также партийной печати. Снятые с зарплатных карточек деньги пачками никто презренно не швырнул ни к Боровицким воротам, ни к Спасским.

Одновременно сами депутаты озаботились ограничением размеров «золотых парашютов» в госкорпорациях – уровнем не более чем шесть месячных окладов. Однако примечательно, что прежняя идея насчет ограничения размеров разрыва в зарплатах в тех же госкорпорациях, а заодно во всех бюджетных учреждениях (когда главврач и его приближенные получают в разы больше остального медперсонала), куда-то завалилась.

Теперь можно устанавливать такой месячный оклад начальству, что и шести его размеров хватит до глубокой старости и еще внукам останется.

Не отстает и кремлевское управделами: аккурат в эти дни существенно расширен список тех, кто имеет право пользоваться VIP-залами при высочайших передвижениях. Нынче не модно бороться с номенклатурными привилегиями, показательно отнимать мигалки. Даже «дело Сердюкова-Васильевой», вброшенное на потеху плебса в возбужденную толпу зрителей дешевого политтрэша на телевидении, вот-вот окончательно развалится. Васильева «выделена в отдельное производство» и, помяните мое слово, дождется амнистии или же выйдет сразу после нескорого суда, получив тот срок, который она уже отмучается к тому времени под домашним арестом.

Материально-финансовое поощрение думцам стало продолжением курса на резкое повышение довольствия высшей номенклатуре. Уровень официальных доходов силовиков уже превзошел европейский, не забыты правительство и администрация. Скорее всего, в регионах подхватят инициативу сверху и, вопреки тяжелейшему финансовому кризису, поразившему многие региональные бюджеты, проявят должную номенклатурную солидарность. Чтобы «перед пацанами стыдно не было». К тому же номенклатуре надо было как-то компенсировать неудобства в связи с запретом иметь иностранные счета, что потребовало от нее дополнительных манипуляций, ключевое слово в которых «траст».

Резко повышенные официальные доходы – неплохое основание для легализации бесстыдно огромных состояний чиновничьей братии. Теперь, даже если придется покупать домик в Майами (не говоря уже о заполнении декларации в связи с выборами), не нужно «париться» перед иноземными финансовыми органами, которые резко усилили бдительность в отношении российских капиталов, – достаточно предъявить законную форму НДСЛ-2, оправдывающую крупную покупку.

Кому-то подобные действия могут показаться в условиях ухудшения экономической ситуации в стране опасными и опрометчивыми. Мол, народ не поймет. На что я так скажу: не поймет, но схавает.

С политической точки зрения высшее руководство действует абсолютно грамотно, хладнокровно и расчетливо. Ах, экономисты и даже правительственные предрекают, что на нас движутся «тощие годы» и народу придется затягивать пояса?! Да, так. И в этих условиях политическая стабильность, по мнению власти, зависит прежде всего от сплоченности вокруг руководства и лояльности ему номенклатурной верхушки. Укрепляется именно решающее звено. В том числе потому, что уже ясно: на всех денег все равно не хватит.

Время нефтегазового дождя изобилия кончилось. Основной массе населения придется внимать и подчиняться курсу на укрепление духовных скреп. И вместо, скажем, ненужного совершенно (потому что невыгодного для власти) обсуждения хитроумных пенсионных формул «относительно честного отъема денег» или причин снижения затрат на образование и медицину народ призывают бороться с хеллоуинами, геями, интернет-растлителями, «европейскими ценностями» и

подрывными разговорами о «фасчлении страны» в угоду злокозненным заговорщикам из госдепа. В этих вопросах сплоченность номенклатуры тем более важна.

Думаю, голосование по всем «морально-нравственным» вопросам по части ужесточения наказаний теперь со стороны умасленных повышением зарплат (и подвергнутых предварительному грозному внушению откуда следует) думцев будет еще более солидарным.

Могут возразить: уже было Бирюлево, если дальше столь же нагло играть с огнем и злить «простой народ», то недалеко и до революции. На мой взгляд, как раз очень даже далеко. Хотя локальные погромы и бунты возможны, но они на Руси никого никогда не удивляли и устоев не подрывали. Механизм подавления отточен веками. Княжеская дружина-стрельцы-жандармерия-казаки-ОМОН; далее розги, порки, казни зачинщиков. И как апофеоз, в особо трудных случаях – явление барина, царя, секретаря ЦК, президента – и проявление высочайшей милости в виде пряников-баранок-подачек при непременно показательном «жесточайшем» наказании отдельных назначенных виновными бояр. Скажем, в виде снятия префекта. После чего все снова хмельны, веселы и счастливы.

Все кардинальные реформы в России всегда происходили сверху, являлись результатом тех или иных внутриэлитных противоречий, разброда и шатаний, смуты (современный вариант – раскачивание лодки). Они происходили чаще всего под воздействием того или иного мощного воздействия извне – поражения в Крымской или Русско-японской войне, осознания катастрофического отставания в военном плане («звездные войны» Рейгана) и т. д. Революции начала XX века – исключение, подтверждающее правило. Когда сплелось сразу три фактора: война, в которую оба раза теоретически можно было не влезать, разложение элиты, достигшее в конце концов уровня фактически заговора против императора, и, наконец, мощнейший демографический взрыв в России того времени, когда огромная крестьянская масса, при не решенном до конца земельном вопросе, выплеснула свою молодецкую энергию на улицы.

Ничего этого сегодня в России нет, особенно третьего фактора: средний возраст населения почти 40 лет. Сегодня «настоящих буйных мало», в том числе по итогам той отрицательной селекции, которую проделали с русским народом в процессе, по сути, вялотекущего геноцида на протяжении большей части XX века. От сталинских раскулачиваний-лагерей-репрессий до брежневского подавления инакомыслия и всякой нестандартности.

Россия и сегодня не вполне избавилась от многих сугубо феодальных нравов. Не решены многие из тех вопросов, которые были решены на Западе в ходе буржуазных революций. Взять, скажем, равенство перед законом, в частности, равный для всех проезд по дорогам. У нас даже платные парковки чиновникам не писаны, не говоря о перекрытиях улиц и мигалках.

Как ни парадоксально, при широком распространении в массах социальной зависти («пусть у меня коровы нет, зато хорошо, что у соседа сдохла»), ненависти к спекулянтам-богачам-коммерсантам само социальное неравенство, когда дело касается представителей «неодворянства» – властной бюрократии, полуфеодалным менталитетом воспринимается во многом как данность.

Представитель власти в контексте такого понимания имеет такие «естественные права», как право воровать, жить по другим законам, быть беспардонно богатым за счет номенклатурных привилегий и коррупции.

Ему как бы «можно», сами б дорвались, вели бы себя точно так же. В этом смысле «всемирно избранный» депутат, живущий в России на уровне Франции и Британии, – это такая же «норма», как перекрытие дорог для проезда кортежа. Скажем, губернаторского – современный вариант «ломания шапок» перед барином. Более того, «хождение в народ», демократизм в поведении знати мог бы восприниматься как слабость либо как толстовская блажь, не достойная особого уважения и тем более массового насаждения среди «неодворянства».

Так что когда для одних наступают «тощие годы», а у других, наоборот, очень даже жирные – это тоже «норма». И общество ее со смирением и покорностью принимает.

2013 г.

Между «пятой колонной» и гопниками

Необузданная, никем не сдерживаемая репрессивная фантазия российских законодателей каждый день плодит новые запреты. Активированные луговые и яровые «звезды» такого нормотворчества упражняются в основном по сферам политической и гражданской. Выявляют «пятую колонну» – лиц с двойным гражданством, НКО и СМИ с «неправильным» финансированием, подозрительных блогеров, готовы преследовать «распоясавшийся» «Яндекс» и прочих «двурушников», «национал-предателей» и «агентов Госдепа».

В ходу уже словечки «диверсант» и «саботажник». Последние якобы пробрались в славную космическую отрасль, насыпав, видимо, песок в подшипник рулевой тяги упавшего «Протона».

Бодрит инициатива о введении уголовной ответственности за несанкционированные митинги (до пяти лет). Крепнет на седьмом десятке годовщины победы над фашизмом борьба против экстремизма, нацизма (проявления которого видятся во все большем числе неугодных государству деяний и мыслепреступлений), а также сепаратизма (не путать с борьбой за федерализацию, возможную лишь на востоке Украины).

Богатое дебютное начало – запрет выезда за границу. Пока нескольким миллионам силовиков. Пока им.

Объектом применения всех этих законодательных, казавшихся бреднями еще несколько лет назад новелл, повторим, остается пока в основном сфера политическая. Люди заботятся о фасаде и виртуальном пространстве вконец стабилизировавшейся счастливой жизни: не важно, что за фасадом, главное, чтоб картинка была благостная.

Современные же экономические и финансовые процессы полет мысли наших законодательных «звезд» покамест охватить в полной мере не смог. Робкие попытки типа запрета доллара на удивление быстро хоронятся, хотя и без отправки инициаторов на психиатрическое освидетельствование.

С другой стороны, не менее сумасбродная идея запрета (так выходило из буквального прочтения закона) международных платежных систем успешно стала законом, и теперь оставшиеся здравомыслящие государственные мужи ломают голову, как бы его незаметно похерить.

Ровно так и со всякими соцсетями и иноземными интернет-ресурсами: дедлайн, когда, опять же следуя буквальному прочтению закона, следует оные закрыть, приближается. Будет ли достаточно для сохранения минимума разумности в данном вопросе недавно прозвучавших успокаивающих заверений президента?

Можно бы подумать, что все эти меры призваны привести наш вечно анархистствующий народ в состояние добропорядочной послушности, дабы утомленным его вековым, неизбежно невежественным состоянием (в том смысле, что не ценит он высочайшую о себе неустанную заботу, не отвечает ударным трудом) правителям было сподручнее направлять страну к вершинам мировой славы и окормлять ее государственно субсидируемой духовностью.

Но репрессивные меры последних лет адресованы по большей части вечно узкому «образованному» (условно) слою, этой вечно болтающейся в проруби океана народной стихии интеллигенции и прочим хипстерам и безродным космополитам.

Основная же масса народа подобной дисциплинарной политической и гражданской ответственностью по-прежнему не охвачена. Поскольку этим людям из их маргинальных низов на политику – как с высокой колокольни.

Были, правда, попытки щелкнуть хлыстом над ухом и этих дикарей. К примеру, ужесточили кары за пьяную езду. Помогло? Да не сказать. В 2013 году произошло 204 тыс. ДТП, что больше, чем в 2012-м, на 0,2 %. 13 581 случилось по вине пьяных водителей. Это на 6 % больше, чем в предыдущем году (ужесточение наказания произошло как раз в 2013-м). На 18 % выросло число скрывшихся с места аварии. Образумить такой народ, если следовать логике правителей, привыкших управлять страной запретами, могут лишь расстрелы пьяных «водил» на обочинах. И то не факт. С интересом теперь следим за исходом тотальной борьбы с курением.

Кстати, о расстрелах и прочих жестокостях. Есть какой-то недосмотр в том, что, скажем, за несанкционированный митинг собираются сажать на пять лет (аналогично за призывы к сепаратизму и прочие мыслепреступления), ну почти как за убийство, а, скажем, за организацию свалки у себя под забором, за срач на месте пикника, распитие пива в скверике и мочеиспускание в подъезде на практике наказания не бывает.

Логика «строгостоящего государства» на самом деле должна быть едина для всех сфер жизни.

Возьмем Сингапур, на который у нас порой ссылаются. Тамешний режим ведь не только политически жесткий. Но и за плевков на улице, мусор в общественных местах, за неспускание воды в общественном туалете и прочие подобные «шалости» есть штрафы не в десятки, а в сотни долларов. Оттого там чисто.

Или возьмем милый многим пример сталинщины. Ее неотъемлемой частью были не только репрессии по отношению к инакомыслящим и тем, кто лишь мог стать таковыми. Ее частью был и «закон о колосках» 7 августа 1932 года, когда за хищение малейшей социалистической собственности можно было загреметь в лагеря лет на десять. Или указ Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, запретивший увольнения по собственному желанию, переход с одного предприятия на другое, этим же

указом введена уголовная ответственность за прогулы и опоздания. Его прозвали законом «10 лет за 15 минут». Может, не десять лет, но на несколько месяцев можно было загреметь легко. По некоторым данным, за период с 1940 по 1956 год по этому закону было осуждено (не обязательно к тюремному сроку) 36 млн человек.

И в крови тех поколений опоздание на работу было едва ли не самым сильным бытовым ужасом.

Сталин, кстати, как-то сослался, оправдывая жестокость законов по охране госсобственности, на законы эпохи первоначального капиталистического накопления. Кое в чем разницы между сталинизмом и, скажем, нравами Англии XVIII века было немного. Скажем, до 1800 года в королевстве было более 200 видов преступлений (включая мелкие кражи), за которые полагалась смертная казнь. Сплошь и рядом вешали 12—14-летних подростков. А работные дома, а законы против бродяжничества? Чем не ГУЛАГ? В том числе и на этой традиции зиждется нынешнее английское законопослушание. Как, скажем, прибалтийское законопослушание уходит корнями в многовековое пребывание под немецкими баронами.

Батяка Лукашенко в этом смысле более целостен. Он предложил, по сути, восстановить крепостное право для крестьян, запретив им самовольный уход из колхозов. У нас такое было. Адепты Сталина скажут: и правильно. Жаль, что рано кончилось. Продлился бы сталинизм еще несколько десятилетий – была бы другая страна. Послушная и исполнительная. Помянут добрым словом Андропова, который пытался наводить порядок, устраивая в рабочее время облавы в кинотеатрах и магазинах («Вы почему не на работе, гражданин?»).

Черты «крепостничества» можно усмотреть и в нынешней российской инициативе по «закреплению» силовиков в статусе невыездных (ровно так поступил с дворянами Павел Первый, правда, кончил он плохо), а еще – в рудиментах сталинской системы прописки.

Адепты Сталина, правда, забывают, что строгости в отношении охраны соцсобственности уживались с полным пренебрежением по отношению к собственности личной. В этом наш кумир миллионов отстал даже от Англии XVIII века, не говоря уже о более гуманной викторианской эпохе.

Так что нынешняя наша тотальная захламленность страны, с помойками вдоль всех дорог, с кривыми заборами и вонючими подъездами, она оттуда же, из сталинщины. Личность и ее пространство – ничто, главное, чтобы трава в гарнизоне была покрашена, танк смазан, сугробы вдоль плаца были квадратные, а вечно вороватый и ленивый люд всяко отвечал: «Так точно, ваше высокоблагородие! Не могу знать (ничего не могу), ваше высокоблагородие!». И, поедая глазами начальство, ходил бы строем туда-сюда, не возбуждая даже по поводу самых больших глупостей, мздоимства и мерзостей режима, потому как не вам, холопы, судить белую кость, она же номенклатура. Ну а что на дворе у холопов срач, так устоев это не подрывает. Якобы.

На самом деле это не так: колоссальный разрыв между стремлением постоянно приукрашивать фасад и отсталой бытовой и производственной культурой устои как раз подрывает.

Но наши законодатели слишком невежественны в массе своей, чтобы озаботиться построением такого авторитаризма, который был бы действенным не только в сфере пропаганды, а и во всех остальных тоже. На производстве – преодолевая лень и головотяпство по отношению ко всяким нормам и правилам. В судах – защищая всякую собственность, а не только вельмож и государственную. На дорогах – где правила должны быть едины для всех. Помянем другого генералиссимуса – Франко, кортеж которого останавливался на красный свет. С тех пор число ДТП и смертность на дорогах Испании в разы меньше нашей.

Можно, конечно, дополнить сатрапские законы в области идеологии, информации и прочего Интернета аналогичными новеллами в области трудового права и разных бытовых сфер. Крепостное право в виде полного восстановления прописки, государственное распределение из вузов. Аналоги работных домов в виде расширения исправительных работ за все, за что только можно.

Можно еще начать сажать за несортировку мусора, за курение в неположенных местах, за проезд и проход на красный свет, за нерегистрацию на государственном портале учета всего и вся с отчетом там же раз в сутки. За проживание без официального брака и поцелуи на улицах. За кривой забор, пиво в скверике и неопрятный вид. Взять того-сего из Англии XVIII века, добавить сингапурщины, сверху густо залить сталинщиной и перемешать, настояв затем на православии-самодержавии-народности. И посмотреть, что будет.

А будет вот что: рванет. Пугачевщина будет. И они это знают.

«Гнилая» элита вообще плохой учитель и морализатор.

Поэтому «болотное дело» – только против «офисных хомяков», такого же по масштабам бирюлевского и дела «Манежки» не будет никогда. Наказание за мыслепреступления – да, по всей строгости. А гоппикам – на практике все возможные вольности. Как те их понимают и реализуют. И чем дальше будет идти одичание страны, тем легче, им там наверху кажется, такой страной будет управлять. Глубокое заблуждение.

2014 г.

Вредительство в законе

Как часто бывает после принятия новых законов, бизнес опять в тихом ужасе. И пишет реляции курирующим инстанциям. Опять неизвестно, что будет (в данном случае с 1 июня) и как жить дальше. Слухи один страшнее другого заставляют прикидывать грядущие убытки и не предвиденные ни одним бизнес-планом расходы. В сущности, обычное для нашей страны дело. Этим стилем (сначала делаем, а потом думаем) у нас не только Дума славна.

Депутаты взялись отрегулировать – в который раз – оборот спиртосодержащей продукции. С 1 июня вступят в силу поправки к закону аж 1995 года, снижающие порог для такой продукции, не подлежащий государственному учету, с нынешних 1,5 до 0,5 % этилового спирта. Если больше 0,5 %, то, производители, извольте установить у себя ЕГАИС, а продавцы – получить лицензию. Можно этого не делать, а «всего лишь» изменить рецептуру производства продукции, вложив в это «жалкие» миллиарды рублей. Подумаешь, ерунда какая.

На все про все еще неделя, время пошло.

На сегодня никто из заинтересованных структур не знает в деталях, как именно это будет работать. Если трактовать закон буквально (а как еще его трактовать, спросит любой познавший, как работает вменяемый парламент), то под него подпадает куча продукции, начиная от фруктовых йогуртов до средств для стирки белья, от составов для мытья посуды и чистящих средств до освежителей воздуха, от клеев до кремов для обуви, полиролей, репеллентов, а также влажных салфеток и дезодорантов.

В начале лета страна может остаться без дезодорантов, представьте!

Парфюмеры тоже в неведении, какие кремы, пасты и мази подпадут под закон, а какие – нет. Они пишут слезные письма курирующему у нас все спиртосодержащее вице-премьеру Хлопонину, чтоб тот разъяснил. Будто он знает, что там законодатели имели в виду. Никто также не знает, как быть с продукцией, что уже произведена, импортирована и лежит на складах и полках магазинов. В законе на сей счет молчок. А там, где в законе молчок, готовы конвертик проверяющим инстанциям, которые уже встали на низкий старт.

Общий оборот косметики и бытовой химии с содержанием спирта от 0,5 до 1,5 % в России оценивается в \$200–250 млн. На фоне наших стратегических свершений суший пустяк, конечно. Мы всю свою многовековую историю прожили без увлажняющих салфеток, и скрепы были куда крепче нынешних, и победам это никак не мешало.

Гагарин в космос без дезодоранта летал? Летал. Да и Уланова с Плисецкой тальком обходились. То-то же.

На многих этикетках сейчас указывается содержание «до 1 %», более точная цифра, говорят, даже не всем производителям известна. Этикетки теперь тоже надо переделывать. За свой счет. Российские производители парфюмерии оценивают возможные потери на одну кампанию в 2,5 млн руб. Это меньше, чем содержание одного думца в год, так что мелочь. Сюда входят установка ЕГАИС и покупка соответствующей лицензии (800 тыс. руб.).

Крупные гранды-производители, особенно иностранные, предпочитают отмачиваться в столь непростое политическое время, давая понять, что дико уважают российское законодательство и не такое в нем видали. Короче, одни готовятся «тупо подчиниться», другие пишут в инстанции с призывом остановить неостановимое, третьи тихо надеются, что поскольку этот закон – бред, то работать он не будет и здравый смысл победит.

Здравый смысл, однако, как показывает практика последних лет, все труднее пробивает себе дорогу в нашу переполняемую законодательными абсурдами жизнь.

Для начала непонятно, с какого перепуту вдруг вообще понадобилось снижать порог с 1,5 до 0,5 %? Именно в этом проценте кроется, как Кошечева игла, необоримая сила русского пьянства?

Ведь, казалось, совсем недавно откипели страсти по квасу и кефиру, которые тоже пару лет назад чуть не заставили лицензировать как алкогольные продукты, но передумали. Внятное обоснование этого мудрого действия нигде увидеть не довелось. Законодатели, похоже, вообще не особо заморачивались вопросами, как на практике это будет работать, какие убытки – и ради чего, собственно, – понесут увлеченные импортозамещением отечественные производители. Они же по идее вдохновленные клятвенными обещаниями властей не ухудшать пресловутый инвестиционный климат.

Наш парламент, он вообще не про расчеты. Хотя с точки зрения технической и аналитической (формально) оснащенности он создавался как орган, который в состоянии выдать до деталей просчитанный законопроект, а не пафосную политическую декларацию о благих намерениях. Однако законов, годных для полноценного беспроblemного применения сразу после подписания, у нас на свет, как правило, производят мало.

Это даже хуже, чем раньше было с «Жигулями», которые надо было доводить до ума в гараже после покупки самим автоумельцам.

«Защиты от дураков» нет ни на одном этапе разработки законопроекта. Обсуждения в профильных комитетах с приглашением (выборочно, кого захотят) сторонних экспертов не являются эффективной мерой, гарантирующей качество. Институт лоббизма, когда на законной основе представители затрагиваемой отрасли могут хотя бы разъяснить законодателям, что они принимают, у

нас неразвит и нелегитимирован. Он ошибочно понимается у нас лишь как примитивный подкуп законодателей, что давно не так в практике развитых стран.

В этом смысле сегодняшняя Дума гораздо меньше подвержена влиянию представителей реальной жизни извне парламента, чем в 1990-х. Это по-своему хорошо, но и плохо одновременно: сужается число участников выработки решений. И это на фоне стигнувшей внутрипарламентской конкуренции, когда так называемые оппозиционные фракции играют лишь согласованную для них роль марионеток партии власти. А чем меньше участников выработки решений и дискуссий, тем хуже качество решений. Штампует все, что санкционировано сверху, без разбора, парламент ухудшает качество принимаемых законов. Совет Федерации также не заморачивается их детальным рассмотрением. По сути, в его лице в России нет второй полноценной палаты законодательной власти. Не налагает вето на негодные (даже не политически, а просто профнепригодные) законопроекты и президент.

Видимо, считается, что вето — это сигнал о кризисе системы и давать его не надо. Но это не так. Вето по идее неотъемлемая часть системы разделения властей нормального государства.

В итоге под алармистские вопли «как же нам теперь жить!» в роли пожарной команды выступает правительство, стремясь минимизировать ущерб, заложенный в некачественных законопроектах. Путем внесения разъяснений и толкований.

Так древние жрецы толковали «знаки свыше» на свой и правителей вкус.

Росалкогольрегулирование судорожно уточняет перечень товаров, которые будут выведены из-под регулирования. Молочники и парфюмеры надеются, что чиновники внемлют здравому смыслу и все исправят. Однако это системно неправильно. И противоречит основам парламентаризма: исполнительная власть не должна принципиально корректировать законы либо должна брать ответственность на себя, издавая соответствующие указы прямого действия. Но такая модель отношений законодателей и правительства стала уже нормой.

И в этом сказывается кризис всей государственной системы.

В свое время было много шума по поводу закона о доступе к WI-FI чуть ли не по паспорту. Закон не отменен, но на деле не работает, поскольку абсурдный. Примерно такая же история была с законом о регулировании рекламного рынка в СМИ, на кабельных каналах, по части рекламы пива и т. д. Только силами соответствующего ведомства удалось частично минимизировать неоправданный (мотивация было чисто пропагандистско-политической) ущерб, нанесенный думцами медиаотрасли. За сам ущерб, разумеется, никто не ответит.

С сентября должен заработать закон об обработке персональных данных россиян на российской же территории.

По сравнению с ним закон о спирте в йогуртах и зубной пасте — детский лепет.

При буквальном толковании закона надо в России вообще запрещать весь Интернет, кроме того государственного сегмента, указ о котором давеча подписал Владимир Владимирович. Опять никто не знает, как будет работать то, что работать в буквальном смысле не может. Ждем толкований.

Чувствуя совершеннейшую политическую «безответственность» (а свобода законотворчества, конечно, часть любого нормального парламентаризма, законодатель в рамках отпущенного срока имеет определенную свободу рук от контроля избирателей, которые призывают его к ответу лишь на выборах), наши парламентарии продолжают «отжигать». Их ведь никто не одергивает особо и сверху, если они держат нос по ветру нынешнего курса в целом.

Законы у нас, увы, не носят в названии имен инициаторов, их вносивших, и страна не узнаёт этих героев. А наверху, похоже, исходят из того, что, мол, в крайнем случае одернем, остановим или выхлостим, применяя на свой манер (парламент же не вызовет на ковер за извращение сути законодательства). Но такая ситуация лишь подпитывает мотивацию у депутатов выдвигать как можно больше всяких инициатив, даже если они заведомо непроходные или абсурдные.

Считается, что важна активность сама по себе, которая есть залог включения в списки на следующих выборах.

Поэтому можно выдвигать обреченные на громкий резонанс законы о запрете аборт по системе ОМС, что-то запрещающее по части алкоголя, вообще по части морали и нравственности, нечто про очередной запрет или ограничение чего-нибудь иностранного (агентов, нежелательных организаций и пр.). На этом точно заработаешь много «галочек» у кураторов.

Так раскручивается маховик не столько даже законодательного безумия (хотя и его тоже), сколько производства множества неграмотных законов, которые в буквальном прочтении неприменимы в жизни и выглядят, как сказали бы раньше, актами саботажа и вредительства. Но вредительством их почему-то сегодня не считают.

2015 г.

В треугольнике троемыслия

«Чужие письма читать нехорошо», – морализировал советский фильм 1975 года с молодой Ириной Купченко в главной роли. Нынче, когда письма оцифрованы, их публикация и чтение посторонними превращаются в распространенную политическую забаву. Сейчас параллельно развиваются две схожих истории. Обе связаны с перепиской должностных лиц. Одна в Америке, другая у нас. Это два мира – два Шапиро. И, по выражению старика Кипплинга, вместе им не сойтись. Не хуже или лучше, а просто они разные.

У нас на маргинальных задворках информационного пространства гуляют публикации «Анонимного интернационала», из которых наглядно и неприглядно видно, как якобы некие вполне вычисляемые работники АП «фулят» фабрикой судебных процессов и медийными атаками, пытаясь увлеченно, дойдя, что называется, «до мышей», управлять всем, что движется и не движется, всем, что слышится и не слышится.

Политического резонанса от этих «разоблачений», как и следовало ожидать, ноль.

Не возбудился ни одним своим членом парламент, не сменили украинскую шарманку маги и повелители телесеансов массового гипноза. Думаю, возбудились определенным образом в ФСО. Что, в сущности, правильно и полезно безотносительно ко всему остальному.

Было бы странно, если бы было иначе. Если засветившихся когда-нибудь и уволят или повысят по диагонали, то точно разведут факт увольнения и «засветку». Те, кто сливал (или фабриковал) эти прослушки, подглядки и просветки, рассчитывали ведь не на публичный политический скандал с вмешательством высших светлых сил добра и справедливости, а всего лишь направляли, как теперь говорят, месседж от одной фракции к другой. Чтобы получить по максимуму реакцию, столь блестяще сформулированную (как говорят) питерскими, – «я вас услышал».

И дело тут не только в состоянии политической системы и отрегулированного должным образом медийного пространства, о которых уже все сто раз написано, а в самом отношении к электронной переписке со стороны ответственных лиц и их конфиденентов.

Они никогда не позволили бы себе такой же откровенности в выражениях, дефинициях и мыслях на бумаге, которая якобы все стерпит, каковое демонстрируют, оперируя всевозможными планшетами, смартфонами и прочими привнесенными нам извне бездуховными гаджетами. И сколь ни пугай их тенью молодца Сноудена, в голове никак не уложится представление о том, что всяко сказанное, написанное и отправленное «по мылу» слово чиновника непременно «отольется в граните». Войдет в анналы. И еще неизвестно, как и при каких обстоятельствах оно оттуда выйдет, каким боком тому, кто слово это неловко обронил.

Конечно, вековые традиции отечественного троемыслия, когда говорим одно, пишем другое, а думаем третье, сегодня сильны. К тому же привычное отсутствие должного публичного контроля за действиями чиновников и политиков также ведет к «легкости мысли необыкновенной»: беспредельный политический цинизм в таких условиях есть также проявление низкой внутренней дисциплины (и сдержанности) чиновников.

Кабы они только лишь подозревали, что их «шалости» могут выплыть наружу, приведя к нежелательным политическим последствиям, они, конечно, постеснялись бы в выражениях. Но поскольку публичное пространство и общественность выведены за скобки при определении эффективности и полезности того или иного чиновника и политика, а важна только лояльность (в мыслях тоже) правящей корпорации, то вопиющие расхождения между публичным поведением с одной стороны и непубличным с другой для многих представителей правящей номенклатуры давно уже стали нормой.

Это не значит, что в других странах политики мягче и пушистее, менее циничны. Нет, конечно. Но их внутренняя готовность к тому, что все сказанное и сделанное может стать достоянием общественности, от которой зависит, как ни противно, судьба того или иного политического клана на выборах, ведет к чуть большей внутренней дисциплине, осторожности и целостности поведения.

Наши чиновники и политики, как показывают подобные истории, все еще не освоились толком, отстали от времени в обращении с новейшими средствами и платформами распространения информации. Которые лишь кажутся анонимными, а на деле, в эпоху тотальной открытости всего и вся, являются публичными и требуют, соответственно, развитой культуры именно публичного поведения не только от тех, кто на думской трибуне или в телевизоре, но от всех представителей политической элиты. Которой, как мы видим (благодаря их ошибочному восприятию тех же смартфонов и электронной переписки как навечно секретных), на сегодня пока нет.

Кроме того, нынешняя история с «Анонимным интернационалом» и «якобы работниками» АП, если это правда, свидетельствует, что вопреки всем страшилкам имени того же Сноудена в руководящих кругах не внедрены на практике такие регламенты обращения с электронными гаджетами и письмами, которые предотвращали бы подобные казусы. И я вовсе не об очередных тупых запретах, к которым тотчас потянется властная рука.

А о том, что прежде всего надо сократить расстояния между точками пресловутого «треугольника троемыслия», когда говорится одно, пишется другое, а думается третье.

Схожие в чем-то неприятности происходят сейчас у бывшего госсекретаря США Хиллари Клинтон. Которые могут даже

помешать ей стать наследницей Обамы. Скандал разразился в связи с тем, что она использовала, как полагают, личный аккаунт электронной почты для переписки по делам своего ведомства. Кроме того – о, ужас! – использовала свой айпад и «Блэкбери» для служебной переписки.

Согласно Закону о свободе информации, госдепартамент вынужден был частично предоставить еще в 2013 году переписку Клинтон за четыре года пребывания в должности. Письма касаются атак беспилотников и некоторых разведывательных программ, анализа встреч сенатора Маккейна с египетскими политиками в 2011 году и много чего еще. Они были отправлены с сервера в городке Чаппауа (штат Нью-Йорк), то есть из дома Клинтонов, что не вполне согласуется с правилами переписки для федеральных служащих, которые вообще-то должны пользоваться в служебных целях серверами своего ведомства.

Стирать рабочую переписку запрещено, она должна сдаваться, архивироваться и храниться в государственных электронных архивах.

По Закону о хранении федеральных данных, должна сохраняться вся электронная (бумажная, разумеется, тоже) переписка министерств и ведомств, касающаяся их «организации, функций, политики, решений, процедур и всех существенных транзакций».

Недавно администрация Обамы издала специальный и однозначный запрет на ведение официальной переписки через личные аккаунты электронной почты. До того строгого запрета не было, что отчасти оправдывает Клинтон, но было обязательство непременно дублировать с личных аккаунтов на государственный всю деловую переписку.

Когда в 2009 году Клинтон стала госсекретарем, айпад еще не был выпущен корпорацией Apple (это произойдет в 2010 году), и она должна была разделить свои частный и официальный аккаунты на электронной почте и «Блэкбери». По правилам она могла иметь два мобильных телефона, но их использование должно было быть разделено: один только для работы, другой только для личных целей. Теперь ее обвиняют в том, что за все время работы госсекретарем она так и не завела государственный аккаунт электронной почты и всю переписку вела с частного, хотя, по ее утверждению, всякий раз копировала официальное письмо на правительственный сервер.

То есть она, судя по всему, «путала частный мех с государственным».

За время работы Хиллари было отправлено около 60 тысяч электронных сообщений. Все касающиеся ее должностных обязанностей, как и положено, по ее утверждению, были сохранены. Когда возник шум по этому поводу, все они были переданы в Госдепартамент, где частные и официальные сообщения были отсеяны друг от друга. Клинтон утверждает, что стерла 31 830 сообщений (как говорил Остап Бендер, «все ходы записаны»), поскольку они касались ее частных дел – занятий йогой, похорон матери, свадьбы дочери Челси и т. д. Республиканцы же обвиняют ее в том, что стерла она и ту переписку, которая касается ее самого неприглядного эпизода в должности госсекретаря – убийства ливийскими «повстанцами» (которых поддерживали США) американского посла, находившегося в тот момент в Бенгази. По сравнению с чем «травля телеканала «Дождь» клемлеботами» – сушие шалости.

Вся эта «канитель» и буквоедство нам кажутся совершенно непонятными. Для многих «драконовские правила» Америки и вовсе предстают чистым тоталитаризмом, когда все дела уже давно вершит Большой Брат.

Мне тоже кажется, что такие ощущения недалеки от истины.

С другой стороны, следует исходить из того, что средства электронной коммуникации с нами уже навсегда. И они будут только совершенствоваться. Мир, катясь по наклонной к «полному тоталитаризму», где умельцы анализировать big data видят каждый ваш чих, каждое телодвижение, порыв самовыражения и даже «мыслепреступление», становится не просто плоским, как писал в одноименной, хотя и довольно примитивной книге «Плоский мир» обозреватель New York Times Фридман, но и вообще открытым как на ладони.

И в таком мире все же лучше иметь некие прописанные и публичные правила обращения с официальной информацией, включая чиновничью переписку, чем не иметь никаких.

В том числе должны быть предусмотрены условия, при которых такая переписка обнародуется, становясь достоянием общественности. Сама эта угроза должна стать мотивом к соблюдению чиновниками и политиками хотя бы каких-то приличий и мер чистоплотности. В том числе в своем «непубличном поведении» (пространства для которого на практике становится исчезающе мало).

Чтобы, когда такая переписка «нечаянно» всплывала (а такое представляется при растущих технологических возможностях не только спецслужб, но и политических конкурентов неизбежным), публику не охватывала оторопь от осознания того, как именно готовятся на политической кухне наиболее острые «национальные блюда».

2015 г.

Насколько холодной может быть война России с Западом

До чего может дойти противостояние России с Западом? Есть ли такой рубеж, на котором обе стороны остановятся, чтобы начать с чистого листа? В том, что такое противостояние идет по нарастающей, мало сомнений. «Холодная война-2» если уже не началась, то где-то за углом. Ответов на поставленные вопросы, кажется, нет ни на Западе, ни в Кремле. Как пойдет. Куда кривая вывезет. Никто не задумывается, каким будет мир, скажем, к середине 20-х годов, и не строит каждодневную политику в соответствии с долгосрочной стратегией. Однако объективно есть определенные границы, за которыми такое противостояние приобретет опасные черты.

Взять ту же Украину. Мне кажется, чиновники Евросоюза сильно недооценивают решимость Кремля и лично российского президента противодействовать так называемой евроинтеграции. Разговоры с обеих сторон по поводу того, что это, мол, суверенный выбор украинского народа, не должны вводить в заблуждение. Еврочиновники сколь угодно могут возмущаться «шантажом» Путиным бедного Януковича, но когда сами они, а также представитель Госдепартамента США Виктория Нуланд появляются на Майдане, весело общаясь с митингующими (а Нуланд также раздает еще и пирожки ОМОНу), то для правящей номенклатуры в Москве это лишь очередное подтверждение того, что «все это проплачено», а также «направлено против России».

Российский правящий класс исходит из того, что ничего в мире не происходит просто так, а по большей части направлено против нас.

Была бы нужна «евроинтеграция» Украины, не будь к востоку от нее такого соседа, какой имеется, да еще во главе с таким президентом? Кто возьмет на себя смелость ответить на этот вопрос отрицательно?

Между тем вслед за «евроинтеграцией», согласно господствующим в Кремле представлениям (даже не господствующим – иных там просто нет), замаячит НАТО. С танками и ракетами под Белгородом и Курском, а также элементами глобальной противоракетной обороны. В уверения насчет ее «ненаправленности» против России в Кремле не верит даже последняя секретарша.

«Потеря Украины» – а именно так воспринимается ее «бегство» на Запад, что в виде ассоциации с ЕС, что в любой иной форме, – воспринимается правящим в России классом как экзистенциальная угроза для страны. Именно так, не меньше. То есть такая угроза, каковой нужно противостоять всеми доступными средствами. Если все иные исчерпаны, в самом крайнем случае, то и военными.

Русский правящий класс вообще привык оценивать окружающий мир в системе координат угроз – больших и малых, – а не возможностей.

Можно это объяснять всякими постимперскими комплексами, и такие рассуждения будут очень хороши для всевозможных семинаров, проводимых в уютных бизнес-центрах пятизвездных отелей. Но в свое время, когда расширение НАТО на восток за счет, в частности, Грузии и той же Украины было воспринято Кремлем как именно недопустимая угроза, мало кто на Западе всерьез ожидал, что Москва с такой легкостью вступит в военные действия. Более того, она была готова на марш-бросок на Тбилиси. При том что отношения между Россией и Западом в 2008 году были лучше, чем сейчас. И в Москве сидел какой-никакой, но все же другой президент.

Отдают ли себе отчет в этом евробюрократы в Брюсселе, когда говорят, что им не о чем говорить с Москвой об Украине в трехстороннем формате, потому что эра колониализма прошла, а признавать «особую зону интересов Москвы» они не желают? Слова, конечно, правильные и вполне сгодятся для той счастливой поры, когда, согласно заветам Михаила Горбачева, на всей земле настанет эра нового политического мышления. Но эра эта не настала даже в отдаленном приближении. И разве сами еврокомиссары не рассматривают (хотя не признаются в этом) «украинский гамбит» как часть большой игры именно против Москвы? К которой, конечно, не сводится вся украинская политика Брюсселя, но каковой аспект там все же присутствует, прежде всего благодаря восточноевропейским бывшим нашим братьям по Варшавскому договору.

Путин, конечно, далеко не самый любимый Западом политик, как и возглавляемый им режим не является воплощением тех ценностей, на которых покоится евроатлантическая цивилизация. Тем более что российский президент неустанно в последнее время говорит (в отличие от начала 2000-х), что у нас, мол, ценности свои – и совсем даже другие, а ваших нам не надобно вовсе.

Забавно, кстати, как нынешние обличения «бесполой толерантности» аукаются с обличениями «безродного космополитизма» в начале 1950-х.

Значит ли это, что нынешнюю путинскую Россию надо целенаправленно троллить, выдавливая в то пространство, где обитают всяческие «государства-изгои»? Во всяком случае, об этом думают многие в российском правящем классе. Будучи уже болезненно готовыми находить тому подтверждение и в том, что этому объективно хоть как-то может соответствовать, и в том, что этому может соответствовать лишь в больном, параноидальном воображении. Для многих есть ответ на этот вопрос: это нынешняя Россия сама себя туда выдавливает. Однако когда вполне официальные чиновники того же ЕС призывают, скажем, к бойкоту Олимпиады в Сочи, так и хочется спросить: а что, Москва опять ввела войска в Афганистан?

Да, по части борьбы с общепринятыми в мире правилами поведения (в экономике, в области права, в гуманитарной области)

силами нынешней правящей бюрократии мы сами, что называется, куем свое счастье образца полувековой давности, а по иным параметрам так и вовсе беря за пример наше родное Средневековье. Но в данном случае вопрос не об этом. Вопрос в том, что будет, когда Россия наконец на радость ее ненавистникам на Западе и благодаря неустанным усилиям отечественных клептократических мракобесов там окажется. С ней, маргинализированной, загнанной в угол, и будет идеал нового мироустройства?

К тому же, как наглядно демонстрируется, быть государством-изгоем не такая уж ужасная участь. Вот, к примеру, Иран. Грозится уничтожить Израиль, по-прежнему признает США исчадием ада на земле и вообще строгаёт потихонечку ядерную бомбу. Понятное дело, в ответ санкции. Но \$69 млрд от нефтеэкспорта страна все-таки зарабатывает.

И это все же не война, потому как есть понятие недопустимого ущерба и порог этого ущерба для погрязшей в «бесполой толерантности» и потребительской неге западной цивилизации все ниже. Куда как ниже, чем в 1947 году, в пору Берлинского кризиса. Ниже, чем в 1962-м в пору кризиса Карибского. Мол, Путин – злой и ужасный, посадил Pussy Riot, не любит геев (поручик Ржевский, молчать про то, кто у нас в «гусовке» кто и в каком количестве!), с ним все понятно. Но на контрасте можно оценить, происходят какие-то непонятные восторги по поводу нового иранского президента Рухани. Ах, он улыбнулся. Ах, он созвонился с Обамой и не повторяет каждый день, что Холокоста не было, в отличие от Ахмадинежада. Ах, он готов обсуждать ядерную программу. Под ни к чему не обязывающие улыбки, обнимания госсекретаря Керри с имеющим блестящее западное образование и манеры главой МИД Ирана, под наивные надежды на «новое мышление» у персидских «изгоев» за Тегераном в Женеве, на минуточку, признано право, если кто не заметил, на собственную ядерную программу.

Получается, чем «хуже себя ведешь», тем радостнее с тобой договариваются, едва только начнешь намекать, что встанешь на путь исправления. Как-нибудь и потом.

С северокорейским «плохишом-параноиком» вообще носятся как с писаной торбой. Пакистан может делать все, что угодно, лишь бы держали от талибов подальше ядерное оружие. Индия, эта восхитительная молодая растущая демократия, вольна в уголовном порядке запретить гомосексуализм (на днях Верховный суд так и сделал) – это даже не станет хедлайном новостей. Плохая, одна, в мировом контексте мотивация получается.

Президент Путин, конечно, еще не знает, как далеко он готов зайти в противостоянии с Западом. Но логика его действий показывает, что он, будучи глубоко разочарованным в этом Западе (относительно того, как он представлял сотрудничество с ним, скажем, году этак в 2001-м, в начале сентября), познав на себе всю прелесть лицемерных двойных стандартов, к этому противостоянию готовится. Длительному и нарастающему.

Отсюда политика «суверенизации» элиты. Мы через некоторое время сможем обнаружить, что в нынешнем году мы были лишь в начале этого пути, нюхая цветочки. Подадут и ягодки. «Суверенизация», она же «православный талибан», затронет не только элиту, но и широкие народные массы. И будет проявляться во все большем числе сфер жизни – политической и экономической, просто бытовой. Все сильнее с каждым годом будет чувствовать на себе обыватель давление новых «духовных скреп»: милоновщина окончательно станет мейнстримом.

Отсюда же пристальное внимание к перевооружению армии. Никто не перевооружает армию лишь ради создания рабочих мест и новых технологий. Ее всегда готовят к войне.

Даже про иностранные инвестиции в путинском послании-2013 не сказано ни слова. Наоборот, сказано про возврат капиталов в страну. Все большее число компонентов политики опоры на собственные силы налицо. Все выше контрпропагандистские редуты, выстраиваемые на западном фронте. Они пройдут в виде Firewall и через весь русский Интернет.

Многие ответственные за проведение политики в отношении России (и Украины, и вообще постсоветского пространства) исходят из того, что Россия слаба, что многие ее экономические интересы, интересы ее правящей бюрократии находятся в странах «потенциального соперника». И именно поэтому в определенный момент Кремль дрогнет, проглотит свое очередное поражение, утрется в унижении и смирится с новой ролью, отползая все дальше от Европы и «европейскости» на восток. В буквальном и переносном смысле – «отползая». Аргументами в пользу таких суждений служат рациональные экономические выкладки и расчеты, сопоставление технологических возможностей. Но что если рационализм в данном случае окажется неверным подсказчиком и эти люди ошибаются?

2013 г.

Русский маккартизм. О времени охотников на ведьм

В списке сенатора Джозефа Маккарти было 205 человек. В феврале 1950 года он объявил их членами компартии, замеченными в антиамериканской деятельности. Не все из них были коммунистами. Там еще были алкоголики, гомосексуалисты и просто те, кто «не как все». Но для нагнетания общенациональной истерии комиссия Маккарти сгреблась, у него нашлась масса последователей на местах. Лишь когда он решил изучить, как обстоят дела с благонадежностью в армии, президент Эйзенхауэр понял, что с заигравшимся сенатором пора кончать. Его отправили в политическое небытие, где он скончался от цирроза печени, ибо поддержание экзальтированного патриотизма обычно требует обильных возлияний.

Наверняка и у нас процесс сползания в противостояние с Западом породит своих «сенаторов Маккарти».

Они могут воспринять прозвучавшую сверху констатацию наличия у нас «пятой колонны» как команду «фас». Пока, правда, в рядах «пятой колонны» с личным составом негусто, к тому же не вполне ясно, в каких единицах измерять «национал-предательство». В «шендеровичах» или в «навалых». И как карать? Изгнанием с работы (особенно если она преподавательская или госслужба), запретом на выступления (если артист) или на постановку пьес или сразу отправкой за 101-й километр? Тут многое не устоялось. Но от желающих внести свирепые коррективы за своим авторством в поведение расслабившегося в неге потребительства обывателя и в Думе, и в Совфед уже отбоя нет. Лезут, нетерпеливо тянут руку с места, как выслуживающиеся перед учителем школьники: а я, а я, дайте мне сказать, я вон что придумал (еще вчера это казалось полным бредом, а сегодня вполне себе законодательная инициатива).

В тесте на благонадежность непременно должно присутствовать именно что заполошное антизападничество. Приверженцы «взвешенной позиции» становятся априори подозрительными типами. В любви к официозу и непоколебимому в безошибочности курсу нужно признаваться громко, четко, с горящим взглядом. Не боясь показаться ополоумевшим мракобесом. Важно не содержание – оно может быть любой степени бредовости. Важно тшание.

На недавней встрече президента с сенаторами прозвучала богатая в этом плане мысль: выявить носителей двойного гражданства, а для укрывающих ввести уголовную ответственность.

Объективно говоря, в самой идее выявлять двойных граждан нет ничего дурного. Любая страна не прочь знать, кто есть who. Однако ретивость в изобретении наказания, проявленная одним из сенаторов, известным в том числе немалыми богатствами и забулаторной недвижимостью, кажется, несколько смутила самого президента. Путин, лишний раз подтверждая тезис об «императоре как самом большом европейце в России», призвал не горячиться, повторив при этом все нужные слова о недопустимости ущемления прав и свобод граждан.

Однако поскольку за ущемление прав граждан у нас, как известно, карают куда мягче (а чаще всего лишь журят), чем за проявление либерализма и политической мягкотелости, то усердие по поиску врагов и национал-предателей будет усиливаться теперь на разных уровнях власти и в разных сферах жизни.

Все это мы уже проходили. Миллионы доносов на соседей в 1930-х. Увлеченную борьбу с космополитизмом в 1950-х. Задорное комсомольское стукачество в 1970-х... Файл доношительства зашит глубоко в подюрке, и теперь, словно по команде «фазархивировать», он совершит новое перевоплощение, выполняя уловленную сверху команду». ехе».

Вышеупомянутый сенатор зря старается бежать впереди разгоняющегося паровоза. Его же и задавят в числе первых. Владение зарубежной недвижимостью пока действительно не запрещено законом (только счета), но одному сибирскому губернатору уже намекнули со Старой площади: ты, дружок, не мотался бы все время в Ниццу, а построил бы себе скромный дачный домик на Енисее да там бы и отдыхал. Так что честно задекларированная швейцарская сенаторская «халупка» вскорости может стать признаком уже его неблагонадежности. Таким, как он, придется откупаться показательными, даже если и убыточными, инвестициями в крымскую экономику. На первых порах поможет. Потом уже и это не спасет, потому как подрастут молодые и голодные патриоты, которым придется уступить место. И хорошо, если без посредничества следователей.

В этой паранойе, над которой во всех деталях уже никакой Путин не властен, можно далеко зайти. Уже начинают, говорят, на собеседовании при приеме на работу в места повышенной идеологической опасности спрашивать об отношении насчет присоединения Крыма. Вопросы о втором гражданстве пока лишь по чистому недоразумению отсутствуют во всех анкетах. По аналогии с ранее там неизменно пребывавшими пунктами «Были ли вы или ваши родственники на оккупированной территории во время войны?» и «Имеются ли родственники за границей?».

Руки-то помнят, как говорится!

Ну а далее – везде. Пересадка чиновников на отечественные авто (благо пока еще тут собирают некоторые иномарки, они считаются отечественными) и на работу с отечественным же только софтом. Квотирование показа иностранных фильмов – пока 50 %, а там как пойдет. В рамках проявления рвения о нравственности, надо полагать, руководители телеканалов и сами сориентируются и начнут крутить скоро уже только одну отечественную нескончаемую мыльную оперу. По крайней мере, два из трех ведущих федеральных каналов, по моему наблюдению, уже практически полностью исключили из сетки голливудский ширпотреб.

Уже понятно направление закручивания гаек в Интернете, как и в сфере общественных дискуссий и акций. Любая публичная акция будет проверяться на соответствие текущему моменту: не маячит ли за требованием остановить, например, экологически

вредное производство в какой-нибудь Тмутаракани мрачная тень госпожи Виктории Нуланд с печеньками. Не подрывает ли в угоду агрессивному блоку НАТО критика проворовавшихся губернатора Пупкина или начальника ДЭЗа Мупкина стратегическую безопасность страны.

Знание иностранных языков, как и всякие размышления в духе «с одной стороны, с другой стороны» (мол, вопрос неоднозначный), начнут считаться подозрительным умничанием. За постановку не того и не там «лайка» в соцсетях, равно как и за список «неправильных френдов», может сначала последовать выговор начальника, а потом и увольнение. Контакты с иностранцами, особенно по научной линии, потребуют для начала неопременного отчета перед Первым отделом, а потом предварительного разрешения. Отдых за границей (может, уже и скоро) станет подозрительным поступком. Вопрос «Что это вы, Михал Иванович, разъездили по Европам?» – поначалу зазвучит шутливо, а потом с металлом в голосе. Если сегодня сотрудникам спецслужб не разрешено ездить на отдых (то есть не в командировку) даже в Турцию и Египет, то почему всем остальным еще можно? Это недоработка. Такая же, как и наличие у граждан валютных счетов. Зачем вам долларовый счет, гражданин? Вы тем самым поддерживаете Америку. Заодно забудьте и об иностранном образовании. Только на стажировку от «лесной школы КГБ».

Обстановка ура-патриотического угара – звездный час для бездарей и профессиональных посредственностей. Некомпетентность можно с лихвой компенсировать громкими воплями по поводу собственной правильной позиции в борьбе со всемирным американским антирусским заговором. И под это делать карьеру, получать финансирование и должности.

Впрочем, даже самые сильные исторические драмы всегда повторяются в виде фарса. Вернуться в 1937 год и даже в 1953-й не удастся, как бы то кому ни грезилось.

Время людей типа Лидии Тимашук (закоперщица известного дела врачей) ушло. И не только потому, что «буржуазные спецы» сейчас нужны дальше больше, чем в первые годы советской власти. И не только потому, что для всякой вопиющей, прикрывающейся квасным патриотизмом профессиональной безграмотности в наше время куда большая цена расплаты.

А еще и потому, что для полного возвращения в дремучий тоталитаризм не хватает одной, может, кому-то кажущейся несущественной, но важной составляющей. Идеологии. Которая не сводится к идее вернуть Крым, при том что это воспринимается подавляющим большинством как восстановление исторической справедливости (согласен в этом с подавляющим большинством, но при этом надо отдельно здраво обсуждать и цену такого решения и думать, как трезво, а не истерично ответить на этот вызов, не превращаясь в русский «Талибан» и не тратя время и силы на охоту на ведьм), или сделать козью морду Америке.

Тот же маккартизм преследовал «антиамериканскую деятельность» – в противовес американской, базировавшейся на определенных нравственных ценностях и общенациональной мечте. Нынешнее руководство России, мне кажется, не даст разгуляться русскому маккартизму до тех пор, пока не увидит за ним такую большую идею, которая оправдала бы масштабную борьбу с инакомыслием и которую оно смогло бы само оседлать. Одного антиамериканизма мало. Назло нельзя ничего построить. Можно только ломать и портить. Начать натравливать одни категории населения на другие (бедных на богатых, гопоту на номенклатуру) – это все равно что поджигать фитиль на бочке с порохом, на которой сидишь.

Братский соседний народ показал, к чему ведет ничем не обузданная постсоветская народная креативная сила – к Майдану и махновщине на улицах. И поэтому президенту Путину на самом деле не нужны раздухарившиеся русские сенаторы Маккарти, намеревающиеся составлять списки национал-предателей. Не говоря уже о том, что стране в целом не нужен такой правящий класс, который способен лишь придумывать законодательные глупости и призывать к охоте на ведьм, вместо того чтобы развивать страну, отвечая на внешние и внутренние вызовы.

Не надо стараться быть правее папы Римского. Папа этого не позволит. Путин не отдаст никому и намека на инициативу в столь деликатном вопросе: кого надо, он сам внесет в список, кого надо, сам же и вынесет. И чем больше будет перед ним высказывать суетливых услужников, изображающих из себя правящий класс, тем презрительнее будет взгляд, которым он их удостоит.

2014 г.

Железный занавес в головах

Украинский кризис далек от разрешения. Возможно, и от своего пика. Его проявления подчас столь дики, что, кажется, назавтра этот дурной сон кончится и все пойдет как раньше.

Увы, как раньше уже не будет.

Отношения с Западом постсоветского формата рухнули. Эти отношения, на мой взгляд, невосстановимы, пока не сменится поколение правящих политиков там и у нас. Мы отшатнулись друг от друга. В ужасе, от обиды, в раздражении. Какая теперь разница? Общение все больше сводится к информационной войне. И санкциям.

Сколь болезненной может стать изоляция России?

Она не сведется к спискам отдельных лиц и компаний. Это всего лишь послание: «Мы вас хотим превратить в изгоев». Сигнал в той или иной степени подхватят политические и бизнес-элиты, творческие и научные сообщества, он проявится и на низовом уровне. Не то чтобы это конец света, просто надо быть готовыми. Косвенные и необъявленные последствия, проявляющиеся неожиданно, могут быть масштабными, они трудно поддаются учету и приспособлению.

Сегодня пытаются просчитать, во что обойдется, скажем, переориентация (которая в полном объеме все равно невозможна) торговли энергоносителями с Европы на восток, финансовая удавка дяди Сэма на российской банковской системе, ограничение возможностей кредитования компаний, перекрытие доступа к новым технологиям, сокращение и удорожание импорта, от производственного (который относительно невелик, но важен) до бытового-потребительского (который в разы больше производственного) и продовольственного. Причем даже самые большие алармисты-пессимисты, рассуждая о максимально возможных в наше взаимозависимое время санкциях, признают, что страну они ни в одночасье, ни в более длительной перспективе не убоют.

Просто это станет переходом в некое новое состояние.

Механическое перенесение условий советского времени на нынешнее невозможно, хотя советские образы, ценности и модели доминируют в мировоззрении ныне правящих творцов новой реальности. Эти люди не будут реставрировать «совоку», но будут поступать в соответствии с советскими представлениями о прекрасном. Как на Западе многие политики, словно старая боевая лошадь, почуяли в новом противостоянии с Москвой привычный бой барабанов (не надо больше притворяться, что веришь, что русские – это, как все, «общеевропейцы»), так и у нас повылезали из всех углов политруки недовоеванной «холодной войны». Такое состояние привычно. Как привычен по большому счету и сам изоляционизм.

Обрушат ли Visa и MasterCard карточные платежи? Из всех держателей пластика в России подавляющее большинство это обладатели зарплатных карт, из них более 80 % используют их лишь для снятия денег из банкомата. Так, в четвертом квартале 2013 года при общем числе карт на руках около 216 млн с их помощью было снято из банкоматов 5,8 трлн руб. (843 млн операций), а для оплаты покупок и услуг использовано 1, 5 трлн (1,27 трлн операций).

Из 15–17 % имеющих загранпаспорт более трех четвертей ездят в Турцию, Египет, Таиланд и пр. Хотя с Европой у россиян в год около 50 млн пересечений границы на выезд, это в основном одни и те же люди – не более 3–5 % населения. Около 80 % вообще не выезжало никогда за пределы СНГ. Если в ЕС у кого-то и были мысли насчет пользы безвизового режима с Россией в том смысле, что это может поменять ментальность на более дружелюбную по отношению к Европе (хотя ход переговоров Брюсселя на эту тему «до Крыма» не дает такой уверенности), то теперь этого не случится. «Их опыт» теперь станет еще более «нам не указ».

Кто-то возразит: вон и в Америке подавляющее большинство никуда из страны не выезжает. Добавлю: там даже в конгрессе полно людей, не имеющих паспорта для загранпоездки. Ну так и результат налицо: внешняя политика США характерна нежеланием влезать в тонкости глубокого мира туземцев по всему миру. Вот и на той же Украине.

Эпоха нового изоляционизма будет отличной от советской и тем, что тогда было соревнование двух систем. Мы же ошестинились лозунгом «Россия – не Европа!». Но на одном отрицании систему ценностей не построишь. Краткосрочное узнавание Запада, который иным казался филиалом рая, действительно привело к разочарованию даже многих тех, кто там побывал и узнал, как это работает. Сложно. По некомфортным нам законам. И жизнь там сложна, под нее не всякий подстроится. Чего туда, собственно, ездить? Напрягаться, беря в голову их условности. Говорить на иностранном языке (такowymi у нас владеют на уровне связной речи не более 3–5 % населения).

Как говорится, путешествия делают умного умнее, а невежду глупее и невежественнее.

Вот запретили выезд за границу силовикам. По вздорному предлогу (мол, выдадут треклятой Америке, как будто все они чем-то ей насолили). Вместе с семьями это не менее 5 млн человек. Кто-то квакнул?

Русский человек никогда не был гражданином мира. Вращенная со времен Петра проевропейская тонкая прослойка была смыта кровью революции. Начавшаяся было в конце XIX – начале XX века интеграция в европейское общество широких разночинных слоев была оборвана. Малоизвестно, к примеру, что число русских граждан, учившихся на разных инженерных, педагогических и прочих прикладных, а также гуманитарных специальностях в начале XX века в ведущих университетах Европы, порой

достигало 40 % (как в Бельгии, например) студентов. Российская империя той поры была на пороге окончательного и бесповоротного разрыва со своим казавшимся вечным статусом задворков Европы, разрыва с вековым провинциализмом. Большевики попытались тоже это сделать по-своему. Но с мировой революцией не срослось, а послевоенная мировая соцсистема сочеталась с изоляцией населения СССР от внешнего мира.

Те, кто пугает «железным занавесом», не тем путают. Он уже давно построен. В головах. Он прочнее и выше, чем любая Берлинская стена.

Сегодня любую информацию можно найти. Но желания искать, сопоставлять и самостоятельно анализировать нет. К тому же власти предпринимают стремительные усилия по строительству общенационального файервола, ставя цель по максимуму изолировать рунет от «тлетворного влияния». Не знаю, сколь верны алармистские прогнозы насчет закрытия фейсбуков, твиттеров и гуглов уже в этом году. Формально законодательство это позволяет. И опять никто или почти никто не квакнет.

Хотя меры эти на самом деле чрезмерны. Нынешнее антизападничество и антиамериканизм, равно как и почти единодушная поддержка возвращения Крыма, возникли именно в самой свободной за всю историю России информсреде, где при желании можно найти альтернативу официозу. Выстраивая же файервол, власть создаст как минимум эффект запретного плода. И ввяжется в технологическую гонку, которую все равно в итоге проиграет.

Предлагаемая информсреда для подавляющего патерналистского большинства комфортна. Как комфортен нарастающий общий провинциализм общественной жизни. Так спокойнее.

Некомфортно – иное мнение, нарушающее сложившуюся, упрощенную, провинциальную картину мира. И потому оно воспринимается все более враждебно. Тяга к самоизоляции, окулированию становится естественной. Не пощупав технологические вызовы, которые делают нас отставшими навсегда, не окунаясь хотя бы на время в повседневность, построенную на иных принципах отношений власти и населения, самоизоляционисты спасительно избегают искушений и комплексов неполноценности. Эта реакция инфантильна, но она работает.

Выездные визы, как в Туркмении, и не нужны. Отрезание от мировой финансовой системы, ужесточение валютных правил (ухудшение экономической ситуации сделает это неизбежным), комплекс административных рычагов (не только к силовикам, но и к студентам, призывникам, ученым, работникам госпредприятий и т. д.), воздействие пропаганды насчет враждебного окружения, куда лучше не соваться, внутренний ментальный «железный занавес» всемирного провинциала – все это сделает изоляцию гораздо более глубокой по сути, хотя внешне и не такой жесткой, как в советское время.

К тому же отток тех, кого тут что-то не устраивает, – это предохранительный клапан. Пусть лучше велят, чем тут мутить.

Но побег из системы станет все более затруднительным в силу растущего образовательного, технологического, информационного, культурного отрыва. Все это, прежде всего деградация образования (его провинциализация), утрата технологических компетенций, делает не только страну, но и ее граждан неконкурентоспособными в мире. И невостребованными. Конечно, это пока сильное преувеличение, но представьте себе евроинтеграцию северокареяца.

Советская система тратила колоссальные средства, чтобы оградить людей от «тлетворного влияния». Глушили «голоса», запрещали и резали фильмы, книги и журналы запирали в спецхранах. Апологеты «шарашек» горды: зато удалось создать ядерную бомбу и запустить спутник. Но умалчивают, что на тот момент еще не прервалась научная преемственность с имперской Россией: во многом все эти открытия и ученые выросли на фундаменте старой школы, их всех учили старые учителя.

И вот иной пример. Когда рухнул СССР, новую экономику стали строить те, кто до этого издавал журналы типа «Проблемы мира и социализма» и «Коммунист». Эти люди были выключены из мировой системы экономических и общественных знаний.

Наши идейные метания и дискуссии о путях строительства новой жизни были, как сейчас ясно, детскими диспутами невежд. Отсюда – колоссальное число ошибок.

В силу некомпетентности как продукта изоляции советской системы. Ее зашоренности, догматизма, косности, господства менталитета несвободы – «как-бы-чего-не-вышло».

Итог новой изоляции будет таким же. Система, ограниченная в общении с внешним миром, упивающаяся своим неизменно уникальным провинциализмом, лишенная конкуренции идей, информации, выключенная из технологического и научного обменов, из потоков знаний о новых формах общественного взаимодействия, обречена. Но до последнего момента подавляющее большинство ее обитателей будут пребывать в счастливом (именно!) неведении о том, что на самом деле происходит и к чему идет. Сколько мы готовы заплатить за такое счастье? В сущности, это ведь недорого.

2014 г.

Можно ли прожить на одном антиамериканизме

В выступлении в Сочи Владимир Путин легко и непринужденно дезавуировал тезис «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России», вброшенный одним из его подчиненных. Еще раз показав, что именно президент остается «главным европейцем» вопреки желаниям вельмож втянуть его в азиатчину восточной деспотии.

Лозунг этот, несмотря на его уязвимость для игры слов на тему, чего без кого не будет, не тянет на роль краеугольного камня целостной идеологии. Хотя, разумеется, скорые на перо мыслители тотчас принялись обсасывать его так и сяк, возгоня из фразы глубинный тектонический смысл.

Стоило бы президенту мигнуть, его культ личности сгордили бы в одночасье, не поморщившись, с уверенным долдонистым выражением лиц. Но он не мигает, оставляя без заказа сонм пропагандистов. Он вообще не по этой части. Сложные идеологические конструкции ему неинтересны. Зато формулу цены на газ для Украины он вам легко по памяти разложит на составляющие до цента.

В трехчасовой речи народу и миру, прежде всего миру, предстал прагматик в духе *realpolitik*, неколебимый в своей правоте (что очень важно для политика и является решающей составляющей его популярности и силы) и оттого чувствующий себя смертельно обиженным, даже преданным Западом, прежде всего Америкой с ее лживостью и двойными стандартами.

Мы хотели как лучше, но вы потопили наши добрые помыслы и порывы в потоке лицемерия, лжи, имперского высокомерия и нежелания учитывать ничьи интересы, кроме собственных. К тому же наворотили ошибок по всему миру, от Ливии до Ирака и Украины.

Однако при всей правомерности подобных претензий не уверен, что даже в зале, где собрались члены клуба «Валдай», те, кто в наибольшей степени в западном экспертном сообществе разбирается в загадочных девиациях непознаваемой русской политической души, нашлись люди, полностью согласившиеся с путинскими тезисами.

Российский правящий класс, ориентируясь на президента, окончательно переехал в мир иных смыслов, ценностей и принципов. Дело даже не в том, какой из двух миров – наш или западный – более «правильный», а в том, что они категорически разошлись, не понимают друг друга и не слышат.

И это главный фактор, который будет формировать на неопределенно продолжительное будущее не только внешнеполитическое поведение России, четко выраженное путинской формулой насчет медведя, которому вашингтонский Юпитер не указ, но и внутривнутриполитические расклады.

Жесткой антиамериканской речью президента, которую можно сравнить хоть с Мюнхеном-2007, хоть с Фултоном-1946, расставлены ориентиры. Достаточно ли их будет не только для формирования, скажем, некоего нового, целостного понимания патриотизма, но и для формирования того образа будущего, который наконец наполнит ценностным смыслом общественно-политическую жизнь в стране, ощерившейся по отношению к двуличному и подлому Западу?

Realpolitik, хотя и кажется «нашим западным друзьям и партнерам» реакционной архаикой, вполне может являть собой целостную модель поведения, многочисленные конфронтационные проявления которой мы увидим в ближайшие годы (тут никакой обратимости не предвидится).

Но обычно внешняя политика суть продолжение внутренней. У нас, похоже, наоборот: внутривнутриполитические действия являются реакцией на действия внешнего, ближнего и дальнего, окружения.

Даже «закон Димы Яковлева» в свое время родился не сам по себе, из любви к сироткам, а как реакция на «акт Магнитского».

Жесткий антиамериканизм, как показали последние публичные высказывания ведущих представителей российского политического класса, превратился в дежурную часть политической риторики. Наряду с заклинаниями в адрес «укро-бандерофашистов» он может претендовать на то, чтобы стать тестом на патриотизм. Однако это не может восполнить идеологическую дыру по части формирования позитивного образа будущего.

Смыслом существования страны, претендующей на уважение и величие, не может быть даже самая неустанная работа назло дяде Сэму и уж тем более борьба с какой-то жалкой «киевской хунтой».

В значительной мере ею может быть борьба за интересы Новороссии, за чем угадываются широкие контуры борьбы за интересы Русского мира, но и в этом случае требуется масштабная работа по наполнению соответствующим смыслом внутренней общественной жизни в стране.

Поскольку Русский мир – это прежде всего сама Россия. Ее люди, их благополучие, их права, качество их жизни и справедливость в отношении их, а уже потом – Новороссия. И уж тем более эта Русская Идея не может сводиться лишь к выявлению «иностранных агентов», лиц с двойным гражданством, пятой и шестой колонн.

Речь о том, ни больше ни меньше, чтобы сформулировать посткоммунистическую Русскую Мечту, если уж противопоставлять ее Американской, не впадая при этом в оголтелый и примитивный черносотенный шовинизм (опасность последнего президент вполне понимает).

Когда Сталин изобличал «югославских фашистов» Иосипа Броз Тито, а дорогой Леонид Ильич критиковал американский империализм, выступая с многочисленными миролюбивыми инициативами, адресованными «прогрессивной части человечества» (которую и сейчас пытаются вычлени́ть, тут ничего нового нет), то это было встроено в законченную систему идеологии. Ее неотъемлемой частью являлся и образ будущего (коммунистического счастья, поры всеобщего равенства, братства и любви). В соответствии с ним выстраивали систему общественной этики, модели личностного поведения, ведущие к карьерному росту и общественному успеху.

Сегодняшние попытки заменить самостоятельно формулируемый образ будущего отдельными культурологическими заимствованиями из советской цивилизационной модели лишь оттеняют идейную убогость нынешних идеологических творцов. Все заполонила беспринципная конъюнктурная публицистика, примитивная телепропаганда и распространение дремучих мифов про то, как нас мечтают поработить и поставить на колени, захватив недра, земли, воду и воздух.

Это не образ будущего. Это страшилка, позаимствованная из пыльного прошлого, не несущая никакого конструктивного начала.

Идя вперед с постоянно повернутой назад головой, мы словно заблудились во времени, сорвав резьбу на одной из его спиралей. Мир действительно изменился. И хотя его неотъемлемой частью, увы, являются военные конфликты и соперничества, которые внешне действительно в чем-то похожи и на времена холодной войны, и на времена господства той самой *realpolitik*, появилось множество таких общецивилизационных вызовов, которые во многом выхолащивают из этих противостояний прежний привычный смысл. Все вроде так, да не так. Даже с поправкой на общепризнанные «новые угрозы» в виде терроризма, глобального потепления и всяких лихорадок Эбола.

Меняется само содержание национального суверенитета.

Новейшие информационные технологии вносят революционные и пока еще не вполне осмысленные человечеством изменения как в общественные процессы, во взаимодействие между индивидом и государством, так и в отношения между странами. Взрывное развитие биотехнологий, «синтетической биологии», дающей возможности создавать «из компьютера» новые биологические формы, требует адекватных философских, этических прорывов в осмыслении этих процессов. Возможно, мир стоит на пороге открытий, которые по-новому заставят отнестись и к продолжительности человеческой жизни, и к отношениям между поколениями, и к их роли в разных сферах экономики, и к такому кризису «ячейки общества» в форме традиционной семьи, по сравнению к которым нынешние баталии на тему однополых браков покажутся пустыми препирательствами.

Масштабная автоматизация и компьютеризация производств могут привести к высвобождению из производственного процесса миллионов людей, добавочная стоимость все в большей степени будет производиться без человеческого участия. Людям предстоит задуматься, что им делать с огромным количеством свободного времени, с теми новыми формами общественно полезной (что будет «общественно полезно» через 10–20 лет?) активности, с новыми товарами, услугами, гаджетами (по сути, вокруг них будут возникать невиданные сферы экономики), которые могут появиться уже при жизни нынешнего поколения. Наконец, человечество в ближайшие десятилетия столкнется с таким явлением, как освоение «космического фронта». Какое воздействие окажет это на тех, кто останется на Земле?

Глобализация миграционных процессов уже в обозримом будущем изменит этнический облик целых стран. Трансформация массмедиа не сводится к появлению тоталитарных форм манипуляции общественным сознанием, но радикально меняет отношения личности и государства. Считавшиеся эффективными институты такого взаимодействия и обратной связи с властью (партии, прямые выборы простым большинством) утрачивают эту эффективность на глазах. И осмысление этих процессов не укладывается в простую постановку вопроса, есть демократия или нет и где она «чище», а подводит к более кардинальному вопросу о кризисе демократии в тех формах, какой мы ее знаем с XIX века.

В то же время ускоряющееся развитие самых разных технологий, в том числе военных, создает экзистенциальную угрозу тем странам, которые по тем или иным причинам выпадают из общецивилизационных процессов.

Они не только отстают навсегда, но и превращаются во всемирных изгоев. Причем в отличие от прошлых столетий нет никакой надобности в их непосредственной оккупации, как не станет никакой надобности выявлять правых и виноватых в спорах о праве нации на самоопределение или территориальной целостности. Эта коллизия, возможно, уже в обозримом будущем разрешится на ином, наднациональном уровне.

Однако обсуждение этих вызовов, выработка ответа на них возможна лишь в рамках гораздо более широкого общественного дискурса, чем ограниченный темами противостояния с Западом по лекалам 70-х годов прошлого века. В любом случае он требует выхода на темы, связанные с образом будущего страны, которую мы хотим иметь завтра. Которое хоть и уходит корнями в наше славное прошлое, но вчерашним днем не исчерпывается.

2014 г.

Пограничный сервер

Попыткам защитить наши персональные от поругания басурманами внешнего мира несть числа. То Visa и MasterCard должны перенести их обработку на нашу пропитанную заботой о человеке почву, то теперь PayPal и ChronoPay.

По другой задумке она же забота о неразумных наших гражданах, которые так и норовят подхватить заразу от информационного сквозняка форточки Интернета, всякие вообще персональные данные россиян, включая электронные письма и данные аккаунтов соцсетей, должны храниться на серверах, расположенных в России. С 2016 года. Такой законопроект внесла тройка защитников всяческих человеческих прав, из которых самый известный – Андрей Луговой.

Подуставшая уже от мракобесия думцев прогрессивная общественность (в хорошем смысле, а не в привычном издевательском), в частности интернет-сообщество, уже почти не реагирует на всякий чих. Мол, ясно же, что хотят контролировать всех и вся. Как будто наши персональные данные – это не наша, а государственная собственность.

С контролем понятно. Налицо именно эта тенденция, причем в своем привычном – крепостническом – виде.

Государство в лице своих охранителей относится к нашим персональным данным – «виртуальной личности» – как к крепостным людишкам. Без дозволения барина они не могли ни жениться, ни покинуть деревню.

Отголоски тому – советская система прописки, ныне регистрации. Нынче у «государевых людей», отдельных (пока отдельных) категорий госслужащих стали изымать загранпаспорта, как у советских крестьян, чтоб не сбежали от колхозного счастья.

Однако во всех этих случаях налицо еще и полное непонимание реалий современного информационного мира, невежество по части восприятия тенденций развития информтехнологий. Эти люди просто не знают, что происходит на передовых рубежах, все эти новшества для них что «железная птица» (самолет) для оставшихся в каменном веке обитателей амазонских джунглей. В желании отгородиться от всего нового лишь потому, что оно иноземного происхождения, они в менталитете своем недалеко ушли от этих туземцев.

Традиции запретов технологий свободного распространения информации, характерные для всякого закрытого, а то и упивающегося своей архаикой (о, эти наши вековые традиции, ах, этот наш особый путь!) общества, были всегда присущи советскому режиму. При нем сначала печатавали и строго учитывали печатные машинки, потом принтеры, потом копиры считали опаснее бомбы террориста, потом изобличали «шпионов» с приборами GPS, а на мобильники заставляли получать разрешение в ФСБ.

Если бы заря Интернета пришлась на времена СССР, его бы непременно запретили. Не успели и теперь наверстывают столь сильно запущенное.

А что, собственно, такое эти наши «персональные данные», которые надо хранить где-то в одном большом железном секретном шкафу, опечатанном бумажкой с сургучной печатью близ кремлевской стены? Интернет наднационален по природе, как бы это ни было противно нашим ортодоксам, и дальше будет все более масштабно наднационален.

Хотелось бы, к примеру, узнать мысли всяких луговых по поводу облачных технологий на предмет их контроля и суверенизации. Наверняка они думают, что эти облака клубятся на заднем дворе ЦРУ и Госдепа. Или готовы ли эти люди – и как – сражаться за примитивно понимаемый ими «суверенитет», скажем, в контексте того, что называется Интернетом вещей (Internet of Things)? Это, проще говоря, когда во всемирную сеть выходят без всякого человеческого участия холодильники, автомобили, медицинские приборы и оборудование, в том числе персональные, не говоря уже о прочих коммуникационных в своей основе гаджетах.

Еще проще пример. Подписался я тут по приколу на еженедельный журнал Time. Слава «Почте России», он даже приходит иногда – примерно половина номеров, иногда по два-три. Подписывался на его же сайте. Теперь его тоже перенести в Россию или заблокировать? Или взять iTunes, которым наверняка тайно пользуется премьер Медведев. Тоже сюда переехать? Или вот Google намерен запустить приложение Google Fit. Это своего рода персональная поликлиника, оно будет собирать ваши данные насчет болезней, физической активности и предлагать, соответственно, всякие медицинские или околomedicalные продукты и советы.

Аналогичный продукт уже разработан «сектой Стива Джобса», называется Apple HealthKit. Вообще в одном только Google уже несколько десятков приложений, которые все, по сути, основаны на сборе ваших персональных данных, предпочтений и привычек.

Современный человек, сам того не подозревая подчас, ежеминутно рассеивает вокруг себя – и о себе – огромное количество осколков всевозможной информации. Уже нынешние технологии позволяют собирать эти осколки в индивидуальный портрет, включая множество параметров, никак не описанных в традиционных законах о персональных данных. Если бы нам всякий раз, когда речь идет о доступе к ним, приходилось нажимать квадратик с надписью «Я согласен», мы бы делали это сотни раз в день.

Все в большей степени сбор этих самых данных или их осколков происходит пассивно, безотчетно для людей.

Сотовые телефоны постоянно выдают вовне данные вашего месторасположения. Камеры слежения сканируют номера

автомобилей и лица уличных прохожих. Ритейлерам уже технологически доступны возможности по идентификации покупателей по лицам и, соответственно, выявление покупательских предпочтений и возможностей конкретного человека на основе анализа его поведения в соцсетях, его истории покупок и т. д. Покупателю можно прислать на мобильник персональную скидку в тот момент, когда он проходит мимо полки с конкретным товаром. Уже сейчас таргетированная реклама приходит к вам на компьютерный монитор исходя из вашего поведения в сети.

Воссоздать персональный виртуальный портрет человека, установив всевозможные его данные, включая фамилию и т. д., исходя из потребностей конкретной поисковой системы, не составляет труда, используя всего лишь открытые данные или осколки информации, рассеянной по интернету.

Анонимность в сети давно уже миф.

Компании, имеющие доступ к разным информационным источникам, все с большей легкостью будут собирать эти пазлы, исключая анонимность во все больших объемах информационного потока, который генерирует индивид.

Со времени, когда в 1980 году впервые в рамках ОЭСР была сделана попытка установить некие регламенты защиты в рамках трансграничного потока персональной информации, прошла вечность. Эти правила безнадежно устарели. В том числе, кстати, устарело и недавно принятое в ЕС законодательство (в полном объеме оно вступит в силу в 2016 году). Оно, в частности, подразумевает право человека «быть забытым», то есть на удаление информации о нем в сети. А также согласие индивида всякий раз, когда происходит сбор его персональных данных, уведомление всякий раз также о времени и целях их использования в дальнейшем. Однако такое попросту невыполнимо в полной мере, поскольку установить все случаи использования вашей персональной информации, любой ее части невозможно.

Многие эксперты в области информатики исходят из того, что устарела сама нацеленность на попытки контролировать именно процесс сбора персональных данных. Он уже стал бесконтролен.

Нужно по-новому подходить к этой обработке. Многие, кажущиеся ненужными поначалу огромные блоки информации способны принести огромную пользу обществу, если правильно подойти к их анализу. Их и надо собирать.

Надо, утверждают эксперты, применительно к персональным данным ставить вопрос иначе: как пытаться контролировать сам доступ к тем или иным блокам персональной информации, существующей в сети.

К примеру, сбор результатов удешевившегося в последнее время секвенирования генома человека. При том что, скорее всего, уже в ближайшем будущем речь пойдет о том, что каждому физлицу-пользователю сети будет присвоен на манер паспорта или удостоверения личности уникальный виртуальный паспорт.

Речь идет о том, чтобы запаковать, как предлагает, например, Крейг Мунди, старший советник корпорации Microsoft и бывший глава ее подразделения по стратегическим разработкам, персональную информацию в оболочку метаданных, снабдив аннотацией, но без раскрытия контента. И соответственно, любая компьютерная программа должна будет сначала сделать запрос на разворачивание лишь какой-то части этой информации, на доступ к которой она авторизована.

Скажем, если GPS-приложение имеет функции напоминания за определенное время о вашей деловой встрече исходя из местоположения, то оно должно запросить ваше согласие на оперирование этими данными. Напротив, страховые компании не должны, по идее, получать излишнюю информацию о поведенческих привычках и здоровье человека.

Однако все это имеет мало отношения к собственно трансграничному потоку информации. Сама попытка установить некий сервер на границе, даже если будет исполнена в какой-то части (к примеру, ChronoPay уже согласилась перенести штаб-квартиру в Россию), бессмысленна и бесполезна. Она не выполняет ни одной из заявленных целей. А спецслужбы многих стран уже давно поняли, что следить за тем, за кем хочется, гораздо удобнее в условиях формально открытой сети.

Чтобы исполнить все подобные охранительные и ограничительные намерения в буквальном смысле, надо перенести в Россию вообще все серверы всего Интернета.

Или полностью отрезать его, попытавшись закрыться от внешнего мира, а значит, и всех мировых технологий, огромной стеной. Но про стены известно, что рано или поздно они рушатся. И тогда сила шока от понимания собственной неадекватности стремительно ушедшему вперед окружающему миру зависит уже от длительности самоизоляции. Далеко не все цивилизации такое в свое время смогли пережить.

«Отстали навсегда» – написано на их руинах именно теми, кто уповал на надежность и высоту стен изоляции.

2014 г.

Мы вернулись в свое естественное состояние

Хорошо, что теперь всем можно меньше притворяться. России – что она как бы часть Европы, а Европе – что она в это верит.

Представьте себе среднестатистического российского политика лет эдак пять-восемь назад. На какой-нибудь встрече со среднестатистическими еврокомиссарами. На лицах – резиновые улыбки. Воздух сотрясают речи про то, что «Европа – наш единый дом», что «холодная война» закончилась (ее заканчивали начиная со встречи Горбачева с Рейганом в белом дощатом домике в Рейкьявике и потом много раз еще), что мы друг другу более не угрожаем и т. д.

Льются речи, а никто в них не верит. И никогда не верил. Произнося на тот момент нужные слова, наш политик всегда в уме держался, как заплутавший путник за столб в пургу, за мысль, что, мол, все это, конечно, замечательно, но не про нас. У нас, мол, свой путь. И нечего нас учить. Запад же продолжал именно что «учить».

Так учит раздраженный учитель нерадивого ученика – педантично, временами снисходительно, временами с раздражением, но неизменно без всякой надежды сделать из «этого олуха» приличного человека.

Как для российского чиновника привычнее расистские анекдоты или шутки про то, как мы можем, если захотим, взять хоть Киев, хоть Вашингтон (а можем и просто кнопку нажать), нежели малопонятные и неискренние рассуждения про общие ценности, так и для еврокомиссара привычнее видеть в русских агрессоров и империалистов, нежели беззаботных туристов, шляющихся по Европе в безвизовом режиме.

Поэтому переговоры про такой режим мы могли вести друг с другом без всякого результата до морковкиного заговенья, зато теперь удариться в новую «холодную войну» можем практически моментально. Притом даже с облегчением каким-то.

Во-первых, все встало на привычные места, когнитивный диссонанс устранен. Во-вторых, обе стороны, оказывается, всегда были чертовски правы в своем недоверии друг к другу.

Мы – когда подозревали, что это их зловерное НАТО не просто так расползается, как черная клякса, по всей Европе, притом все ближе к нашим белым и чистым скатертям-самобранкам. Они – когда с настойчивостью дятлов всякий раз поднимали вопрос о том, не проснутся ли в нас снова имперские амбиции, не могут же они вот так просто уснуть навеки, это ведь против самой природы русского государства. И человека тоже. Тем более что в этой России неважно с правами человека, выборами и вообще демократией, они (то есть мы) другие.

И теперь все могут с удовлетворением воскликнуть друг о друге: мы так и думали!

То, что НАТО в свете украинского кризиса обрело второе дыхание и смысл не только своего дальнейшего существования, но и экспансии, уже стало банальной мыслью. Однако смысл и второе дыхание появились лишь на уровне размышлений европейских и американских военных, политических аналитиков и бюрократии.

Если верна мысль фрау Меркель о том, что Путин живет в ином мире (к чему можно добавить, что не только он, но и подавляющая часть российского политического класса), то и западный политический класс живет в ином мире. Просто эти два мира все меньше пересекаются по своим принципам, ценностям, канонам и правилам поведения. А также насыщающей эти миры мифологии относительно иного мира. И еще не факт, чей мир в какой своей части в большей мере приближен к всамделишной реальности.

К примеру, сама идея расширить НАТО вплоть до включения в нее и Украины тоже (а такие ангажементы давались Порошенко на саммите в Уэльсе) есть доведение логики существования альянса в течение последних двух десятилетий до абсурда. Ведь эта задумка исходит из того, что сам факт членства Украины (а также Молдавии и Грузии) в НАТО станет естественной гарантией их безопасности от «имперской путинской России». Мол, мы в домике, нас не трожь. Так это выглядит в понимании мира Меркель (по отношению к миру Путина).

В реальности же не только ни один европейский обыватель, но и ни один вменяемый европейский или американский политик не имеет в виду всерьез сражаться за Украину с Россией.

Как ни один вменяемый политик не думает всерьез, что завтра российские войска рванут отвоевывать назад Лифляндию и Эстляндию. Получается, что членство как можно большего числа восточноевропейских и даже бывших советских стран в НАТО – это некий порожденный параноидальной бюрократической мыслью фетиш. Столь же сильный в своей параноидальности, как и поселившаяся с некоторых пор в мозгах российских лидеров идея, что Америка и НАТО хотят оккупировать и расчленить Россию-матушку ради завладения ее несметными богатствами.

Спорить, применяя логические рассудочные аргументы, что с логикой одного мира, что другого – только приумножать истерию у фанатично держащихся за свои мифологемы (все тот же столб для заплутавшего в пурге) обитателей параллельных миров.

В душе большинство российского политического класса всегда исходило из мысли, что мир с Западом невозможен, тем более интеграция. В этом смысле мир с Западом – это всегда лишь перемирие.

Собственно, эта фундаментальная несхожесть мировосприятия предопределяет дальнейшее ухудшение отношений между Россией и Западом, их, так сказать, новую институционализацию, вне зависимости от течения украинского кризиса. Который

надолго.

Еще не вполне понятно, как именно будет оформлена институционально новая «холодная война» (как обнаружилось, привычное состояние наших отношений). Пока идет злорадное уничтожение даже тех институтов, связей и наработок, которые работали в прежние годы, не говоря уже о всяких бессмысленных симулякрах типа совета Россия – НАТО, который и раньше-то не знали, зачем он нужен и как наполнить его хоть каким-то ненатужным смыслом, а теперь он уже точно не жилец. Или просто останется на бумаге, как, скажем, СНГ.

Недоверие и цивилизационное взаимное отторжение, которые теперь вовсе нет никакого смысла скрывать и припомаживать, предопределяют, в частности, непрочность достигнутого на Украине перемирия. Поскольку сама она остается полем битвы между Западом и Москвой. Там скорее следует ждать не сотрудничества по мирному урегулированию, а взаимной расстановки ловушек.

В Минском меморандуме о перемирии заложено несколько мин.

Отсутствие четкой линии разграничения чревато постоянными стычками за контроль над теми или иными пунктами. В отсутствие линии фронта режим прекращения огня чисто технически контролировать трудно. Демилитаризованной зоны, стандартной для подобных ситуаций, не предусмотрено. ДНР и ЛНР не контролируют всей территории Донецкой и Луганской областей. Стало быть, будут пытаться расширить зону влияния. Судя по поведению сторон, накануне Минской встречи могли быть достигнуты некие закулисные договоренности относительно того, кто что контролирует. Но теперь надо, чтобы эти договоренности соблюдали.

В любом случае они не могли предусмотреть все детали разграничения сторон. Неясна судьба Мариуполя, который сепаратисты «почти взяли», но который находится уже вблизи Днепропетровской области. Для сепаратистов, настроенных, судя по всему, на жизнь вне Украины, важен выход к Азовскому морю и контроль над такими предприятиями, как «Азовсталь», чья продукция идет в основном в Россию. Не вполне понятно также, сможет ли Порошенко контролировать все военные формирования в зоне конфликта, там (да и в Киеве) могут найтись те, кто захочет воевать до победного конца.

Сможет ли нынешний украинский президент пережить этот Хасавюрт политически, да и физически, большой вопрос.

В меморандуме предусмотрено принятие некоего закона об особом статусе отдельных районов двух мятежных областей. То есть не их целиком. Но этот закон должна принять ныне распущенная Рада. Учитывая накал милитаристских настроений, вряд ли ее вариант устроит донецких и луганских. К тому же меморандум от Украины подписал всего лишь пенсионер Кучма. Что будет значить его слово?

Многие из вопросов, типичных для таких ситуаций, могли быть решены, если бы к контролю над соблюдением режима прекращения огня и выполнением других пунктов соглашения подключилась третья, относительно независимая сила. Однако ОБСЕ, похоже, изящно уклонилась от выполнения мониторинга на местах (а именно на местах важно решать множество мелких проблем, от которых и зависит общее соблюдение режима перемирия). Она ограничится лишь «общим наблюдением».

В конкретных условиях войны в Донбассе это ничто. И в нежелании влезать в эту кашу просматривается помимо прочего еще и подспудное желание превратить конфликт на юго-востоке в ловушку для Путина: сам влез, мол, сам пусть и выпутывается.

При этом любое нарушение перемирия может быть использовано против Москвы. Уже первые дни показали, что перемирие это сплошь и рядом нарушается. Новый пакет санкций, который должны были привести в действие еще в пятницу, отложен до понедельника-вторника. В случае если нарушения перемирия будут сочтены существенными, санкции точно будут приведены в действие. Возможно даже, что их как бы по инерции приведут в действие, даже если перемирие сохранится.

Посчитав, что сама готовность Москвы пойти на прекращение огня и активные боевых действий – результат слабости и надо, стало быть, давить дальше.

Последствия нетрудно предугадать: ответом на третий пакет санкций станут не только контрсанкции со стороны России, но и возобновление боевых действий. Не только окончательное взятие Мариуполя, но и попытка развить наступление уже непосредственно для создания наземного коридора в Крым.

Собственно, все это обыкновенная *geopolitik*, от которой стороны отвыкли за последние два десятилетия. Вернее, делали вид, что отвыкли. Посему привыкнуть снова будет несложно. Как говорится, руки-то помнят.

Мы вернулись в свое естественное состояние. В состояние войны с внешним, вечно враждебным нам миром. И наша жизнь, погрузившаяся было в скучную рутину хозяйствования да выживания, обрела прежний бодрый смысл. Перемены в ней, во внутренней жизни, будут стремительно развиваться в полном соответствии с текущим моментом.

2014 г.

Со слабыми не договариваются

Новая «холодная война» между Россией и Западом видится неизбежной уже вне зависимости от того, продержится ли в «замороженном» виде хотя бы до лета конфликт на Украине. То, что наши отношения с Европой, не говоря об Америке, уже не будут прежними, стало ясно год назад, с присоединением Крыма и началом войны на юго-востоке Украины. Первое время еще были споры о том, настала ли уже эта самая «холодная война-2» или еще не совсем, но сейчас спорить об этом поздно. И можно задаться вопросом, как это новое противостояние будет оформлено. Идеологически и, что важнее, институционально.

Формы взаимодействия, родившиеся после окончания первой «холодной войны», всякие «партнерства ради мира» (с НАТО) или просто «партнерства» (с ЕС) канули в Лету. Даже если в конце года и состоится возвращение России, скажем, в Парламентскую ассамблею Совета Европы (пока логика развития наших отношений с Европой делает такое возвращение бессмысленным), то максимум, чем мы там будем заниматься, – это бесконечно огрызаться и «давать отлуп» всяким попыткам учить нас жить и тем более критиковать.

Членство в подобных организациях имело какой-то смысл, когда мы еще продолжали твердить нечто про «общие европейские ценности» (поскольку эти организации, они как раз «про ценности»). Но поскольку с «общими ценностями» сейчас все уже до предела утряслось и прояснилось, то к чему сохранять еще одну площадку для пререканий, хватит и Совета Безопасности ООН.

Так или иначе (даже если возвращение в ПАСЕ формальное и состоится), более актуальным становится вопрос об институтах и параметрах противостояния, нежели сотрудничества. Ну и каких-то форм «арбитража» по тем вопросам, которые, как ни противно обеим сторонам, еще придется какое-то время утрясать.

К последним относятся энергетические проблемы. ЕС пока покупает у нас нефть и газ. Хотя состоявшийся на днях очередной саммит ЕС еще раз подтвердил приверженность Европы долгосрочному курсу на минимизацию энергозависимости от Москвы.

Создание Энергетического союза – это, собственно, оформление новых «институтов противостояния».

Для начала на уровне консолидации позиций стран – членов ЕС по контрактным отношениям с «Газпромом», что неминуемо приведет к дополнительному уменьшению его выручки в Европе помимо потерь от падения цен на энергоносители. Далее интриги развернутся вокруг наших попыток обойти Украину через Турцию: этому будет противопоставлен «азербайджанский вариант», будут разыграны «туркменская» и «иранская» карты. Газопровод OPAL, скорее всего, будет для нас как минимум резко ограничен по части возможностей российских поставок. При участии американцев будут вопреки более высокой себестоимости продвигаться варианты поставок сжиженного газа и т. д. Взяв курс на то, чтобы через два-три года если не полностью избавиться от российских газовых поставок, то резко сократить их. Исходя лишь из экстраполяции уже наметившихся тенденций, сделать это будет непросто, но при большом политическом желании возможно.

Однако главная для нас опасность лежит в возможностях таких качественных изменений в энергетике и структуре энергопотребления (новые двигатели, новые источники энергии и т. д.), которые подорвут наш экспортный потенциал не только в Европе, но и в мире.

ЕС готовится к информационно-пропагандистскому противостоянию с Россией. Уже задумавшись о создании информационного противовеса RT. Но в целом противостояние в гуманитарной и информационной областях будет существенно отличаться от времен первой «холодной войны». Сейчас не идет речь о конкуренции двух образов жизни или образов будущего (России еще предстоит создать такой образ будущего для собственных граждан: куда мы идем, что мы строим, в чем состоят наши общественные смыслы, отличные от западных). Поэтому противостояние в информационной сфере сведется, скорее всего, к банальному манипулированию массовым сознанием.

Уже ясно, что даже в условиях открытости любой информации в этом можно преуспеть сильнее, чем в условиях взаимной изоляции времен «холодной войны-1»: самая крепкая, высокая и непреодолимая стена, как оказалось, может быть вполне успешно построена в головах. Мифотворчество преуспевает с обеих сторон противостояния. При этом в мире объективно существует информационно-пропагандистская ниша, основанная на отторжении «однополярного мира», конструируемого при американской гегемонии.

В этом смысле Путин, как возглавляющий «антиамериканский поход», во многом востребованный политик во многих частях света и для многих политических сил.

Не идет нынче речь о соревновании двух социальных систем. Мы более не строим самое справедливое общество всеобщего счастья, равенства и братства. Наши политические союзники на том же Западе – это не «мировое коммунистическое движение», а отдельные страны или политические партии вроде «Национального фронта» Марин Ле Пен. Эти союзы не системны, как Варшавский договор или СЭВ, а индивидуальны, во многом основаны на «антиглобалистском» или антиамериканском фрондерстве или «евроскептицизме». Сменись, скажем, Виктор Орбан в Венгрии или партия «Сириза» в Греции у власти – и неизвестно, как сложатся отношения этих стран с Москвой.

Основным содержанием нового противостояния Запада с Россией станет не столько курс на политическую или информационную изоляцию Москвы (хотя и он тоже), сколько политика экономического давления.

Исходные условия при этом кардинально отличаются от тех, при которых начиналась «холодная война-1». Хотя СССР был

сильно ослаблен войной (но превосходил тогда все европейские армии, вместе взятые), это была самодостаточная экономика. Мало зависимая от внешней конъюнктуры. Более того, в условиях демобилизации с середины 1950-х, хрущевской «оттепели», а затем попыток начать «научно-техническую революцию» в 1970-х она даже продемонстрировала способность к наращиванию промышленного и технологического потенциалов.

К сегодняшней «холодной войне-2» мы подошли, по сути, с разрушенной промышленной и, что еще хуже, научно-технологической базой. В 1960-х годах Советский Союз на равных мог включиться в «лунную гонку» с Америкой (к поражению в ней привело не столько отставание в технологиях, которого в космосе даже близко не было, сколько цепь сугубо управленческих ошибок). Сейчас мы более чем на 90 % зависим в элементной базе (в том числе для ВПК) от Запада. По этому слабому месту нас и будут бить.

Пресловутая «поправка Джексона – Вэника», десятилетиями ограничивавшая (на практике – чисто номинально) наши торговые возможности, и «списки КОКОМ» (действовавшие с начала 1950-х и ограничившие поставки в СССР новейших технологий) покажутся детской шалостью по сравнению с нынешними и грядущими ограничениями, которыми будут стараться добивать подсевшую на иглу технологического импорта не только нефтегазовую, но и все другие сферы российской экономики.

Речь идет даже не о противостоянии со стороны Запада, речь о минимизации отношений с нами в высокотехнологичных сферах вплоть до полной изоляции. И именно это, а вовсе не идеологический, как в годы первой «холодной войны», есть самый сильный нам вызов.

Соответственно, если мы не хотим «поднять лапки» и сдаться на милость победителей (а мы ведь не хотим), то и наиболее адекватный ответ главному вызову «холодной войны-2» должен формулироваться симметрично. Не в безумных пропагандистских упражнениях, ура-патриотической истерии и закручивании гаек в Интернете и где только еще можно, а именно в сфере промышленности и высоких технологий.

А значит, с одной стороны, всячески стимулируя, в том числе путем заимствования извне, развитие образования и науки (ныне разваленных), раскрепощая производственные силы и творческий потенциал людей внутри страны, а с другой – сохраняя максимально возможную в нынешних условиях вовлеченность в глобальные экономические и технологические процессы, используя любой шанс «прорвать блокаду», выстраиванием которой будет теперь заниматься Запад. И несмотря на то, что на сегодня у нас нет даже таких союзников, какими были в «холодной войне» восточноевропейские страны.

От того, насколько нам удастся найти адекватный ответ на этот главный вызов, зависят продолжительность «холодной войны-2» и ее исход. Со слабыми, как известно, на равных не договариваются.

Если не будет найден адекватный ответ технологическим и экономическим вызовам, то в горизонте до 10–15 лет, а то и раньше Россия не только превратится в страну с разваленной промышленной и социальной инфраструктурой, балансирующей на грани failed state или уже скатившейся к этому, но и утратит военную способность противостоять Западу. Так, форсированное создание США европейской ПРО (уже нет сомнений, против кого ее будут строить, причем поле битвы ограничится для Америки «всего лишь» Европой) будет приближать возможность полной нейтрализации российского ракетно-ядерного потенциала. Который пока остается самым мощным аргументом в нашем противостоянии с Западом.

Примерно этот срок – не более 10–15 лет – можно обозначить как максимальный временной горизонт «холодной войны-2».

Он будет зависеть и от сроков пребывания у власти Владимира Путина (оставим в стороне предсказуемые спекуляции на тему, что чего тут ускорит или замедлит). Исход этой войны будет зависеть от того, сочтут ли возможным с нами договариваться на взаимоприемлемых условиях как с достаточно сильным собеседником. Либо давление будет нарастать, нагнетая все более отчаянное положение страны, если она окажется не способной дать адекватный ответ внешним вызовам.

И у которой в этом случае останется лишь два выхода. Либо полная капитуляция на условиях победителей, либо настоящая война как акт отчаяния и последнего проявления национального достоинства. В последнем случае, возможно, те, кто сейчас столь увлечен целью «загнать в угол» Москву под Донецком, пожалеют о своей нынешней ожесточенности, как уже жалеют некоторые, что не пригласили нас в свое время в НАТО. Но кто ж нынче строит политику, заглядывая дальше одного избирательного цикла.

2015 г.

Жизнь за интернет-стеной

Если бы я был сторонником теории заговора, то решил бы, что Эдварда Сноудена ЦРУ специально подослало с разоблачениями. Чтоб напугать конкурентов Америки тотальной слежкой и заставить строить стены защиты персональных данных, причем за свой счет. Хотя, видимо, все было иначе. Но результат тот же.

В прошлом году около 20 стран потребовали локализовать обработку персональных данных своих граждан. С 1 сентября и в России вступает в силу аналогичный закон. Опустится ли тотчас «железный занавес»? Закон принимался, когда нефть была за \$100, доллар шел за 33 руб., а Черное море нам было примерно по колено. Теперь все иначе. С внешним миром мы разговариваем не с позиций экономической силы. Надо ли усугублять?

Не менее половины работающих в стране интернет-компаний заявили о неготовности соблюдать закон (а сколько такую неготовность предпочли не афишировать?). Гиганты Apple, Google, Facebook локализоваться, в принципе, не очень собираются. На фоне ухудшения отношений Москвы и Запада им на российский рынок наплевать с высокой колокольни. Чай не Китай. И если, мол, российские власти хотят пособить Западу в изоляции страны и ее режима до состояния маргинализации, то и флаг им в руки.

А буквальное исполнение закона означает именно изоляцию российского Интернета, или что там от него останется.

Надзорные ведомства (Минсвязи и Роскомнадзор) немногословны по поводу правоприменительной практики закона, формулировки которого размыты и дают свободу рук чиновникам. Ясно, что основные решения – а они все политические – будут приниматься не на уровне Роскомнадзора и Минсвязи. В частности, о том, блокировать ли в России не подчинившиеся Facebook или Google. Глава Роскомнадзора Александр Жаров дал понять, что немедленных кар, видимо, не будет. Они могут последовать в случае плановой или внеплановой проверки. Или как «наверху» скажут.

В Роскомнадзоре есть список 317 компаний, которые будут проинспектированы на предмет соблюдения закона (с возможностью запрета работать в РФ), но список сей закрытый.

Под закон не попадают покупка авиабилетов, получение виз и ряд других действий. Например, заказ гостиниц через Booking.com (который доложил, что локализовался). А вот покупка в «нелокализовавшихся» интернет-магазинах, наоборот, под закон подпадает. Как и интернет-мессенджеры. И очень много чего еще, что даже предсказать трудно.

Минсвязи неофициально разъясняет: доступности интернет-сайта в России мало, чтобы на него распространился данный закон, надо применять критерий «направленности деятельности» на территорию России. О чем могут свидетельствовать: использование доменного имени, связанного с Россией или субъектом РФ, и (или) наличие русскоязычной версии сайта. Еще могут учесть «как минимум один из следующих элементов»: возможность осуществления расчетов в рублях; возможность исполнения заключенного на таком сайте договора на территории России (доставки товара, оказания услуги или пользования цифровым контентом на территории России), использование рекламы на русском или иных обстоятельствах (эта оговорка в законах всегда прелестна), «явно свидетельствующих о намерении владельца интернет-сайта включить российский рынок в свою бизнес-стратегию».

При таких формулировках, на мой взгляд, возможно как жесткое применение закона, так и попустительское. Причем, на мой взгляд, порой трактовка закона Минсвязи и Роскомнадзора различаются (например, в части персональных данных работников иностранных фирм), что сделает процесс правоприменения еще более увлекательным.

По данным Европейского центра международной политэкономии, попытки ряда стран защитить персональные данные в испуге от разоблачений Сноудена (возвращаемся к теории заговора) станут лишней нагрузкой на экономику. Изучив семь разных юрисдикций, где приняты законы, подобные российскому (наш жестче, о чем ниже), – Бразилии, Китая, ЕС, Индии, Индонезии, Южной Кореи и Вьетнама, – авторы соответствующего доклада подсчитали, что жестко и прямолинейно применяемая локализация данных окажет негативный эффект на любой связанный хоть как-то с Интернетом бизнес. И приведет к сокращению ВВП – от 0,2 % в Бразилии, 0,4 % в ЕС, до 1,1 % в КНР и 1,7 % в Южной Корее и Вьетнаме.

Замедление темпов роста в Китае напрямую связывают в том числе с жестким регулированием Интернета в стране и другие исследователи, называя примерно тот же размер ущерба – более 1 % ВВП. Потери граждан этих стран (недополученные доходы) составят от \$63 млрд в Китае до \$193 млрд в ЕС. Для Индии потери в виде недополученного дохода составят 11 % среднемесячной зарплаты в стране, для КНР – 13 %, для Южной Кореи и Бразилии – до 20 %. Возможно, именно поэтому бразильские власти отказались все же от применения закона о локализации.

Но главное даже не это. А то, что никто пока не доказал, что такие меры эффективны в защите персональных данных.

Разве, к примеру, локализация гарантирует защиту от утечки и целенаправленной передачи персональных данных за границу и от их там пресловутой обработки? Ничуть. ЕС в рамках готовящегося Трансатлантического партнерства с США официально пойдет на трансграничную передачу данных. Да и наш закон допускает (как неизбежность) создание «зеркальных» баз данных, смиряясь с тем, что персональные данные россиян могут обрабатываться и за рубежом тоже.

Что толку, если Microsoft доложит о локализации, если новая Windows-10 настроена на утечку?

Локализация данных в национальных дата-центрах делает их более уязвимыми. С одной стороны, так удобнее национальным спецслужбам. С другой – и иностранным (вспомним десятки кибератак китайских хакеров на американские базы данных). Кстати, исходя из интересов спецслужб, кажется, неразумно блокировать в России Facebook. Где еще найдешь столь саморазоблачающие дневники самодонорства?

Я не раз писал, что российский закон о локализации создали люди, не разбирающиеся, как устроено современное информационное пространство, воплотившие в этом законе свои дремучие представления о том, как оно должно быть по-средневековому отрегулировано.

Буквальное применение закона будет не только пустой тратой денег (никакие персональные данные он не защитит), но сработает в пользу изоляции России, исключения ее из мирового информпространства, уничтожения остатков ее инвестиционной привлекательности.

Эти люди не знают, как происходит анализ не столько по старинке понимаемых у нас персональных данных, сколько так называемых метаданных. Когда важнее не содержание телефонных разговоров (такой контент труднее оцифровать и обрабатывать), а метаданные о звонках – время, место, продолжительность, частота связи с тем или иным абонентом, анализ кластеров созванивающихся и т. д. Такие данные легко поддаются обработке, но они не рассматриваются – как и все метаданные – нашими регуляторами (и никакими другими тоже) как персональные.

Как обнаружили исследователи одного бельгийского университета (американцы не очень обнародуют данные о возможностях своей АНБ), лишь на основе анализа обезличенных метаданных можно с 95-процентной вероятностью установить личность человека, который их индуцировал.

Возможно, поэтому в ЕС, на который у нас ссылаются сторонники жесткой локализации, подходят к применению такого законодательства гибко, без фанатизма. И в отличие от российского закона (это к вопросу о его жесткости) закон ЕС регулирует только компании, работающие на европейском рынке, применяя в этом случае узкую трактовку.

Да, в ЕС идет диалог на эту тему с интернет– и не интернет-компаниями. Да, Apple построила дата-центры в Дании и в Ирландии. Ряд интернет-магазинов типа Amazon, идя навстречу немецким законам (в ФРГ один из самых жестких законов в ЕС о защите персональных данных), отчитались о локализации. Но Facebook этого не делал. И никто его не заблокировал. Как и других не подчинившихся.

То есть вопрос о локализации в европейских странах остается вопросом скорее маркетинга и пиара. Компании, работающие на потребительском рынке, откупаясь на создание дата-центров, повышают уровень доверия клиентов. Важна и приближенность центров обработки данных к потребителям, когда конкурентные преимущества могут давать выигранные миллисекунды в передаче информации. Не случайно самые дорогие офисы компаний-трейдеров в Нью-Йорке расположены как можно ближе к бирже. Чтобы расстояние от сервера до нее было короче. Выигрыш в ничтожные доли секунды дает огромное преимущество в интернет-торгах. Политики же, в свою очередь, на фоне «страшилок от Сноудена» отчитываются о заботе об избирателях.

Давление на интернет-компании с целью перенести дата-центры на территорию тех или иных стран имеет и сугубо экономический смысл: создаются рабочие места, возникает более прочная связь с национальным рынком. Однако это происходит не путем грубого нажима – подчинись или мы тебя заблокируем (о громких случаях блокировки по этим основаниям пока особо не слышно, в том числе в Китае, там скорее действует политическая цензура), а путем диалога. Интернет-компании склоняют заплатить определенный выкуп, пойдя на траты по строительству дата-центров. Что, еще раз повторим, никак не решает задачу охраны персональных данных. И такой диалог имеет смысл лишь в одном случае: если такая компания настолько заинтересована в национальном рынке, что готова потратиться на вполне бессмысленные пассы по охране персональных данных.

Но если рынок не столь масштабен, то смысл тратиться исчезает.

В этом случае такой рынок скорее сам зависит от того, придут ли на него обладатели современных информационных технологий или обойдут стороной, обрекая на отсталость и прозябание. К тому же применительно к государствам, считающимся на Западе авторитарными, там утвердилось мнение, что бессмысленно вообще пытаться угодить прихотям этих авторитариев. Мол, они в своем угаре все равно придумают такое, что работать будет невозможно. А небольшие объемы рынка снижают мотивацию подстраиваться. Хотят жить за Стеной? Пусть. Им же хуже.

2015 г.

Заветный приказ

Церемония открытия Олимпийских игр в Сочи. На трибуне почетных гостей вместе с Верховным главнокомандующим – зарубежные гости. Многие в последний момент решили приехать. Даже фрау Меркель. Она оказалась ближе всего к Верховному, оттерев плотным телом премьер-министра и не давая ему поймать очередной отличный кадр в объектив своей «лейки». Вдруг – звонок. По спецсвязи. Верховный немногословен: «Здравствуйте, Сергей Кожуветович. Да. Нет еще. Начинайте. Приказ вам отдан».

Совместный контингент сил Шанхайской организации сотрудничества, а также ОДКБ вводятся на Украину. Не встречая сопротивления, они занимают ключевые государственные, промышленные и энергетические объекты Восточной Украины. Население встречает их цветами, девушки бросаются на шею русским солдатам, китайским, белорусским и киргизским десанникам. В Киеве отдельные очаги сопротивления были быстро подавлены силами дивизии Дзержинского. На западе страны, зоне ответственности китайцев, развернулась партизанская война. Крым объявил о присоединении к Союзному государству России и Белоруссии.

Фрау Меркель, узнав о начале операции по принуждению к миру на Украине, спешно покинула Сочи. Но перед отъездом завершила Верховного, что контракт с «Сименсом» о поставке скоростных поездов для железной дороги Москва – Казань – Пекин пока в силе.

Сочи покинули и другие западные гости. Польша закрыла границы от беженцев. Успевших перебежать – депортируют. Обама позвонил Верховному. Он звонил еще до Шойгу – сказать, что озабочен активностью российских войск на западных границах и тем, о чем разговаривают российские военные, судя по расшифровкам их телефонных разговоров, которые слил в ЦРУ пропавший две недели назад Эдвард Сноуден. Теперь Обама хотел предупредить, что он ничего не сможет поделать с конгрессом, который, скорее всего, лишит визы Сергея Шойгу, а также заблокирует все его счета, как только их найдет.

Евросоюз выступил с гневным осуждением «агрессии». Войска НАТО приведены в полную боеготовность. Хорошо, что не успели создать евро-ПРО. Совет Европы исключил Россию из своих рядов. Российские представители в Европейском суде по правам человека облегченно засобирались домой: наконец-то кончилась эта унижительная волокита, когда нас бесконечно возят мордой по столу европейские «общечеловеки».

Через несколько дней пресс-секретарь Верховного созвал большую пресс-конференцию. На ней, на шестом часу, корреспондентка газеты «Утренний тундровик», волнуясь, зачитывала по бумажке такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, готовы ли вы отдать приказ о применении ядерного оружия, если на Западе не прекратится оголтелая кампания травли нашей страны, односторонние санкции и эскалация военной напряженности в непосредственной близости от наших границ? Ведь наше технологическое отставание столь велико, что не дает нам шансов в силовом противостоянии иначе как с использованием ядерной бомбы».

– Вас как зовут? – улыбаясь неподражаемой улыбкой, которая на сей раз показалась присутствующим особенно стальной, спросил Верховный.

– Варя, – потупив взор, ответила девушка лет сорока пяти.

– Видишь ли, Варя, – начал он с некоторой задумчивостью...

На этом сон пресс-секретаря, задремавшего над изучением книги о старообрядчестве (Верховный давеча спросил его что-то об этом, как бы в шутку проверяя его знания истории, но он замешкался с ответом и теперь хотел закрыть пробел в знаниях), прервался. Эх, подумал он, на самом интересном месте...

Многим политикам и комментаторам охранительных взглядов легче всего видеть развитие событий на Украине примерно так, как выше и описано.

Это привычно ложится на их менталитет. Вместо этого они вынуждены орать на телешоу глупости про «волю украинского народа» и вековое братство славянских душ. Будь на дворе даже не XIX век, а середина XX, именно таким образом все бы и разрешилось. Как 56-м в Будапеште, в 68-м в Чехословакии. Или в 1863-м – в Польше.

И если бы Янукович мог раскатать танками по Майдану кишки тамошних оппозиционеров, то он бы давно так и сделал. Но он не может. По ряду причин, долго перечислять. А Москва не может решить украинский вопрос способами, многожды описанными в учебниках «единой» истории. Причем и народ ведь по большей части поддержал бы. Ничто так не «встряхивает» заснувший о былом величии в тенетах каждодневных бытовых экономических проблем народ, как маленькая и победоносная война.

Война – это даже лучше, чем Олимпиада. В каком-то смысле, конечно.

Некоторые, выдающие себя за самых решительно настроенных советчиков Кремля, советуют, что он теперь должен «решительно заявить». О чем же? О том, что он «решительно не приемлет» ряд вещей, которые могут произойти на Украине, если там придут к власти «оголтелые националисты». Однако цена таких решительных заявлений стремится к нулю, если они не подкреплены материально.

В сентябре 1939-го, накануне ввода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию (по пакту Молотова – Риббентропа), СССР в заявлении Молотова, говоря о «внутренней несостоятельности Польского государства», имел в виду именно такие «аргументы». Они и были задействованы 17 сентября 1939 года. Сегодня приходится действовать иными методами. А как действовать? А непонятно. Методы сии нам непривычны.

Москва могла бы, теоретически, выступить гарантом договоренностей украинской власти и оппозиции, если бы они о чем-то могли договориться наверняка. Она могла бы поставить на какую-то фигуру, начав с ней закулисные контакты, кроме заигравшегося и теряющего власть Януковича, если бы такая фигура, с которой можно было бы о чем-то договориться, наконец появилась. И если бы Москва сама в свое время не сделала ошибку, «сдав» Тимошенко, с которой Россией было подписано соглашение, за которое она формально теперь сидит.

В воскресенье Янукович вроде пошел на уступки оппозиции, включая отставку правительства, изменение конституции и даже назначение Яценюка премьером (что кажется смешной издевкой). Но события меняются столь быстро, что ничего прочного, созданного надолго там сейчас быть не может. Не говоря о давней традиции тамошних политиков «кидать» друг друга.

Потеря власти Януковичем становится все более очевидной, но когда это произойдет и как – вопрос.

Россия могла бы еще пойти на многосторонние переговоры с Евросоюзом о судьбе Украины, если бы в Брюсселе некоторые не были так увлечены идеей «сделать козью морду Путину», а Кремль не был в такой степени охвачен антизападной паранойей. В обстановке паранойи трудно принимать осмысленные решения, кроме безостановочного печатания законов свода «Тащить и не пущать».

При этом российский правящий класс отказывается в душе принимать как данность украинскую государственность, считая ее историческим недоразумением. Не говоря уже о Крыме, насчет которого есть преобладающее мнение, что он потерян по глупости и, даст бог, не навсегда.

У Москвы нет никакой, кажется, долгосрочной стратегии насчет Украины, которая предусматривала бы разные сценарии.

Если не считать стратегией непреходящую тоску по советской (даже не царской) империи. Нам она какая нужна, Украина? Единая или как федерация? Стабильная или, наоборот, постоянно бунтующая, но тоже дающая какие-то возможности – для торга с Западом или для получения каких-то нам выгод в ослабленной раздорами стране? С Крымом или без? Во втором случае тогда надо целенаправленно работать на раскол этой страны и аннексию части ее территории, включая Донбасс. Или нам вообще по барабану? Или все, что там происходит, имеет смысл только для внутреннего потребления – как яркая поучительная иллюстрация того, что бывает, когда «Путина на вас нет». И того, куда может завести «эта ваша демократия».

Из Кремля на события на Украине смотрят во многом как на события в чем-то «российские», по типу «разбушевавшейся Болотной». И вопросом «Вы этого и у нас хотите?», с указанием на уличные бои с подразделениями «Беркут», уже в ближайшем будущем будут оправдываться все новые и новые «консервативные» (которые многие сочтут реакционными) законы по консервации русской политической реальности.

И это не страх, как утверждают некоторые со злорадством, прикрывающим собственный комплекс неполноценности (мол, у нас так не могут «воевать за свободу, как хохлы»).

Это прагматика: есть – она видна в ежедневных репортажах из Украины – угроза взбесившейся толпы, бунтующей против своей опустыленной правящей элиты. И эту угрозу надо отражать на дальних подступах к Кремлю. И психологически, и технически решение этой проблемы на нашей территории видится простым, поскольку доминирующей мыслью насчет ее происхождения является незатейливая мысль, что все проплачено Западом. А не было бы проплачено – не было бы и возмущения. Ибо возмущаться нечему, все хорошо, а будет еще лучше. Стало быть – нужна Стена. Нужно подавлять смуту в зародыше.

Марксистский тезис о том, что не бывает революций (а всякая революция – это всего лишь удавшийся погром) по внешнему наущению, без внутренних причин, позабыт, позаброшен, словно нынешние российские политики не учились марксизму-ленинизму.

В этой простой картине мира одно остается непонятным: почему тогда не действовать примерно такими методами, как то приснилось герою этой заметки? Это ведь так заманчиво просто. Куда проще, чем, дождавшись, пока кризис на Украине зайдет уже так далеко, что его придется решать в рамках какой-нибудь «Женева-3» с участием ненавистных Европы и Америки (ставя вопрос об очередном послевоенном пересмотре границ в Европе).

Оттуда, из Женева, как раз, опять ни о чем не договорившись, разъедутся гости из Сирии. Не договорившись – потому что исход таких конфликтов не решается на конференциях, без войны.

Ах да, еще есть вопрос от той самой девушки Вари лет сорока пяти. Она заглянула, конечно, слишком далеко, но в суть. Вот что ей-то ответить?

2014 г.

Крымский стресс-тест

Крым собрался домой. Это возвращение, возможно, десятилетия не будут признавать в мире. Впрочем, США и вхождение Прибалтики в состав СССР так и не признали.

Игра в перетягивание Украины началась с середины прошлого года. Игра поначалу казалась безобидной. Интересно, не хотели бы сейчас ее участники с обеих сторон переиграть все иначе? На сегодня пока доигрались до полномасштабного кризиса в отношениях России с Западом, который неизвестно чем для всех закончится. Мне кажется, такого развития событий никто не прогнозировал, не планировал и никто не хотел.

Если теперь, войдя в раж противостояния, дело вести по пути дальнейшего «разгрома посудной лавки» – оказавшейся столь хрупкой, еще недавно хвалимой системы международных отношений после «холодной войны», – то, согласно логике нагнетания абсурда (или в рамках политики управляемого хаоса), можно много еще чего накреативить.

Если уж эта система международных отношений оказалась столь «кривой», то «мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот...».

Кстати, о тех, кто «был ничем». Международный интернационал маргиналов – это великая непознанная сила. Маргиналом и всемирным хулиганом ведь почему хорошо еще стать? О тебе судят по иным стандартам, чем о уважаемом члене «большой восьмерки» или «двадцатки». Ведь как администрация Обамы улавливает неувидимое – признаки «потепления» и вменяемости со стороны Ирана? Ах, их президент поздоровался с Обамой в кулуарах ООН. Ах, он нам улыбнулся. А мальчиш-плохиш Ким? Запустил невесть куда баллистическую ракету – не запустил. Не скармливал нелояльного родственника собакам – уже признак «тектонической трансформации». Позволил накормить страну импортным зерном, намекнув, что не станет пока взрывать ядерную бомбу, – «первые плоды разрядки». По таким меркам, Москва – это совершеннейшая «голубятня», про нее просто этого еще не поняли.

Как там, к примеру, поживает Нагорный Карабах? Там уже был референдум о вхождении в Армению. Все, кто остался (сотни тысяч азербайджанских беженцев не голосовали, как и жители пяти оккупированных районов Азербайджана, понятное дело), – за. Может, намекнуть Еревану, который Москва до сих пор отговаривала соглашаться с таким волеизъявлением, что, мол, пора? Опять же это введет «любимый» конгресс и всех маккейнов, вместе взятых, в полный когнитивный диссонанс: принимать «акт Магнитского» – это вам не с армянским лобби воевать.

Выпускнику МГИМО, ведущему себя осторожно с Россией, Ильхаму Алиеву можно обещать поддержку в интригах с Ираном, где азербайджанцев в несколько раз больше, чем в самом Азербайджане. Ну и «скидки» на рынках для тех чуть ли не двух миллионов азербайджанцев, что уже в России. Ирану – для компенсации продать наконец С-400 или еще что покруче. Хрущев же почти уже «подарил» в свое время Мао ядерную бомбу. Чем мы хуже Хрущева? Действия в Крыму показывают, что ничем.

Кадырова послать наладить связи с афганскими талибами. Он сможет. Не забыть позвонить Обаме и напомнить, что если тот хотел наземной операции в Сирии, то мы даже за – welcome to hell, как говорится. Когда там к власти вместо Асада придет «Аль-Каида», пусть перезвонит, может, еще будут идеи. Перед этим, разумеется, не забыть подарить Ирану что-нибудь баллистическое: это станет аргументом в спорах персов с евреями о том, был ли холокост или еще весь впереди.

Гагаузия тоже хотела самоопределиваться? Пусть. Это смягчит турок и сильно «порадует» румын. Туркам подарить еще признание Северного Кипра. Чтоб окончательно «сплотить» натовские ряды.

Намекнуть Японии, что два острова мы, может, уже и отдадим – если они своими деньгами (у них полно, говорят, лишних стагфляционных иен) прорвут санкции Запада и посоревнуются с Китаем за право инвестировать в нашу вечную мерзлоту. Северокорейскому Киму, нас горячо поддерживавшему в вопросе о Крыме, посоветовать начать воссоединяться с Югом. Мы поможем: опыт есть.

В общем, открывается полный оперативный простор для полета свободной от оков условностей всякой дипломатии фантазии. Кто-то говорил про русский беспредел в Крыму? Вы еще, как говорится, не видели этого беспредела.

Если же серьезно, то очередное завоевание Крыма – это не просто нечаянный подарок от творцов киевского Майдана лично Путину (оно же – страшная подлянка), рейтинг которого бьет рекорды, но и одновременно вызов всей российской системе власти. Национальный подъем, вызванный «возвращением Крыма домой» (и не надо сводить все к имперским комплексам – это не так), может столкнуться с другим когнитивным диссонансом. С переосмыслением того, что такое представляет этот самый «Наш Дом» сегодня.

По мере интеграции Крыма в состав России его жителям придется столкнуться с рядом проблем. Начиная с переоформления прав собственности, выправления документов и кончая вхождением в реалии российской экономики и политики. Крымский обыватель будет сталкиваться с такими же хамством, коррумпированностью и бестолковостью российской бюрократии, как и все остальное население России? Если нет, то из вполне логичной идеи сделать из него «конфетку» назло киевским «жидо-наци-бандеровцам» может вырасти встречное недоумение прочих россиян: почему то, что позволено Крыму, не позволено нам? И наоборот – резкое столкновение давно привыкших уже к автономии крымчан с реалиями нашей вертикали власти во всех ее проявлениях может породить разочарование в сделанном выборе.

Перед лицом уже антироссийского сепаратизма (в лице крымских татар или украинцев, коих в совокупности в Крыму примерно 40 %) Москве надо действовать более деликатными методами, чем она привыкла во всех прочих субъектах Федерации. То есть внедрять на практике те самые федеративные принципы самоуправления, с которыми она упорно боролась на протяжении последних полутора десятков лет в стране, кроме той части, называемой Чечней, которая отстояла такую де-факто широкую автономию с оружием в руках.

Россия формально ведет борьбу за Крым – как это видит себе большинство нормальных российских обывателей – под лозунгами справедливости, защиты национального достоинства, под лозунгами свободы самоопределения народа и защиты – да, да! – прав человека. Но разве эти лозунги не актуальны для самой России? Где, кстати, никаких референдумов власти не дают проводить уже более 20 лет ни по каким вопросам. Даже таким мелким, как, скажем, вопросы организации парковки в Москве. Или застройки того или иного района.

Само по себе возвращение Крыма может стать основой для общенационального подъема лишь на короткое время. В отличие от идей, которые в связи с этим продекларированы. И это вовсе не идеи противостояния, вражды со всем окружающим миром, как кажется в эти истерические дни. Состояние «осажденной крепости» не может стать основой национальной идеи. Осознание собственной ущербности не может стать ее основой. Это может быть только позитивный образ будущего. Не ненависть и вражда. А Русская Мечта.

Отдельный вопрос – экономическая жизнь России в целом в условиях санкций. Это стресс-тест российского режима.

При нынешнем низком качестве государственных институтов это вызов не только экономической, но и политической стабильности. Задвинувшая на заднюю полку всякую модернизацию страна не может выстоять в таком противостоянии. С коррумпированными силовыми структурами, погрязшими в крышевании и рэкете. С фарсовыми судами, не способными защитить того, от кого сейчас в первую очередь будет зависеть экономическое выживание страны, – отечественного предпринимателя, частного собственника. С судами, не способными защитить и простого обывателя (он ведь, по идее, опора режима в трудные годы) от коррумпированной бюрократии. С окончательно зарвавшейся номенклатурой, душащей всякую предпринимательскую активность на корню и всякое проявление гражданского самоуправления и самоорганизации. С продавленными административными путями на свои должности, не пользующимися доверием народа губернаторами, мэрами, с непонятно как попавшими в разные думы «заседателями», работающими взбесившимися принтерами.

Иногда сравнивают Россию с Ираном: мол, персы уже много лет живут под санкциями – и ничего (хотя последствия и для их экономики ужасны). Но при этом забывают, что реальной ответственности (даже демократии в каком-то смысле) тамошней элиты перед народом больше, чем в сегодняшней России. Экс-президент Ахмадинежад, к примеру, не может похвастаться покоями вроде тех, что у Януковича и у наших «слуг народа», а вернулся на работу в университет, куда ездит на автобусе. Даже лимузина не нажил.

Возвращение Крыма России и внешние вызовы, которые этому сопутствуют, требуют от сегодняшней России таких реформ во всех областях жизни, которые сопоставимы с теми, что провел после Крымской войны 1853–1856 годов император Александр Второй.

Именно с его реформ – отмены крепостничества, судебной, земской и др. – начался подъем России, выведший ее в ведущие державы мира в начале XX века. К ним императора подтолкнула та же причина – неконкурентоспособность страны перед лицом внешнего мира. Она же, по большому счету, лежит в основе и нашей сегодняшней «потери Украины», потери исторически близкого народа, не увидевшего в России привлекательного образа будущего, который позволил бы ему однозначно повернуться к нам лицом, а не к «загнивающей» Европе.

Крымчане, которые до недавних пор не рассматривали в практическом плане свое бегство из Украины в Россию и склонились к этому лишь под давлением острейшего кризиса на самой Украине, могут быть неприятно удивлены некоторыми российскими реалиями. Если нынешние правители России смогут найти в себе силы воспользоваться этим историческим шансом, чтобы превратить страну, начав масштабные модернизационные преобразования и реформы, в сильное, конкурентоспособное, процветающее государство, служащее примером для подражания, привлекательной моделью для других народов, прежде всего соседних, то история простит им многие ошибки. Если нет, то они уже скоро приведут страну к катастрофе.

2014 г.

Хотели русские войны?

Ввод «ограниченного контингента» на Украину означает начало войны. Мы не знаем, до каких масштабов она разрастется и какую цену придется заплатить ее участникам. Мы не знаем, какие «ответные меры» приготовят нам западные «партнеры». Мы даже не знаем пока, кто выстрелит первым и каковы будут людские потери.

Если войска будут введены, придется отложить в сторону многословные призывы к гуманизму и рассуждения о том, что человеческая жизнь дороже государственных амбиций и геополитики. Потому что вопрос уже поставлен ребром: до какой степени можно уступать – во имя мира и бытового спокойствия, – когда речь идет о таких кажущихся обывателю абстрактными понятиях, как национальное достоинство и национальные интересы.

Или никакие национальные интересы не стоят того, чтобы их защищать силой?

Кризис на Украине не мог закончиться хорошо. Страна шла к этому 20 лет. Мы ей в этом помогали. Мы проспали Украину. Считая ее недогосударством, не возвращали пророссийскую политическую элиту, увлекшись играми с газовым вентилем.

Мы уповали на славянское братство, а оно обернулось тем, что в результате революции (или госпереворота, смотря откуда смотреть) к власти на Украине пришли люди, настроенные к нам откровенно враждебно.

Однако Майдан, что важно, случился вовсе не потому – вопреки пропаганде на госканалах ТВ, – что на него сыпались западные гранты. Он случился потому, что не без нашей помощи президентом страны стал, как теперь наглядно видно, откровенный слабак (хотя, конечно, здесь просится другое слово), мозгов которого хватило лишь на безудержное воровство.

Заверений Януковича в том, что он не будет прозападным политиком, оказалось достаточно нашим мудрецам, охваченным антизападной паранойей (согласитесь, есть разница между паранойей и взвешенным, расчетливым отстаиванием своих интересов в отношениях с тем же Западом), чтобы терпеть все его выкрутасы, в том числе наглую коррупцию. Которая, впрочем, и у многих наших – норма жизни, прикрываемая таким же трэш-патриотизмом.

Но пленку истории нельзя отвернуть назад. Мы там, где оказались. В последние месяцы украинской драмы Запад откровенно увлекся игрой в перетягивание каната на Украине с ненавистным ему Путиным.

В этой игре были отброшены все приличия и окончательно утвердились двойные стандарты. Это сейчас Европа говорит, что готова обсуждать Украину с Россией. Поздно. Или еще рано. А в ноябре «евроинтеграция» категорически объявлялась суверенным делом свободолюбивого украинского народа. Многомесячный Майдан, перераставший в массовые беспорядки, нельзя было разгонять, ибо это противоречило европейским нормам. Обидевшись на срыв соглашения об ассоциации, ситуацию целенаправленно вели к свержению хотя и до предела коррумпированного, но все-таки законного режима. Напоминает историю с Саркози, про которого то ли Каддафи, то ли кто-то из его сынков сказал, что он получал от них деньги на избирательную кампанию. В результате Франция стала активнейшим участником свержения обидчика.

Народ имеет право на восстание? Согласились. Но тогда он теперь имеет право на восстание и в других частях Украины. В Донецке, Харькове, Крыму...

Запад, прежде всего ЕС, во главе дипломатии которого находятся те еще чемберлены с талейранами, сильно недооценил роль, которая отводится Украине в мировоззрении российского правящего класса и лично Путина. Они полагали, что пафосные истерики Дм. Киселева – это всего лишь постановочный ура-патриотический угар. А это была трансляция мыслей сверху, пусть и в экзальтированной форме.

Можно посоветовать еврокомиссарам почитать книжку Путина, изданную еще перед первым президентством (серия интервью Андрею Колесникову и Наталье Геворкян «От первого лица»). Там есть воспоминания из детства о загнанной в угол крысе. Когда ей отступать некуда, она безрассудно и отчаянно атакует.

Если где-нибудь на семинаре в информцентре НАТО можно рассуждать, что вступление Украины в НАТО – нормальный процесс, то для России, в силу многих исторических причин, это воспринимается как экзистенциальная угроза. Та, с которой надо бороться всеми имеющимися средствами. В слова, что НАТО не против России, не верят сами их произносящие. По той причине, что новая холодная война между Западом и Россией уже началась. А может, она и не заканчивалась?

Можно долго рассуждать о ее истоках, о том, сколь велик был наш собственный вклад – вклад отечественной коррумпированной, не желающей жить по цивилизованным стандартам номенклатуры, – это отдельный разговор. Вклад же Запада был в том, что даже постсоветскую Россию там боялись и не доверяли ей. Это и сейчас видно по тому, как не хотят европейцы идти на безвизовый режим с Россией, хотя это и в их интересах тоже, поскольку способствовало бы сближению народов, большему взаимопониманию и взаимопроникновению культур.

И что теперь, уступать дальше во имя гуманизма и мира? Таким вопросом, наверное, задавались в Москве. До какой степени? Пустить НАТО на Украину с базой в Севастополе? Это, мол, не угрожает России. А кому тогда это угрожает? И, наконец, как правитель, полтора десятка лет «поднимавший с колен» свой сильно страдающий «веймарским синдромом» народ (который от него не лечили), будет смотреть ему в глаза?

В силу характера нынешнего российского режима и господствующих в обществе идеологием правитель не может поступить иначе, чем отправить в Крым «ограниченный контингент».

Россия предала русских в Средней Азии и Закавказье. Которых лишали жилищ и имущества, резали, как в том же Баку, когда свергали Муталибова. Над которыми издевались и сделали, по сути, людьми второго сорта, – по всей Средней Азии, где у русских есть проблемы. В том числе в «таможенносоюзном» Казахстане. Сколько сейчас русских осталось в Чечне и что стало с их имуществом, тоже интересный вопрос. Но значит ли это, что надо спокойно смотреть, как агрессивная дерусификация (о чем открыто говорят лидеры Майдана) пойдет крестовым походом по степям Украины?

Говорят, вместо помощи Крыму можно построить десятки больниц и школ. Как и вместо Олимпийских игр. Но русское государство исторически строится на иных идеологиях. В которых размен школ, больниц и пенсий на национальную гордость, как она понимается большинством (большинством, на поддержке или конформистском непротивлении которого и покоится нынешняя власть), не работает!

Что касается методов отстаивания интересов, мы, конечно, не привыкли к иезуитски выверенному юридическому изяществу. Но надо учиться у партнеров. Прежде всего, не забывать про «демократический процесс». Включая «мирный захват» правительственных учреждений в Крыму силами добровольцев. Ведь то, что добровольцы захватили власть в Киеве, никого не смущает.

Добровольцы могут закупать и получать оружие где угодно, не так ли? Почему добровольцам, сражающимся против Асада, можно поставлять оружие, а добровольцам, сражающимся за суверенитет Крыма, нельзя? «Ограниченный контингент» лишь «обеспечивает мир и спокойствие», все остальное – сам самоопределяющийся с добровольцами народ. Далее – законное волеизъявление народа на референдуме. С привлечением наблюдателей.

Почему Шотландия и Каталония, Восточный Тимор и Южный Судан, даже Косово (!) имеют право проводить референдумы о самоопределении, а Крым нет?

Россия, начавшая большую игру в Крыму, вступает в сильнейшее противостояние с Западом. Первая реакция будет в виде символических, но болезненных жестов: бойкот саммита «большой восьмерки», принятие обидных резолюций. Затем будут санкции. Я боюсь, нам придется хлопнуть дверью в Европу и во все европейские структуры. Военное столкновение с силами НАТО сейчас кажется немыслимым. Однако ситуация развивается быстрее, чем мы можем осознать.

Возможно, назревающую «маленькую победоносную войну» не переживет наша экономика. Возможно, выпущенные, словно джинн из бутылки, разрушительные процессы нанесут самой России удар такой силы, от которого ей будет трудно оправиться. Возможно, дойдет до момента, схожего с тем, что настал в ноябре 1962 года, когда Хрущев и Кеннеди размышляли, нажимать ли на «ядерную кнопку». Оба воевали, знали, что такое война, возможно, только это их остановило в последний момент. Нынешнее поколение политиков большой войны не видело.

Возможно, все последующие ходы будут вести только к ухудшению ситуации. Однако даже страшное осознание этих обстоятельств, боюсь, уже не остановит покачившуюся под откос машину. Альтернатива этому была еще вчера (в историческом масштабе), когда можно было построить мир на универсальных принципах справедливости и без двойных стандартов, а национальную политику – на принципах честности и ответственности перед демократическим гражданским обществом, – и да, да! – на принципах здорового либерализма. Возможно, такая альтернатива снова забрезжит в будущем. Послезавтра. Но не сейчас.

2014 г.

Украина как Сомали

Риторика СМИ и политиков относительно событий на Украине оставляет мало сомнений: такие слова, обвинения и интонации уже нельзя будет вернуть назад. Уже сказано столько и в такой тональности, что если за всем этим не последует применение военной силы, это встретит как минимум недоумение. Те, кто вчера были «братьями-славянами», сегодня сплошь стали «фашистами» и «бандеровцами». Слово «фашист» уже вообще затаскали до банальности.

Кажется, втягивание России в войну на Украине не имеет тормозов, оно предстает делом скорого времени. И уже без разницы, сама ли она втягивается или ее туда провокационно заманивают.

Это было трудно представить еще пару лет назад, но на сегодня, по сути, никакие аргументы Москвы по поводу украинских событий Западом не воспринимаются категорически. А ведь недавно все эти люди дружески хлопали друг друга по плечу и заседали в «большой восьмерке».

Похоже, Москва уже не вполне контролирует вооруженные формирования на юго-востоке Украины, даже если сама в свое время и спровоцировала их на сепаратистский бунт. Так обычно и случается с джиннами войны, выпущенными по умыслу или неосмотрительности. Если эти люди не остановятся (а как они могут теперь остановиться?), при том что ими, помимо Москвы, могут манипулировать и местные олигархические или криминальные группировки, в этом все равно в глазах Запада будет виноват Путин.

Ему вот-вот будет объявлена полномасштабная экономическая война. К которой Россия в нынешнем состоянии по большому счету не готова. Невыгодна такая война и Европе. Но в истории бывают моменты, когда все экономические расчеты отбрасываются прочь и в ход вступает именно логика войны. Сегодня такой момент настал.

Сценариев развития ситуации на Украине может быть несколько.

Наиболее обсуждаемый – ввод российских войск на юго-восток. Поводов может найтись множество и уже в любой момент. Для кого-то сгоревшие заживо почти полсотни пророссийских активистов в Одессе – уже достаточный повод. Вот глава эсэров Сергей Миронов, словно пытаясь загладить перед Кремлем прегрешения своих «болотных» однопартийцев вроде Гудкова и Пономарева, требует ввода войск, дабы «задавить фашистскую гадину в ее гнезде». А другой видный политик готов променять свои должности на место в окопе с защитниками Славянска. Однако из Миронова – тот еще Пуришкевич, не появится он на броне танка миротворческих сил, входящих на юго-восток, а в окопах Славянска не найдется сложивших с себя высокопоставленное бремя российских номенклатурщиков.

Воевать, погибать и платить за все будут другие.

Военная операция на юго-востоке кардинально будет отличаться от проведенного без единого выстрела присоединения Крыма. Идея вхождения в состав России не встречает в этих регионах Украины такого воодушевления, как в Крыму, и вряд ли набрала бы даже близко к половине голосов при любой организации подобного референдума. Вместе с тем сопротивление не только украинской армии, но и всевозможных новообразованных вооруженных формирований вроде того же «Правого сектора» российским войскам может оказаться существенным.

Главное, что потом эти территории даже в случае «миротворческого блицкрига» надо будет контролировать, снабжать и прочее. Это может стать непосильной ношей для российской экономики, особенно в условиях масштабных санкций и нарастающей международной изоляции. В свою очередь, невозможность быстро улучшить жизнь тамошнего населения (в том числе работающего на убыточных донецких угольных шахтах), к тому же настроенного по большей части не так благожелательно, как в Крыму, может привести к росту недовольства, протестов и партизанщине.

Другой сценарий теоретически возможен в случае быстрого подавления очагов сопротивления сепаратистов верными Киеву силами. При этом зачистка зданий, городов и территорий еще не означает разгрома ополчения. Это осуществимо лишь при полном невмешательстве России, ее, по сути, примирении с, как ее называют в Москве, «киевской хунтой», при том что сепаратисты будут лишены и скрытной помощи оружием и иными средствами борьбы. Проблем юго-востока это не решит, но позволит провести выборы президента 25 мая – более организованно на западе страны и хуже – на востоке.

Появится президент, которого Запад признает легитимным, вне зависимости от голосования на востоке. Москва результаты таких выборов не признает. Ее позиция – сначала конституционная реформа – в свою очередь не встречает понимания на Западе. В один прекрасный момент этот «легитимный президент» может попросить и о военной помощи, не говоря уже об активизации процесса вступления Украины в НАТО.

Кошмарный сон обитателей Кремля сразу после бегства в феврале Януковича о военной базе НАТО в Севастополе и ракетах американской ПРО под Харьковом повторяется.

Отчаянное сопротивление Москвы такому ходу событий любыми средствами гарантировано. Идею насчет НАТО под Харьковом можно, конечно, считать паранойей, но это медицинский факт. Эскалация катастрофы, несмотря на формально состоявшееся избрание президента страны, продолжается с упором на экономические рычаги – разрыв связей, перекрытие газа и пр.

Третий сценарий: длительное вооруженное сопротивление Киеву со стороны ополченцев юго-востока с переменным успехом.

Вопреки обвинениям со стороны Запада, а также на фоне отсутствия явных тому доказательств, Москва осуществляет завуалированную помощь сепаратистам. Очаговая и «гибридная война» перерастает в партизанскую и масштабную. Украинские силовики, возможно, частично переходят на сторону этой силы, которой удастся удерживать ряд территорий, создавая там свои органы управления. Происходит реальный раздел страны, что теоретически рано или поздно должно облегчить переговоры о так называемой федерализации. Именно теоретически, потому что сфера украинской политики – это не та сфера, где конвенциональная логика легко пробивает себе путь.

И пока Запад не надавит на Киев, тот не сделает и шагу навстречу юго-востоку и тем более Москве.

Для осуществления такого сценария у сепаратистов явно не хватает сил. При всех обвинениях, что ими дирижирует Москва, нет ни требуемого в таких случаях единого командования, ни сколь-либо авторитетных лидеров даже уровня полевых командиров. Если бы у Москвы был четкий план (а не тактические импровизации) прикрыться такими силами сопротивления из местных, за спиной которых можно попытаться реализовать свои намерения, то он тут пока не просматривается.

Похоже, что ситуация сползает в самый опасный формат – не контролируемой уже никем хаотизации страны.

Если у всех, включая прежде всего Путина, хватит терпения просто выждать, когда с этим «переспелым плодом» можно будет делать все, что угодно, когда его дальнейшее гниение будет воспринято неприемлемым для всех вплоть до проявления готовности к компромиссам, то из этого еще можно вырулить. Но доверия между Москвой и Западом нет, мосты взаимодействия рушатся на глазах.

И когда тебя все более откровенно хотят превратить в «государство-изгой» (даже не отдавая себе отчета в последствиях «успеха» такой тактики применительно к ядерной державе), тут нервы могут и не выдержать.

Объективно наиболее разумным вариантом урегулирования на Украине был бы тот, который на сегодня выпадит абсолютно нереализуемым. Это внешнее управление, навязанное совместно Западом и Москвой. Вплоть до ввода согласованного в ООН или ОБСЕ миротворческого контингента. Но для этого надо не только договориться между собой, поднявшись над вульгарными амбициями, но и отбросить всякие благоглупости по поводу «демократического самоопределения» народа.

Украина сегодня – не то место, где формальная демократия может принести надежные результаты. Новые формы госуправления там не могут и самозародиться на некоем общенациональном «круглом столе». Потому что непонятно, кто и как за него сядет. Этот «стол» может быть только организован внешними силами, участники его посажены туда принудительно и во многом произвольно, а условия их будущего мирного сосуществования в рамках одной страны (или конфедерации) должны быть им надиктованы предварительно о том между собой договорившимися внешними игроками.

Речь о том, чтобы в XXI веке были применены циничные и brutальные методы дипломатии века XIX. Разве что без предварительной войны между «высокими договаривающимися сторонами». Пока без войны. Возможно, при этом, что состав переговорных команд подвергся бы некоторому расширению и обновлению – ввиду того, что многие уже между собой просто не разговаривают, как Путин с Обамой, – может, начать разговаривать Медведеву и Байдену?

Ничего зазорного в методах XIX века уже нет, поскольку никакой способности к новым, «просвещенным», показывающим эффективность методам межгосударственного согласования сложных международных проблем после окончания «холодной войны» миру не явлено.

Украина, которую в считанные месяцы в результате проявления всеобщей недоговороспособности, недальновидности, безответственности, противостояния самых примитивных человеческих амбиций и низкопробной игры в «перетягивание каната» довели до состояния практически коллапса государственности, – наглядный тому пример.

Какие еще «наземные» аргументы нужны, чтобы все внешние игроки наконец поняли, что без внешнего управления, причем именно скоординированного Москвой и Западом, Украина из кризиса не выйдет? Должна ли это быть новая катастрофа по типу чернойбыльской? Должен ли экономический крах украинской экономики перерасти в гуманитарную катастрофу? Для предотвращения которой не хватит никаких денег МВФ, потому что для их эффективного использования нужны работающие государственные институты.

Нет ни одного примера успеха финансовой помощи для failed state. Должен ли процесс «сомализации» ряда регионов страны, прежде всего юго-востока, зайти так далеко, что счет жертв уже пойдет на тысячи? В этом случае забрезжит совсем другой сценарий: когда русские и натовские войска будут разглядывать друг друга в прицелы, встав по обе стороны Днепра. До середины которого уже точно не долетит никакой «голубь мира».

2014 г.

Некрымские настроения

«А не предаст ли Россия наших братьев в Донецке, Славянске и Луганске?» – такой вопрос уже шелестит в ультрапатриотической части политического спектра. И не только. Подавляющее большинство населения восприняло присоединение Крыма с воодушевлением. В то же время опросы дают уровень поддержки военного вмешательства на юго-востоке Украины не более 30 %.

И все же многие могут усмотреть разрыв шаблона между действиями России в Крыму и почти полным бездействием на уровне официального вовлечения на юго-востоке. При том что в Крыму не было ни выстрелов, ни крови. А тут кровь льется ручьями, гибнут мирные жители, леденящие душу кадры гуляют по соцсетям. Славянску, конечно, еще далеко до Грозного времен второй чеченской, однако артобстрелы жилых кварталов, увы, факт, как и не совсем, скажем мягко, точечное применение авиации. Узнать правду об истинном положении дел на фронте, числе боевых потерь и жертв среди населения становится все труднее. Везде либо ложь, либо пропаганда.

И вот, думает иной патриот, получая на диване впрыск дозы официозного агитпропа, в эти трагические дни, когда героический фанатик русского правого дела Стрелков держит оборону перед лицом превосходящих сил «киевской хунты», Владимир наш Владимирович ручкуется со всякими олландами и меркелями, не говоря уже о примкнувшем Кэмероне (с которым, впрочем, обошлись без публичного рукопожатия), и даже переговорил с этой «марионеткой Госдепа» Порошенко. А не в морду дал и не кинул через бедро с захватом шеи прямо на званом обеде.

Как же так, мол? Почему не введет туда войска, чтобы защитить русских людей? Неужто испугался санкций, прогнулся перед Западом, выставившим ему в Нормандии окончательный ультиматум?

Попробуем разобраться без истерики.

Хотя решение не вводить войска на Украину (пока) и было принято некоторое время назад (кто-то видит связь с неожиданным предложением Путина перенести референдумы в Донецке и Луганске в начале мая), это не означает, что такой вариант не рассматривался. Более того, его, на мой взгляд, нельзя исключать и в будущем.

И не столько потому, что в российском руководстве есть силы, которые склоняются именно к военному решению проблемы (а они есть), а потому, что ситуация на Украине может принести еще немало неприятных сюрпризов. Очередное обострение кризиса возможно уже осенью, на сей раз выступления уже против Порошенко. Но пока вводить войска нецелесообразно. Можно выждать.

Как ни цинично это звучит на фоне зашкаливающей пропаганды, но подобные ситуации лучше рассматривать с позиции военно-полевой прагматики. Это в голливудском кино только кладут кучу народу, чтобы спасти одного рядового Райана. Отечественная военная практика знает массу обратных примеров, когда целые армии обрекали на гибель либо потому, что они отвлекали силы противника от других направлений, либо потому, что идти им на выручку сочли невыгодным в конкретных условиях.

Судя по всему, в Москве рассудочно оценивают ситуацию на юго-востоке.

Боевые возможности ополченцев, несмотря на просачивающиеся к ним «невесть откуда» вооружение и бойцов, ограничены. Они способны противостоять украинской армии разве что в формате партизанских действий. Но в этом и есть их роль. На данном этапе – исчерпывающая.

Ни ДНР, ни ЛНР не удалось создать дееспособные параллельные официальным органы управления, рекрутировать на свою сторону существенную часть местной номенклатуры и, что еще важнее, силовиков. Ополченцы не контролируют даже большей части Донецкой и Луганской областей. Местные силовики если и готовы разоружиться в ходе отдельных стычек, то не хотят влиться в ряды вооруженных защитников ДНР и ЛНР. Лучше уж они пойдут по домам и оттуда дождутся исхода смуты.

Судя по всему, нет на стороне лидеров ДНР и ЛНР и большинства населения: обыватель не хочет платить высокую цену за непонятную «федерализацию», входить в Россию большинство не хочет тем более. Настроения явно не крымские.

По-видимому, результаты проведенных в ДНР и ЛНР наспех референдумов Москву не впечатлили. Ставка на массовый поток «добровольцев» из России, видимо, не оправдалась или сочтена рискованной. Потери в этом случае трудно скрыть, надо будет признавать факт вмешательства.

В то же время с нуля спровоцировать борьбу ополчения на юго-востоке было бы невозможно (мол, только Путин стал причиной эскалации кризиса, и только он, значит, продолжает утверждать Запад, может дать команду на деэскалацию). Значит, тому были причины, и Киев, и Запад это должны признать.

Утверждать иное – это примерно то же самое, что говорить, что и киевский Майдан был спровоцирован с нуля, лишь по заговору Госдепа.

Вместе с тем украинская армия, несмотря на состояние полураспада, видимо, нашла достаточно сил, чтобы воевать с сепаратистами. В случае появления на территории Украины регулярных российских войск решимость сопротивляться еще

больше возрастет. Так что для проведения успешной миротворческой операции России понадобилось бы бросить на этот фронт не менее чем 100-тысячную группировку. Примерно как в Афганистане. И быть готовой к тому, что ее поход по степям Украины не станет легкой прогулкой с массовыми праздниками и бросанием цветов под гусеницы танков по пути продвижения «На Киев!».

Роль ополченцев юго-востока с военно-политической точки зрения – это продержаться как можно дольше, дабы укрепить переговорные позиции Москвы в диалоге с Западом и тем более с Киевом.

Продержаться, пока не будет проявлена готовность к компромиссу. С побежденными ведь какой разговор?

Задача-минимум Москвы – добиться внеблокового статуса Украины и автономизации юго-востока с предоставлением ему права на экономические широкие и тоже автономные связи с Россией. Последнее должно дать выигрыш во времени года на два, чтобы заменить украинских поставщиков российского ВПК. Во многом это, возможно, становится вопросом искусства тайных спецопераций по военно-техническому снабжению ополченцев.

Тайные операции – это не ноу-хау Москвы, и смущаться тут нечего. Тем более что пока никому не удалось уличить Москву с фактами в руках по поводу такой поддержки. И даже «стиральным порошком» потрясти с трибуны ООН (как привел в пример Путин методы доказательства США обладания Ираком химоружием), дабы оправдать новые санкции против России.

Впрочем, политика двойных стандартов применительно ко всему, что творится на Украине, достигла уже таких высот, что обойдется и без доказательств. Довольно будет ощущений в масштабе G7.

Что касается экономической стороны вопроса, то взятие Донбасса под крыло России (даже на манер Южной Осетии и Абхазии) – вариант, теоретически возможный лишь в условиях гражданской или мировой войны, когда уже никакой экономики и нет, а есть лишь тотальная мобилизация. Мирная российская экономика этого не выдержит, как и полномасштабных секторальных санкций. А вот военная экономика и не такое выдерживала. Этот момент войны, хотя угроза и висит в воздухе, еще не настал.

Теперь о репутационных рисках и прочих эмоциях насчет «предательства» русских Донбасса. Если бы речь шла о другой стране, то правитель, вознесшийся на вершину рейтинга на операции, подобной Крымской, а затем вдруг сломавший логику ура-патриотического подъема, мог бы начать опасаться за свою судьбу.

Тут возможны всякие сценарии, когда некая группа заговорщиков-патриотов либо смещает «отступника», либо ограничивает в действиях. Мол, прогибаться перед Западом преступно, надо идти до конца. На санкции ответить всеобщей мобилизацией (живет же Северная Корея). Если понадобится, то идти и до полного конца, то есть до ядерного. Уверен, что такие люди есть в российской правящей номенклатуре. Более того, если Путин сочтет, что ситуация на Украине складывается катастрофически для России, а все иные методы ее разрешения исчерпаны, то до конца пойдет и он.

Потому что «потеря» Украины – это экзистенциальная угроза для России. Эта мысль в Кремле безальтернативна. Просто еще не все методы исчерпаны.

Российская политическая система уникальна. Уверен, «тефлоновый эффект» Путина сработает и на этот раз. Не будет массовых волнений ультрапатриотов, ворчание по поводу «нерешительности» действий власти на фоне «кровавых преступлений киевской хунты» не приведет к антиправительственным выступлениям. Нет ни организованных сил, ни готовности к какой-либо политической активности в народе.

Что же касается элиты, то ее политические амбиции оскотлены в системе вертикали власти. Лояльность полная, хотя часто и неискренняя, готовность к действиям против первого лица в стиле самосожжения во имя неких «принципов» – нулевая. Даже если кто-то и в ужасе от происходящего и перспектив полной изоляции страны. То же самое касается армии и спецслужб. Даже унижительный (а он именно унижительный, ибо неоправданный в таком виде) запрет отдыхать в турциях и египтах массово проглотили, поворчав с женой на кухне.

У Путина – уникальная свобода действий. И уникальная ответственность, которую на себя никто, кроме него, ни в каких значимых вопросах, а не только касаясь Украины, даже частично взять не готов.

Такой концентрации власти в одних руках при полной дезактивации всех прочих государственных и общественных институтов, пожалуй, еще не было в российской истории. Некому с него и, как говорится, спрашивать. Ну не нынешней же Думе. Только ему самому с себя – перед лицом истории и своим представлением о желаемой роли в ней.

При этом из данной коллизии с точки зрения удовлетворения всяких патриотических ожиданий есть достойный выход. И вовсе не милитаристский, хотя с милитаризмом у нас часто и ассоциируется патриотизм. Он – гуманитарный.

Русским с Украины можно помочь, не отправляя туда танки. Принять и обустроить беженцев. Собрать помощь. Если надо, дать гражданство, приютить, предоставив не символическую, а полновесную помощь. Кажется, что это много легче, чем строить батальоны и планировать военные операции. На самом деле намного сложнее. Уж точно сложнее, чем упражняться в уроках ненависти по отношению к соседнему государству на ток-шоу по телевизору.

От гибридной к настоящей. Кто готов воевать за Украину

Неделю назад могло показаться, что Минская встреча с участием Путина и Порошенко чуть приостановит сползание украинского конфликта к полномасштабной войне. Однако он продолжает развиваться по прежнему сценарию – от плохого к худшему.

Если рассматривать происходящее сквозь кривую призму СМИ, то украинская кампания стала поразительным откровением. Насколько, оказывается, при столь впечатляющем развитии информационных технологий, при всех этих социальных сетях, вездесущей блогосфере и чуть ли не абсолютной доступности всего и вся, возможно такое, чтобы война почти в центре Европы была окутана столь густым туманом пропаганды и лжи. Мало кто понимает, что на самом деле происходит. Война в информпространстве обрела свою внутреннюю логику, так просто ее не свернуть. «Полевые командиры» уже прочно вошли во вкус.

Параллельно с наземными операциями идут пиар-операции. По такой логике гуманитарный конвой с 280 «КамАЗами» был «ответом» на «пиар-катастрофу» со сбитым Boeing. Соответственно, «ответом» на конвой стали сообщения о захваченных российских десантниках, о других десантниках, якобы взорванных (как в советском кино «про фашистов» – вся ж мифология оттуда) героическими украинскими офицерами, не пожелавшими сдаться в плен, о третьих десантниках, якобы увиденных фотографами НАТО прямо из космоса, и т. д.

Короче, ровно тогда, когда пора было появиться на свет докладу по результатам расследования, что же там стало с Boeing, все затмил информационный шум о начавшемся «российском прямом вторжении».

Иное объяснение военных успехов сепаратистов уже более никого на Западе не устраивает. И если накануне и сразу после Минска говорили, что новые санкции против Москвы неуместны, то теперь собрался экстренный саммит ЕС, чтобы дать команду на подготовку их новой волны.

Просматривается и другой алгоритм: после каждого нового обострения ситуации идет прощупывание почвы. Мол, не достаточно ли уже мы вас, дорогие партнеры, удавили, прищемили вам хвост, не задыхаетесь ли, не желаете ли просить пощады или как-то начать договариваться по-хорошему? Ах нет, ну тогда мы, хотя и очень дорожим нашим партнерством, продолжим.

И это алгоритм действий не какой-то одной стороны (скажем, Москвы или ЕС). А всех. При том что «договор по-хорошему» каждый понимает по-своему. Основ для компромисса пока нет.

Свои пожелания Москва, по-прежнему не признающая себя непосредственно вовлеченной стороной, обозначила смутно: автономия восточных регионов плюс (негласно) внеблоковый статус Украины. Крым «не продается». Возможно, что-то в этом роде и было озвучено Петру Алексеевичу Владимиром Владимировичем во время посиделок в Минске. На что Петр Алексеевич ответил, видимо: «Я на такое пойти не могу». Ясное дело, что он не может. У него всегда возможен Майдан, импичмент и нож в спину от соратников.

«Ну тогда и я не могу», – возможно, ответил Владимир Владимирович. Ты же, мол, видишь, что меня эти ополченцы ну никак не слушаются, говори с ними сам.

После чего Петр Алексеевич, поразмыслив, отправился напрямик в Брюссель искать управу на Владимира Владимировича, чтоб приняли в ЕС «действенные меры». Которые по большому счету упираются в простой вопрос: кто готов воевать за Украину?

Санкции рано или поздно либо кончатся, либо озлобят «наказываемую сторону» уже до полной невменяемости, что сделает их бессмысленными. А вопрос этот останется.

«Гибридная» война хороша лишь по сравнению с открытой. Но и она не может длиться долго. Возникает своя внутренняя логика, вполне военная. Удары, контрудары, появление новых боевых задач, вовлечение новых сил. Нацеленность на победу. Озверение. Потери и желание отомстить. И самое главное – полевые командиры, отвязавшиеся от прежних штабов.

Нынешняя «гибридная война» плоха тем, что из нее нет плана выхода, поскольку изначально не было четко обозначенных и, главное, осознанных целей. Что должно стать «победой» в этой странной войне? Тактические цели все время меняются. Неизменной остается лишь мотивация: показать им «кузькину мать», чтоб нас уважали. В принципе пока презентация «матери» впечатляет, но эта «мать» не может быть самоцелью.

Процесс войны обретает самодовлеющий характер, что предопределяет дальнейшее сползание ее от «гибридной» к настоящей.

Идет «гонка преследования»: очередной выплеск «гибридной войны» вызывает ответ Запада в виде новой волны санкций. Однако при этом никакой «большой сделки» по Украине не просматривается и Западом не предлагается.

Там тоже не вполне ясно с целеполаганием: отыграть назад к 2013 году? Нереально. Если на тему учета интересов России в части соглашения об ассоциации Украины и ЕС хотя бы соглашаются говорить, то касательно перспектив вступления Украины в НАТО из Брюсселя доносятся ободряющие отклики, что, мол, и такое возможно.

Интересы России как бы признаются на словах. Но к «новой Ялте» никто не готовится.

Подразумевается иное (и именно эти настроения чаще всего и прорываются в высказываниях европейских политиков, не говоря

об американских): «Этот Путин вздумал, что он может крутить колесо истории, куда ему вздумается. За нами вместе с Америкой – больше трети мирового ВВП, за ним – немногим больше трех процентов. Мы ему это не позволим. Видали мы в Европе таких!». Это, в свою очередь, дает сепаратистам на юго-востоке все новые приливы «симпатий» через дырявую российско-украинскую границу.

Запад, вводя санкции, делал до сих пор это дозированно, исходя из того, что парни из Москвы, поселившиеся в другой реальности, как-то вернутся в реальность, совпадающую с тем, как ее понимают в Брюсселе и Вашингтоне. Притом на следующий раз тоже надо что-то оставить, чтобы было чем угрожать, если они, упрямцы, не внемлют.

Однако происходит обратное: у парней нарастает военный азарт и ожесточение. Особенно у самого главного. Он вообще блестящий тактик. А рассудочность все более уступает место логике схватки: тебя ударили – бей в ответ. Рано или поздно настанет момент, когда возникнет эйфорическое чувство, что терять, собственно, уже нечего. И в мозгах начнет звучать мотив «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

При этом не надо думать, что на Западе, в том числе в Европе и уж точно не в Америке, правят бал сплошь прагматики, высчитывающие на счетах цену каждого своего хода. Логика противостояния на манер «пацанской распальцовки» вполне может начать доминировать и в действиях зарубежных политиков. Уже, похоже, начинает. Соображения экономической целесообразности могут уступить политическим эмоциям.

Тем более что накручивающий истерию маховик СМИ крутится, публика ждет новых серий, пребывая в уверенности, что драма этой непонятной Украины их лично не коснется, а будет всем happy end.

Глава Еврокомиссии Баррозу на субботнем саммите ЕС говорил, что ситуация на Украине может пройти «точку невозврата». Разве она уже не прошла?

Однако противоборствующим силам (Москве, ополченцам, ЕС, Киеву и США) кажется, что в этой странной войне, как в какой-нибудь компьютерной стрелялке, успех может быть внезапным и окончательным. Он буквально уже за углом. Когда прозвучит «бинго!» – и ты победитель. Еще вчера «чуть было» не взяли Донецк и Луганск. Сегодня уже «вот-вот» могут потерять Мариуполь. Тогда возникнет идея «дожать санкциями». И тогда точно будет «бинго!».

Пока кажется, что вот стоит ополченцам продержаться до октября, а там наступит отопительный сезон, и все станут враз сговорчивее. Возможно. Особенно если бы октябрь настал уже завтра, минув сентябрь.

Вспоминая, какими темпами ситуация докатилась до своего нынешнего уровня, когда против России грозят ввести уже такие санкции, которые в финансовой области (самой чувствительной) близки по типу к антииранским и в короткое время изменят всю ее экономику до неузнаваемости, можно предположить следующее.

Не позже чем к октябрю, а возможно, раньше все ресурсы «гибридной войны» будут исчерпаны. Не будь она остановлена (как – пока не вполне понятно), на Украину уже открыто войдут российские регулярные войска.

В этих условиях даже всякие соображения насчет стабильности нефтегазовых поставок для Европы перестанут оказывать решающее сдерживающее воздействие.

Но даже если на месте Украины останутся и вовсе руины, воевать за это пространство (не экономическими методами, а именно военными) на сегодня пока готова лишь одна сторона. Чувствуя это, она совершенно не понимает, почему никто не хочет принять какие-то ее условия.

Очередная развилка – встреча контактной группы (представители ОБСЕ, России, сепаратистов, Киева) в Минске, когда дамоклов меч третьей волны санкций уже занесен. Диспозиции те же.

Киев представит некий мирный план по прекращению огня, исходя из своей «реальности». Ополченцев, живущих в другой «реальности», он заведомо не устроит. К тому же сугубо военная логика диктует им, полевым командирам, сейчас развивать тактический успех, наступая на юг Украины в сторону Крыма.

ЕС через ОБСЕ будет взывать к «международным нормам», чтобы хотя бы добиться прекращения огня и, возможно, доставки нового гуманитарного конвоя, – это будет подано как успех дипломатии, и дамоклов меч сможет повисеть еще какое-то время в приходе.

2014 г.

Накануне славных битв

Было бы странно, если бы после жесткой сочинской речи Путина Москва резко сдала назад в части своего отношения к самопровозглашенным ДНР и ЛНР, отказавшись признать тамошние выборы. Они были «обречены» на признание, тем более что Путин однозначно это дал понять, поставив, по сути, знак равенства между выборами в Раду и на юго-востоке: если уж мы признали первые, то почему не должны признавать вторые?

Можно усмотреть и еще одну аналогию – со сравнительно недавно прошедшими выборами в Афганистане. Назвать их безупречными с точки зрения «формальной демократии» – язык не повернется. Однако, в понимании Кремля, «вашингтонский Юпитер» считает законным, «демократичным» и соответствующим международному праву то, что сам захочет. А чем мы, собственно, хуже? Да ничем.

Теперь Москва и Запад ссылаются на одни и те же Минские договоренности, прямо противоположным образом трактуя то, что там написано про выборы в Донецке и Луганске.

Запад и Киев выборы уже заранее признавать отказались, вне зависимости от чистоты/нечистоты процедуры: они проводятся не по украинским законам и противоречат украинской конституции.

Подразумевается, прежде всего, подписанный Порошенко «Закон о временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей», трактующий такие выборы как сугубо местные и назначивший дату их проведения на 7 декабря. Пункты 3 и 9 протокола сентябрьских Минских соглашений отсылают к этому закону, отдавая ему, таким образом, все вопросы их регулирования.

Однако МИД России выступил с другой трактовкой: «В соответствии с Минскими договоренностями, достигнутыми в сентябре между представителями президента Украины и ополченцев юго-востока при участии представителей России и ОБСЕ, проведение упомянутых выборов согласовано в период с 19 октября по 3 ноября. Ссылки на то, что подписанный 16 октября Порошенко закон об особом порядке самоуправления на указанных территориях установил в качестве даты выборов 7 декабря, противоречат Минским договоренностям. Дата 7 декабря была включена в закон произвольно, в одностороннем порядке, без какого-либо обсуждения с ополченцами».

Строго говоря, в подписанном протоколе из 12 пунктов нет ни слова о дате выборов вообще (а есть отсыл к украинскому закону) и, скорее всего, в данном случае речь идет об апелляции к неким фактам и датам, которые были устно проговорены в ходе самих переговоров, однако потом на бумаге с подписями не зафиксированы.

То есть МИД как бы говорит: это, мол, не по понятиям, как же так? А ему в ответ – ничего не знаем, покажите бумагу.

Все это уже вполне привычно для той обстановки взаимной ожесточенности, даже «упертости», которая определяет теперь отношения России с Западом. Ситуация сильно деградировала по сравнению с весной и летом, когда (до малайзийского «Боинга») можно было представить себе относительно быструю отмену антироссийских санкций в ответ на некие явные встречные шаги Москвы.

Сегодня все уже поняли, что это надолго.

После отказа Евросоюза смягчить санкции в ответ на подписание и относительное соблюдение Минских соглашений о прекращении огня в Москве, кажется, все меньше воспринимают санкции как сдерживающий фактор. Пришло понимание, что с их отменой будут тянуть, что бы мы ни делали. С некоторой натяжкой это можно сравнить с ситуацией, когда тебя хочет побить дворовая шпана: понятно, что «вломят», но бежать как-то «западно». Потому что потом будут отлавливать и снова «вламывать» по поводу и без.

И когда кто-то рассуждает, что, мол, надо «слить эту Луганду», исходя из чисто прагматических соображений – ведь миллионы российских граждан почувствуют эффект противостояния с западным миром на собственном кошельке, – то это совсем не та логика, которой готовы руководствоваться люди, принимающие в Москве решения.

Голая «прагматика» отодвинута на второй план, есть готовность двигаться навстречу новым проблемам с решительной обреченностью.

А как иначе? Тем более что значительная часть работы по подготовке к существованию в условиях изоляции (создание внутренней системы банковских расчетов, обеспечение устойчивой работы «внутреннего интернета»), видимо, уже проведена. Мы сегодня лучше готовы к конфронтации «технологически», хотя слабее экономически, чем весной. Если к столь масштабной конфронтации вообще можно подготовиться.

Такая же ожесточенность проявляется и в действиях Запада. Там все больше говорят о «ценностях и принципах», а не о 6-миллиардном ущербе для сельскохозяйственных экспортеров из-за российских «селфи-санкций».

Подразумеваемая, конечно, уже другое – то, что пока не произносится вслух – курс на снос российского режима. Похоже, на Западе возобладали мнение о действенности антироссийских санкций: вон у них там и рубль катится под откос, и экономика трещит по швам. Противопоставить этому такие аргументы, как нахождение новых точек, драйверов экономического роста,

стимулирование предпринимательской активности хотя бы в виде освобождения бизнеса от административного и фискального прессинга, Москва пока не в состоянии.

Для этого нужны решительные структурные институциональные реформы (в том числе судебная, делающая невозможным появление «из рукава» дел, подобных делу Евтушенкова-«Башнефти»), а возможно, и смена правительства. А вот Китай, к примеру, сумел в свое время именно сильным ростом ответить на санкции Запада после событий на площади Тяньаньмэнь.

Теперь одни будут говорить о «достигнутых договоренностях», а другие ссылаться на юридические формальности, но слышать они друг друга не будут. Эти аргументы вообще произносятся уже не для оппонентов. А для подтверждения уверенности в собственной правоте.

Говоря о непризнании выборов в ДНР и ЛНР, а также о возможных новых санкциях против России, Евросоюз и Америка, упирая на формально зафиксированные минские 12 пунктов, лукавят в другой части. Настаивая на выборах по-киевски, они не уточняют, что может настать, если оправившиеся от поражений украинские силовики решат уничтожить сепаратистов и «окончательно решить проблему». Никаких возражений с Запада не последует, а применение кассетных бомб и установок «Град» в том числе в жилых кварталах в худшем случае встретит лишь дежурное выражение «озабоченности» по дипломатическим каналам.

Никто на Западе не собирается давать гарантий неприкосновенности ЛНР и ДНР ни в рамках украинского закона «об особом статусе», ни тем более вне его.

Москве же, объективно говоря, выборы в Донецке и Луганске нужны были чем скорее, тем лучше. И не только для того, чтобы, как сейчас модно выражаться, легитимировать тамошних правителей, – плевать в европах хотели на эту легитимацию. Но и для того, чтобы упорядочить контроль за этими образованиями с помощью тех лидеров, которые готовы прислушиваться к Москве.

В этом «царстве» полевых командиров готовность к такому беспрекословному послушанию вовсе не всеобщая, а способности Москвы на них «прикрикнуть» и заставить делать что-то, что ей предписывают в Брюсселе и Вашингтоне, преувеличена. Взять вот так просто «слить» воевавших за русский мир людей Кремль, воодушевивший их в свое время, не готов. И даже не потому, что «народ не поймет» (и не такое по телевизору объясняли нужным образом), а потому что это «не по понятиям».

В данном случае логика, которую кто-то назовет «уличной» или «дворовой», тоже многое объясняет. Кроме того, наступающая зима требует скорейшего формирования органов управления контролируемыми территориями. Киев, конечно, в этом не заинтересован (пусть эти «ватники» замерзнут и сдохнут с голоду), поэтому поставил дату выборов на декабрь. Возможно, не без расчета, что к тому времени удастся решить проблему военным путем. Выборы 2 ноября Киев также пытался сорвать: обстрелы Донецка в эти дни усилились.

Так что логика в действиях Москвы есть. Просто она совершенно другая, чем у ее «партнеров» по переговорам.

Что касается самой процедуры голосования в ДНР и ЛНР (а само голосование прошло при высокой явке), то чисто по внешним признакам она выглядит проработанной, хотя победа на них действующих «премьеров» – соответственно, Захарченко и Плотницкого – была предопределена. В этом смысле донецко-луганские выборы точно ничем не хуже по «шкале демократии» афганских или южносуданских, да и наших тоже.

Если Евросоюз в ответ на выборы 2 ноября пойдет на новое ужесточение санкций (в Америке такая готовность, особенно в свете предстоящих успехов на промежуточных выборах в конгресс республиканцев, очевидна), то шансы на сохранение хрупкого перемирия на юго-востоке уменьшатся.

Это будут по-своему «уникальные» санкции – в ответ на признание выборов.

Лидеры ополченцев, в свою очередь, уже заявляют о намерении взять, наконец, Мариуполь. Не снята с повестки дня и проблема обеспечения сухопутного коридора из России в Крым. В Киеве же на фоне успеха «патриотических сил» на выборах в Раду милитаристские настроения могут взять верх над нерешительным в глазах многих курсом Порошенко.

Достигнутое на днях газовое соглашение не станет сильным тормозящим фактором: контракт – контрактом, а война по расписанию. Самой большой ее «авантюрной частью» является, конечно же, демонстрируемая решимость Москвы «воевать» – не только в прямом смысле, но и в экономическом – без серьезных союзников против намного превосходящих сил «противника».

Однако алармистским предупреждениям, что это приведет страну к катастрофе, в Кремле, если и верят, то не хотят к ним прислушиваться. Исходя из того, что, во-первых, отступать уже некуда и поздно, а во-вторых, что решимость и уверенность в своей правоте помогут выйти из ситуации без катастрофических потерь.

Поле для маневра сравнялось с полем боя. Как говорилось у Киплинга (помните его «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись?»), «это будет славная охота, хотя для многих она будет последней».

2014 г.

Будут ли Россия и Америка воевать против друг друга на Украине

При всем драматизме стремительного визита лидеров Франции и Германии в гости к Владимиру Путину в пятницу было мало надежд на то, что в урегулировании украинского кризиса произойдет прорыв. И после воскресных телефонных переговоров в «нормандском формате» с участием еще и Порошенко – тоже.

Видимо, не стоит ждать «окончательного мира» и от саммита глав России, Украины, Франции и Германии в Минске, намеченного на 11 февраля. Если он вообще состоится: в воскресенье Путин дал понять, что не все его условия согласованы.

Впрочем, у этого кризиса нет окончательного разрешения ни в «нормандском», ни тем более в коматозном на сегодня «минском», за который продолжают цепляться, форматах. Максимум, на что можно рассчитывать, – это на временное прекращение огня.

Что, конечно, само по себе неплохо.

Между Москвой и Киевом (и его поддерживает в этом Запад) пока остается принципиальное расхождение по поводу разграничительной линии (по итогам сентябрьских договоренностей ее так и не удалось зафиксировать, тяжелые вооружения не были отведены обеими сторонами). Дело в том, что с момента эскалации боевых действий в январе сепаратисты ДНР и ЛНР взяли под контроль еще минимум 500 кв. км территории. Обеспечить сейчас соблюдение режима перемирия без ввода миротворцев представляется почти невозможным.

Но вот кто это может быть, если Киев не приемлет россиян и силы СНГ (да и вообще, похоже, самих миротворцев, тут «показания» постоянно меняются), а Москва вряд ли примет силы НАТО? В порядке смелой фантазии, разве что белорусы с казаками.

Конкретные контуры «автономии» Донбасса в составе «единой Украины» будет также очень трудно «продать» и Киеву, и сепаратистам. После стольких-то жертв, в том числе среди мирного населения, подвергнутого обстрелам из «Градов» и «Смерчей».

Продвигаемый уже, в частности, даже Францией «особый статус» для Донбасса – это в политическом плане опоздание минимум на полгода.

Это и есть свидетельство неумения нынешних политиков мыслить на опережение (весной прошлого года все упорно твердили об унитарной Украине, которая «сама должна определять свою судьбу»). Сегодня легче заявить об этом, чем договориться о конкретном наполнении соглашения и выполнить его.

Обвиняющим Путина и ополченцев в недоговороспособности и коварном нарушении прежних соглашений стоит учесть, что с этой «договороспособностью» и верностью взятым обязательствам в Киеве не меньше проблем.

И если невозможно представить (это цитата из выступления Меркель в Мюнхене), что Путин говорит «я проиграл и отступлю», то невозможно представить и легкое прохождение в Раде компромиссных договоренностей с Донбассом. Как и соблюдение их потом всеми, включая частные армии украинских националистов.

По сравнению с визитом Меркель и Олланда в Москву, может быть, даже более важен другой визит – канцлера ФРГ в Вашингтон, начинающийся в понедельник. Без участия и заинтересованности США никакого урегулирования на Украине не будет. А это уже «жневский формат».

Есть ли на сегодня такая заинтересованность? Какая-то точно есть (не стоит поддаваться конспирологическим заклинаниям о якобы патологической приверженности Америки к разжиганию войны ради самой войны везде, где только можно), но только понимание «урегулирования» в Вашингтоне явно разнится с его пониманием в Москве. Прежде всего потому, что обе стороны, что бы они ни говорили публично, воспринимают Украину как «арену схватки». Причем для Кремля, как уже многожды было сказано, «потеря» Украины – это экзистенциальная угроза, ради борьбы с которой годятся все средства, а вопрос об экономической цене вообще неуместен.

Американские поставки оружия Москву не только не остановят, а могут спровоцировать уже на открытое военное вмешательство с постановкой перед Европой и Америкой вопроса в лоб: ну и кто из вас готов воевать за Украину?

Помимо очевидной задачи блицвизита Меркель и Олланда в Москву – добиться перемирия – решались и другие. Во-первых, им надо спасти режим Порошенко, который может не пережить еще одного военного поражения по типу «иловайского котла» в Дебальцево. К тому же на Украине зреет экономическая катастрофа: в пятницу гривна по отношению к доллару обновила новый исторический минимум.

Реформы, рекомендованные МВФ и другими спонсорами, не идут. И не только (даже не столько) потому, что «русские не дают», а потому, что нынешнему украинскому государству и его правящему классу они и не по зубам, и не по нутру. Еще год-два такого «демократического правления» – и перспектива «сомализации» 40-миллионной восточноевропейской страны станет реальной. Однако усталость Европы от киевских властей хотя и проявляется, но медленно.

Медленнее, чем идет эскалация ситуации в Донбассе. И медленнее, чем ухудшается положение экономики в России под влиянием санкций и падения цен на нефть. Это пока не мешает Кремлю придерживаться сдержанно-жесткой политики в

отношении Украины (надо заметить, что далеко не все силы экономического обрушения соседней страны задействованы), имея в виду в том числе принцип «умри ты сегодня, а я завтра».

Во-вторых, Меркель и Олланду нужен был московский визит в целях сплочения рядов самих европейцев, солидарность которых в отношении антироссийских санкций может быть вот-вот нарушена. И не только из-за Греции, но и ряда других стран, например Италии и Австрии. И теперь, перед саммитом ЕС, который запланирован на эту неделю, колеблющимся можно будет в случае чего сказать: вы же видите, мы сделали все возможное, но Москва уперлась. При этом содержание новых санкций против России уже будет к этому времени согласовано в ходе визита Меркель в Вашингтон.

Если посмотреть сейчас на американские массмедиа, то украинский кризис там занимает не первое и даже не второе место. Это для Америки сегодня далекий периферийный конфликт, вписывающийся в стереотипное восприятие «имперской путинской России», которая проводит свою привычную политику. Никаких нюансов и полутонов тут нет и быть не может.

Основная динамика в выработке курса США в отношении Украины сейчас исходит от тех сил, которые выступают за традиционное для Америки разрешение очередного периферийного конфликта: надо начать поставлять «хорошим парням» оружие, чтобы они побили «плохих парней», которых к тому же надо давить санкциями.

Отдельные протестные голоса, раздающиеся, как ни покажется странным кому-то (хотя ничего странного в этом нет), из правоконсервативных кругов Республиканской партии, о том, что Америке не стоит влезать в очередную «прокси-войну» с Россией, звучат как маргинальные. В условиях безразличия большей части общества (и политического класса) к проблематике российско-американских отношений как таковой она в очередной раз отдана на откуп «пассионарному», но энергичному меньшинству, где солируют такие «друзья Путина», как сенатор Маккейн.

Поскольку их риторика укладывается в стереотипное восприятие России и того, как Америке следует себя вести с «плохими парнями», это гарантирует легкую мобилизацию нужного числа голосов в конгрессе за любую инициативу, направленную на ужесточение курса в отношении Москвы. Противостоять ему, даже если бы очень хотел, Обама, чей стиль скорее осторожность и нерешительность, не станет. К тому же он чисто по-человечески не очень-то и хочет. По той причине, что его отношения с Путиным не сложились с самого начала. И неприязнь эта, судя по всему, взаимная. Не удивлюсь, если Обама подозревает Путина еще и в латентном расизме.

США дистанцировались от инициативы Олланда – Меркель: мол, если вам так хочется, летите в Москву, но ничего из этого все равно не выйдет. При этом накануне визита была сделана утечка в прессу о том, что вопрос о поставках «летального оружия» Киеву вот-вот будет решен положительно. Это, по идее, должно было помочь Меркель, которая, как и Олланд, выступает против таких поставок, выступить в Москве в роли «доброго следователя». Некоторые считают, что это вообще блеф со стороны Вашингтона: надо быть совсем не в себе, чтобы начать поставлять украинской армии в ее нынешнем состоянии современное вооружение, ведь оно завтра может быть перепродано сепаратистам, а то еще кому-то, кому оно не предназначено.

Ведь свежа еще память о том, как поставленное в Сирию и Ирак якобы «хорошим парням» американское оружие теперь оказалось в руках ИГИЛ. На мой взгляд, такой блеф – это слишком тонко для сегодняшнего Вашингтона. А что касается «уроков» (можно еще бен Ладена вспомнить, порожденного политикой противодействия СССР в Афганистане), то их не только у нас не учат. Инерция движения в пользу начала поставок вооружений Киеву в США уже велика. И Меркель совершит чудо, если ей удастся переубедить горячих американских парней пойти навстречу и посчитаться с мнением «какой-то там Германии».

Показательно, что тон американских участников прошедшей в выходные Мюнхенской конференции по проблемам безопасности (в частности, вице-президента Байдена, главкома сил НАТО в Европе Филиппа Бридлава) был резко антипутинским: мол, он вероломен и грош цена всем с ним договоренностям. Обильные исторические реминисценции как выступавшего в Мюнхене главы МИД России Лаврова, так и Байдена (оба выкатили обширный список обид и претензий) показали, что речь идет уже давно не только об Украине, а о противостоянии с США.

Этот пункт стал центральным в российской внешнеполитической повестке задолго до «майдана», еще до так называемой «перезагрузки». Теперь этот вызов принят США в полном объеме.

Лицемерные приличия, замешенные на политике «двойных стандартов» последних примерно десяти лет, отброшены (заметим, что деградация отношений с ЕС началась примерно тогда же, с момента расширения Евросоюза за счет восточноевропейских стран, преисполненных обид на советское прошлое и «тих ужасных русских» в целом). И все это на фоне отвратительной «личной химии» между Путиным и Обамой, что и делает сползание к «прокси-войне» между Россией и США на территории Украины весьма вероятным.

2015 г.

Не дозрели до мира

Отпущенные прагматичными минскими переговорщиками двое суток на продолжение войны не пропали «даром». Сепаратисты пытались разгромить дебальцевский котел, доказав, что это именно котел, и надо бы оказавшимся в нем сложить оружие, как им на то намекал Путин в Минске. Силовики, словно в отместку, продолжали обстрелы жилых кварталов Донецка и Луганска. Наступившее в ночь на воскресенье относительное затишье, согласно большинству прогнозов, не станет миром. Не станет аналогом Дейтонского мира, которым закончились в Боснии балканская война и распад Югославии.

Стороны сразу же начали обвинять друг друга в нарушениях. Что дальше?

В Минских соглашениях заложено много «мин». Прохождение прописанной в них «дорожной карты» во многом зависит от своевременных и «дисциплинированных» действий Верховной рады, которая славна как раз обратным – бурным межфракционным склокотничеством и срывами уже достигнутых соглашений. Нужна высокая степень солидарности всего украинского правящего класса вокруг президента с тем, чтобы выполнить все те пункты, которые он – явно не без нажима на него – согласовал в Минске. Между тем чуть ли не в первый же день от разных представителей этого класса пошли заявления, по сути, дезавуирующие минские соглашения. Им отвечают тем же «сограждане» из ДНР и ЛНР.

Слишком много неопределенности. Киев, например, по-прежнему не хочет прямых контактов с представителями ЛНР и ДНР, считая их «террористами», однако именно от результативности таких контактов зависят выборы в «особых районах», конституционная реформа, восстановление социальной сферы Донбасса и т. д. При том что только после предварительного выполнения целого ряда шагов Украина может получить (до конца 2015 года) обратно контроль примерно над 400 км границы с Россией, которые в Киеве называют «окном войны».

Не стоит преувеличивать и «послушность» сепаратистов. Тем более что в Киеве не очень-то хотят проводить в отношении них безусловную амнистию.

Многие считают, что в Минске, когда Плотницкий и Захарченко отказались подписывать согласованный «большой четверкой» текст, это было показной игрой и шантажом. Со стороны Путина, который потом якобы надавил, и те сдались. Возможно, тут и был некий ход под условным названием «а теперь запускайте Берлагу», но, с другой стороны, за этими людьми стоят, по разным оценкам, 25–30 тысяч тех, кто реально воевал, проливал кровь, терял в бою товарищей и успел, наблюдая смертоносные обстрелы из «Градov» жилых кварталов, пропитаться ненавистью к противнику. И теперь вот так просто «сдаться» и отойти, прекратить наступление, начатое в январе? Причем якобы «за пять минут» до разгрома украинских силовиков под Дебальцево примерно в таком же масштабе, как это произошло прошлым летом под Иловайском.

«Нагнуть» ополченцев может оказаться не легче, чем какого-нибудь «правосека» Яроша.

Для полевых командиров одной из главных проблем является соблюдение режима прекращения огня в тех случаях, когда речь идет не о противостоянии регулярных армий (силы АТО со стороны Украины тоже полнятся полупартизанскими формированиями, которые хотят войны до победы), а о том, что не без пафоса называется «братоубийственной гражданской войной». А элементы именно гражданской войны в Донбассе есть, что бы ни говорили о вмешательстве (просматривающемся, по крайней мере, в военных поставках и «добровольцах») из России.

Тем не менее обе стороны получили шанс как минимум на перемирие. Учитывая заложенные в Минских соглашениях «мины», будет хорошо, если оно продлится до лета. Хотя хотелось бы, чтобы навсегда.

К лету дороги просохнут, силы воюющих пополнятся подкреплением – и можно будет возобновить войну.

В худшем же случае передышка продлится совсем недолго и будет сорвана уже на стадии отвода тяжелого вооружения. В отсутствие в разграничительной зоне миротворцев полная имплементация этого пункта сама по себе вызывает сомнения, но важно, чтобы хотя бы прекратились взаимные артобстрелы.

Главное отличие нынешних минских соглашений от сентябрьских, хотя они во многом даже текстуально совпадают, видят в том, что теперь задействованы мощные внешние игроки (Олланд и Меркель), которые будут давить на Киев (а не только на Москву, как до сих пор), заставляя его выполнять пункт за пунктом. Отчасти это так. Как верно и то, что усталость Европы от Украины медленно, но верно растет. Насколько она будет расти и дальше и будет ли, во многом теперь зависит от того, как эффективно будут расходоваться деньги, получаемые от МВФ, Евросоюза и других источников (на четыре года обещано \$40 млрд, \$17 млрд должны начать поступать уже через месяц), на проведение реформ.

До сих пор никаких реформ по выведению экономики из комы не предпринято.

А поскольку их проведение в меньшей степени зависит от согласованных действий украинского правящего класса при отсутствии «третьего майдана», то в этой части неопределенности видится не меньше, чем в выполнении Минских соглашений.

Однако в случае провала мирного плана велика вероятность, что винить снова начнут Москву. Если не в качестве единственно во всем виноватой, то преимущественно. Запад не готов к столь резкому развороту в своей политике и риторике, чтобы признать «молодую надежду европейской демократии», нынешний киевский режим, собранием недоговороспособных политиков, не могущих отвечать за свои слова и действия и плохо управляющих процессами в стране.

Украинская власть останется «молодой демократией», которой трудно и которой надо помогать перед лицом «российской агрессии».

И такое отношение будет доминировать еще долго. Тем более что отношения с Путиным подорваны всерьез, в политическом плане «почти навсегда».

Но есть и еще одна «мина», мощнее всех прочих, вместе взятых. В «минском процессе» напрямую не задействованы США.

А без их заинтересованного и деятельного участия никакой «дейтонский мир» на Украине невозможен. И не только потому, что Порошенко действует с оглядкой на Америку, а решения МВФ без американского «агремана» невозможны. Но и потому, что США продолжают видеть Украину сценой противодействия Путину, который в их глазах хочет поменять мировые правила игры, создав опасный прецедент европейского Уго Чавеса и аятоллы Хомейни в одном лице.

Уровень нынешних российско-американских отношений скатился до почти полной «нерукопожатности». И что еще хуже – до почти полного отсутствия совместной повестки дня для конструктивного диалога. Ее нет ни (отсутствовавшей и ранее) экономической, ни ранее присутствовавшей политической и военно-политической.

Разумеется, Обама, будучи человеком осторожным, не станет лезть на рожон. Но в Вашингтоне найдутся те, кто внесет свою долю «перца». Вопрос поставок американских вооружений на Украину не снят, а лишь отложен и может быть, например, разыгран в качестве предмета торга конгресса (где большинство у республиканцев в обеих палатах) и президента по другим вопросам. Пока США предпочитают «сидеть и ждать», предоставив европейцам, которые не в восторге от идеи поставок оружия Украине, инициативу. Не очень, видимо, веря в ее осуществимость.

При том что на Украине у них «ничего не горит», ущерба от происходящего там, понуждавшего бы их к немедленной реакции, США не несут. Если бы за столом переговоров в Минске сидел бы и представитель Америки, возможно, сомнений в осуществимости (в том числе в выполнении Киевом) договоренностей было бы сегодня меньше. Вашингтон уже сегодня выдвигает собственную трактовку минских соглашений, ставя в качестве главного критерия их выполнения возвращение Киеву контроля за границей.

При этом вовлечение Америки повлечет со стороны России постановку таких интересующих ее вопросов, на которые Запад сегодня не готов дать устраивающие ее ответы. Речь о нерасширении НАТО на Украину, о европейской ПРО и т. д.

До недавних пор в Кремле, похоже, считалось, что удастся разыграть в отношениях с Вашингтоном такие карты, как ядерная программа Ирана и сотрудничество по Афганистану. На практике значимость второго фактора оказалась сильно преувеличена: США почти не пользуются транзитом своих грузов для Афганистана через российскую территорию, а после вывода из Афганистана их войск значимость этого транзита упадет до нуля. Что касается Ирана, то Америка уже делает ставку не столько на многосторонние контакты в рамках «шестерки» (Москва явно «подвесила» это направление, не желая «помогать Америке», которая «плохо ведет себя» на Украине), сколько на двусторонние. В контексте запутанной геополитической игры, которая разворачивается сейчас на большом Ближнем Востоке, где интересы США и Ирана пересекаются самым причудливым образом: в одном месте они могут быть почти союзниками, в другом – они соперники и даже враги.

Если же отвлечься от прагматических раскладов применительно к Украине, то чисто эмоционально, психологически ситуация там, кажется, еще не совсем «дозрела» до мира.

Это как в саванне: пожар «квазигражданской войны» не выгорел до такой степени, чтобы дать взойти росткам нового. Слишком велик заряд ненависти по обе стороны противостояния. Велик заряд милитаризма «встающей с колен» украинской нации, прежде всего в правящем классе. Велик и запал «бойцовой бодрости» пропаганды российской, отзывающийся высокой восприимчивостью в обществе, где антизападные настроения достигли пика, а киевский режим воспринимается как «американская марионетка».

Голосов пацифизма практически не слышно нигде. Как ни прискорбно, но такие войны так быстро не кончаются. Усталость и ужас простых людей, оказавшихся в мясорубке и под ежедневными обстрелами, конечно, влияют на восприятие, но, увы, не решающее. Не такое, которое толкало бы обе стороны именно к осознанному и выстраданному компромиссу. А принуждения к миру извне пока не просматривается: вопрос об отправке миротворцев в Донбасс в Минске не обсуждался.

Новый психологический настрой – под лозунгом «Долой эту войну!» – должен вызреть именно снизу. Во всех частях Украины. И в России. Но на это могут уйти годы. И за это придется заплатить намного дороже, чем уже заплачено.

2015 г.

Варвары третьего Рима

Казалось, тема мигрантов-гастарбайтеров, «заюзанная» в ходе только что закончившихся региональных избирательных кампаний, уже уперлась в глухой тупик, откуда выхода нет, но где большими буквами написано: «До чего ж вы нас тут всех достали!». Ан, нет. Нашелся новый поворот темы. Уполномоченный по правам предпринимателей при президенте Борис Титов вбросил тезис насчет амнистии нелегалам. Возникла короткая, но ожесточенная дискуссия.

Как ни странно, нашлись те, кто идею поддержал – даже несмотря на то, что никаких исчерпывающих технических подробностей насчет процедуры амнистии автор и выдвинуть даже не успел. Заговорили о том, что милостиво прощенные начнут платить налоги, пополняя наш скудеющий (экономический же рост уже почти остановился) бюджет. Что, словно кроты из нор, счастливо шуря глаза, вылезут на свет божий из своих грязных подвалов пришельцы с Юга и выстроятся регистрироваться на радость адептам совкульта Ее Величества Прописки (куда регистрироваться-то, где те пустующие светлые общежития из счастливых концовок советских фильмов про освоение целины?). А предприниматели избавятся от муки адовой бегать по инстанциям в поисках квот на иностранную рабсилу.

Противников, конечно, куда больше. Эмоционально на их стороне чуть ли не три четверти россиян, а в городах типа Москвы и Питера – так и уже под 90 %. Ключевые слова в эмоциях такие: «выдворять», «депортировать», «ужесточать» и т. д.

Однако мне почему-то кажется, что споры эти – чисто умозрительные. Из разряда «если бы да кабы во рту росли грибы». Потому как поздно уже. Лет на десять опоздали. Ни тот, ни другой вариант не имеет практического реального решения в условиях нынешней системы так называемого государственного управления. Эта система ни тот, ни другой вариант не осилит, а если и возьмется исполнять, то выйдет не то, что видится изначально задачей, а нечто совершенно ужасное и уродливое.

Начнем с цифр. Вроде бы общепризнанно, что иммигрантов у нас около 11 миллионов. Примерно такое же количество своих нелегалов американский президент Обама собирался амнистировать – вплоть до предоставления им гражданства (и увеличения паствы избирателей демократической партии), но конгресс (точнее, нижняя его палата, сенат поддержал) уперся, считая, что сначала надо выстроить более четкую и эффективную систему отсева нелегалов на въезде в страну.

Далее показания разных наших ведомств расходятся. ФМС считает, что собственно нелегалов – «всего лишь» три миллиона, около двух миллионов работают легально, остальные – как бы в законе: «туристы, студенты ну или те, кто приехал на лечение» (цитата из главы ФМС Константина Ромодановского). С этими цифрами, похоже, не согласно МВД, а с цифрами МВД о преступности среди приезжих в свою очередь не согласна ФМС, считая, что они сильно завышены. Оперативного и адекватного обмена данными между ними, вы будете смеяться, в настоящий момент нет. Как нет его, и вы опять будете смеяться, к примеру, между таможней и ГИБДД по поводу въезжающих с иностранными номерами автомобилей, которые непонятно, как потом штрафовать за нарушения ПДД. Или как нет его между банками и разными ведомствами (насчет уплаты штрафов). Или между соседними регионами на тему всевозможных финансовых проводок и платежей, которые сплошь и рядом теряются в какой-то черной дыре под названием «казначейство».

По сути, если ты въехал на три месяца как «турист» или «на лечение», но нелегально работал, то ты формально – не нарушитель. Какова доля таких кочующих гастарбайтеров «в законе», похоже, не знает никто. В попытках хоть как-то наладить некий учет (что он дает, правда, кроме освоения бюджета, совершенно непонятно) ФМС ввела свою форму «амнистии» – патент на право работать на физлицо. Число уже выданных, говорят, приблизилось к трем миллионам. Скольких таких «индивидуалов» работают именно как индивидуалы, а сколько на стройках госкапитализма? Ответа нет. Как нет и серьезного анализа социальной структуры и настроений въезжающей рабочей силы. Какова мотивация приезжающих? Кто из них тут, чтобы денег заработать, а кто хотел бы осесть, в том числе полностью принимая правила и обычаи принимающей страны (возможно, с такими имело бы смысл работать дальше)? Кто холостой, а кто семейный, но семья его на родине? Хочет ли он ее сюда перетаскивать? Какие нормы нашей жизни они готовы принимать, и в чем мы им тут можем помочь, если захотим?

Если, скажем, сравнивать степень социализации наших нелегалов и таких же нелегалов в Америке, то это – небо и земля, поскольку последние, вопреки своему шаткому статусу, имеют куда больше прав и куда глубже укоренены в тамошнюю жизнь. Покупают машины, недвижимость, платят какие-то налоги даже, получают водительские права (в некоторых штатах), отправляют детей в школы. Там примерно понятно, кто намерен «свариться» в американском плавильном котле, а кто просто пока не загадывает на будущее, зарабатывая деньги.

Мы же о своих «гостях» не знаем, по сути, ничего, кроме того, что они все больше раздражают основную массу населения. В том числе мы не знаем, чем и когда это может кончиться.

Еще у нас есть так называемые квоты, по поводу которых все ответственные руководители делают вид, что эта система работает. Еще бы! Как можно хоронить столь замечательно отстроенную вертикаль коррупции! Какого предпринимателя ни спроси, всякий отвечает, что законным путем зарегистрировать «единицу узбеко-таджико-молдаванина» – задача почти невыполнимая. Наматываемые круги ада бюрократических лабиринтов неизменно выводят на некую аффилированную с ответственными структурами конторку. Которая берет деньги и вручает какие-то бумаги. Которые, как правило, при тщательной проверке оказываются липой. Ровно с тем же успехом и с тем же результатом кончается большинство попыток самих гастарбайтеров легализоваться. То есть они сами уже хотят «само-амнистироваться». Но не могут!

Впрочем, сама система абсурдна изначально: приезжай кто хочешь, границы открыты, а, уже въехав, начинай искать работу.

Такого нет нигде в мире. Но у нас особый случай: нам любо поиграть в то, как будто мы еще квази-СССР. Новые раунды этой игры – Таможенный союз с приглашением туда стран типа Киргизии и Таджикистана.

Объявлениями на тему «разрешение на работу», «медкнижки», «регистрация» обклеены все стены метро. Вокруг кормятся десятки тысяч чиновников. Реальными квотами торгуют они же (а вы не знали, что это отлаженный черный рынок?), а также, как утверждают знающие люди, профессиональные защитники прав трудящихся, унаследованные от все того же СССР, под названием профсоюзы. Кого тут амнистировать, если все причастные уже и так в шоколаде? Кроме гастарбайтеров, разумеется.

Еще есть рейды. С вызовом телевизионщиков – это ведь хорошая «картинка», особенно перед выборами. С постановочными грозными лицами миграционных службистов и испуганными лицами очередных вьетнамо-таджико-узбеков. Депортация одного нелегала стоит около 50 тысяч рублей. Почему встанет депортировать, если уж быть последовательными, хотя бы три миллиона признаваемых ФМС нелегалов? Сколь технически осуществима и осмыслена данная задача в условиях открытых границ? А если все же не три, а шесть миллионов? Вопрос, кажется, риторический. Нужно совершенно иное состояние государственных институтов – как силовых, так и судебных, чтобы повторять операции, подобные тем, что осуществлял в свое время НКВД в отношении целых народов (и то гораздо меньшей численностью).

Это не говоря про чисто экономические последствия депортации примерно 15 % всей рабочей силы страны. Кто вместо них будет делать самую грязную работу? С подобными масштабами куда более сильной по этой части Америке – и то не справиться. Отсюда их попытки найти выход, что-то сделать с уже проникшими на территорию нелегалами. Пока решения и у них нет. Опыт такой амнистии в Америке, кстати, уже был – в 1986 году, когда амнистировали примерно три миллиона человек. Системно проблему это не решило.

Ровно так же, как депортация миллионов, не имеет практического решения в наших конкретных условиях и вариант с предлагаемой амнистией. Учитывая российские реалии, он на практике (представим на минуту, что соответствующий закон принят) будет обставлен столь бестолковыми условиями, что тотчас вырождается в полную профанацию. Начнем с того, что даже самый малограмотный и наивный таджик в силу полученного уже тут у нас опыта ни на минуту не поверит российской власти в лице представителей правоохранительных структур. Он не пойдет к ним «сдаваться», опасаясь взяток, поборов и побоев. Если он сейчас не может при всем желании пройти прописанный путь легализации и получения права на работу, то почему «амнистироваться» ему будет легче? Что делать с бессмысленным институтом «прописки-регистрации»? Ведь в стране нет такого количества жилплощади, на которую легально можно зарегистрировать с соблюдением санитарных норм всех иностранных работников, имеющих тут по факту. Здравый смысл требует отменить его прежде всего для самих российских граждан, заменив на учет по СНИЛС, ИНН и т. д. Но поскольку мозги большинства представителей власти заморожены в эпоху «совка», то все, что противоречит понятиям о прекрасном той ушедшей «золотой эпохе», им не переварить ну никак.

Сейчас в Думе лежит законопроект о том, чтобы при въезде в страну мигранты вносили залог – 30–36 тыс. рублей. Это фактически калька с английского закона, который заработает с ноября: по 3 тыс. фунтов стерлингов будут вносить гости страны из таких бывших колоний Британии, как Индия, Шри-Ланка, Пакистан, Бангладеш, Нигерия и Гана. Вовремя не уехал – прощай деньги. Очевидно, что у нас такой же порядок тоже надо вводить выборочно – в отношении определенных стран в нем, объективно говоря, есть смысл. Но осуществимо ли это политически? Если Россия даже пока не может потребовать от своих соседей введения биометрических загранпаспортов, не говоря уже о том, чтобы ввести визовый режим со странами Средней Азии. Впрочем, и введение визового режима тоже может ничего не дать по той же самой причине – ввиду высокой степени разложения, коррумпированности и неэффективности государственных структур. Визами начнут торговать опять некие аффилированные с кем надо фирмочки. Залоговыми сертификатами начнут тоже торговать в метро, их, в конечном счете, оплатит отечественный потребитель, покупатель или предприниматель.

То есть вся нынешняя, вышедшая из-под контроля нелегальная иммиграция, – это лишь симптом одной болезни. Государственные институты, включая правоохранительные структуры, в стране не работают должным образом. И прежде чем претендовать на какое-либо решение проблемы нелегальной иммиграции и использования рабской силы, разрушающей рынок труда – что в форме амнистии, что в форме депортации, надо что-то срочно делать с самим государством принимающей стороны. Иначе «третий Рим» падет ровно так же под натиском «варваров», как пал первый. В силу своего внутреннего загнивания и разложения.

2013 г.

Дзен по-русски

Смешно бывает читать где-то в комментариях, что, мол, вот допрыгаются скоро ворюги управители, доведут народ до бунта. Трудно представить, что может довести этот народ. Кажется, он все проглотит. Даже то, что не глотается и в рот не лезет. Ан нет, запьет хорошенько – и проглотит.

Некоторые накануне вступления в силу антитабачного закона пугали чуть ли не табачными бунтами на манер перестроечных. Вы видели хоть один табачный бунт или хотя бы сходку? Или даже одиночный пикет? Приспособились курильщики. Терпят.

И когда хунвейбины из движения «Стопхам», войдя в роль полиции нравов, принялись брызгать в лицо нарушителям запретов на курение из баллончиков, утерлись и опять терпят.

Не обжегшись на сигаретах, власти задумались об алкоголе. Народ сильно пьющей страны в свое время спокойно проглотил ограничение по времени продаж. Теперь говорят, что нечего ему пить и по выходным и праздникам. В одной из областей такое уже приняли. Пьют все равно, гонят свое, травятся денатуратом и прочим дерьмом. Но не возмущаются. Терпят.

Не то чтобы можно было ожидать демонстраций протеста алкоголиков, требующих опохмела, но ведь все это стало ударом и по торговому бизнесу. Как и, скажем, запрет продавать алкоголь и сигареты в ларьках (вторая категория товара является неременной статьёй доходов ларечников многих стран, в том числе с жестким антитабачным законодательством). Но в ответ – корпоративная тишина.

Она же реакция на все прочие глумления вертикали власти над мелким и средним бизнесом. В ответ на новые налоги и притеснения умирают молча, поодиночке, методом самоликвидации. Хотя вроде бы частные собственники, теоретически опора среднего класса и все такое.

Макс Вебер, конечно, настолько «непротестантской» этики предвидеть не мог.

Вообще примеров корпоративной публичной борьбы за свои интересы в нынешней России не сыскать. Максимум возможного – верноподданническая петиция куда-то наверх. Мол, помилосердствуйте, братцы. Но братцы, как верно отметил еще классик, знаток русской души, хоть и граф, не милосердствуют.

Вы слышали, скажем, о забастовках учителей или врачей, доходы которых во многих регионах либо вовсе не выросли вопреки президентским указаниям, либо даже сократились в результате финансовых манипуляций со ставками? О корпоративной солидарности прессы в России не слышно ничего и никогда, несмотря на существование вроде как профессиональных объединений.

Вообще ближайший пример коллективных действий – шахтеров – отстоит от нас на более чем на десятилетие. Вершина протеста – заявление об уходе по собственному желанию. Редко когда с гневной прощальной записью в соцсетях. Никакие вопиюще несправедливые действия начальства по отношению к коллегам по работе, по профессии, беспредел по отношению к соседям, согражданам не подвигнут нашего человека, якобы испокон веков коллективиста, к тому, чтобы встать на защиту.

Редкие исключения, когда речь идет о преступлениях «иноверцев», пришлых людей. Им нельзя наших обижать, начальству можно все.

Недавно власти Москвы резко ограничили права аборигенов оставлять машину возле дома, в котором они живут: надо, чтобы сошлись два права собственности – на машину и на квартиру. Иначе плати 60–80 рублей в час круглосуточно. Сам принцип взимания платы на парковку ночью в столь тотальных масштабах вообще уникален в мире. Но мне кажется, что, если московским аборигенам и вовсе запретить владение машиной, они, конечно, поежатся, но того, что называется бунтом, все равно не будет.

В прошлом году правительство «незаметно» реквизировало (говорят, временно, ага!) накопительные пенсионные программы. Затронуло это, на минуточку, миллионов тридцать человек, на них подписавшихся. Из 30 миллионов ни один не вякнул. Вспомните какую-нибудь Грецию, или Испанию, или какую другую страну, где даже по менее значительному поводу на улицы выходят сотни тысяч, а то и миллионы.

Вконец обезумевший законодательный принтер готов выписывать все новые запреты и ограничения, один безумнее другого. От запрета кружевных трусов и высоких каблук до доброй (но иностранного происхождения) части лексики русского языка.

Какая-то часть этого бреда отсекается на уровне управления внутренней политики администрации президента, но никакая не отсекается в результате народного возмущения или возмущения той категории людей, которых тот или иной бред может коснуться. На этом фоне распоясавшиеся думские безумцы будут извергать из себя, дабы стать информационными факирами на час, все новые уродливые плоды своего не обремененного условностями образования и приличий ума, по сравнению с которыми экзерсисы типа запрета курить женщинам до 40 лет еще покажутся образцом взвешенной умеренности.

При этом чудовищное качество принимаемых законов (они сплошь сыры и не могут применяться в реальной жизни без тонн подзаконных актов, часто меняющих суть законодательства до неузнаваемости) нисколько не беспокоит впавшую в коматозное состояние общественность.

В любой нормальной стране, когда речь заходит о том, что называется жизненными интересами людей или отдельных категорий общества, хотя бы какая-то часть этих людей или этих категорий не остается безучастной и начинает отстаивать свои права.

Глядя на упокоившееся болото нынешней общественно-политической жизни в России, невольно задаешься вопросом: а есть ли у такого общества хоть какие-то жизненные интересы? А если нет, то живо ли оно вообще?

О вековом долготерпении русского народа кто только не писал. От маркиза де Кюстина («Россия в 1839 году») до Александра Солженицына. Кто-то, копаясь в причинах, грешил на русское православие. Кто-то – на вековые традиции крепостничества. В любом случае сегодня мы имеем дело с состоянием, ставшим результатом многолетней отрицательной селекции, масштабных социальных экспериментов и испытаний, выпавших на долю нашего народа в XX веке. Словно кто-то поставил себе целью вывести такую породу людей, которая стерпит все.

Однако ж эта отрицательная селекция привела к укреплению и таких качеств, которые позволяют не только терпеть, но и приспособляться. В этом смысле тоталитаризм оказался эффективным селекционером. В не меньшей, а дальше большей степени, чем терпеть, наш человек обрел необычайную изобретательность по части обхождения всяческих правил и запретов. Чем ниже способность и готовность к горизонтальной солидарности во имя борьбы за коллективные права как минимум своей социальной или профессиональной группы, тем выше такая готовность к поиску и выбиванию (покупке) исключений из правил для себя лично.

В этом смысле наш человек стал абсолютным индивидуалистом. Легче позаботиться о себе и своей семье, нежели бороться за изменение условий для широкого круга людей. И тем более всего общества.

При этом формы приспособляемости помимо увиливания от соблюдения правил, их нарушения или коррумпирования могут быть разными. От внешней и внутренней эмиграции (с погружением в виртуальную реальность онлайн-игр или ролевых игр в реальности) до безумного пьянства и полного пофигизма.

Пофигизм – это новейшая версия дзен-буддизма по-русски.

При этом народ и его управители веками – а теперь, в пору чудовищных различий в богатстве, особенно – живут параллельной, не пересекающейся жизнью по принципу «Вы делаете вид, что нами управляете, мы делаем вид, что вам подчиняемся». Современная жизнь к тому же дает гораздо больше возможностей для проявления приспособляемости к новым запретам, чем в советское время, в том числе в таких животрепещущих сферах, как приобретение водки.

Приспособляемость, граничащая с бездушной беспринципностью, – вот главная движущая сила продолжающейся общественной эволюции. Даже не страх, хотя государство в последнее время сделало много, чтобы поставить вне закона любые, даже мирные протестные акции, на очереди – контроль за мыслями. Но сегодня все же остаются еще некоторые возможности для отстаивания прав. Но и они не востребованы.

Можно, конечно, задаться в связи с этим почти философским вопросом: чего в нашем нынешнем человеке больше, непобедимости (в смысле что с ним ни делай, он все себе на уме) или неуправляемости (организовать его в регулярное, живущее по законам, поступательно развивающееся общество решительно невозможно – всяк норовит откусить)? Но он имеет смысл, наверное, лишь для будущих историков. Применить полученный ответ на этот вопрос в современности все равно не удастся. Не представляется кому-либо нужным.

Однако бывают времена, когда две параллельные прямые жизни – правителей и народа – все же сильно пересекаются, дабы воспроизвести очередной русский катаклизм. В последние пару веков так уж повелось, что мирового масштаба.

Это случалось всякий раз, когда систему, замкнутую на себя, выводили из равновесия либо непосредственная внешняя угроза, либо война. Если же она еще и сопровождалась неким брожением элит, нарушением их стройных и безупречных в своей лояльности рядов, это кончалось для прежнего состояния системы либо кардинальной перестройкой, либо катастрофой.

В настоящее время мы, кажется, находимся накануне такого момента. И именно с этим связаны все колебания насчет того, идти ли на прямое вмешательство на Украине или нет. Впрочем, выбор уже, скорее всего, сделан на небесах, без участия наместников бога на земле. Этот русский рок неостановим. Эпоха дзена по-русски себя уже исчерпала. Переход к новому качеству может начаться и завтра, и через десять лет. Но он неминуем.

2014 г.

Тебя это не касается

В массмедиа есть нехитрый прием. Пытаясь быть «ближе к народу» (читателю, зрителю), они, обсуждая ту или иную новость, ставят вопрос так: «А что от этого будет простому человеку, какое влияние окажет на нашу с вами жизнь?».

Несколько раньше примерно таким образом – путем упрощенной информационной привязки – из наших СМИ были выдавлены практически все международные новости, если в них непосредственно не задействованы наше государство или наши люди. «А как это непосредственно затрагивает нашу страну и наши интересы?» – помню, спрашивал выпускающий редактор (в более приземленных выражениях) одной некогда очень влиятельной газеты про ту или иную международную новость. И, не получая ответ в духе того, что вот это непосредственно окажет воздействие на цены на товар в магазине, заметку такую из номера снимал.

Кстати, это один из факторов, повлиявших на то, что у обывателя создалось искаженное – россияцентричное – представление об окружающем мире, где все только и думают, как либо уважить наши интересы, либо нагадить нам, либо завладеть нашими природными богатствами.

И больше ни у кого никаких забот нет.

Отдельной новостной строкой проходят всякие катастрофы, природные катаклизмы и ужасы, а также легко шокирующие новости из рубрики «Их нравы», призванные на подкорковом уровне еще сильнее убедить обывателя в том, как же у нас по сравнению с там хорошо и покойно живется.

Применительно к внутреннему нашему законодательству тот же, в сущности, подход способствует превентивному успокоению обывателя. Ведь если поставить вопрос ребром: а как конкретно повлияет на нашего простого человека тот или иной очередной конкретный продукт «взбесившегося принтера»? – то бывает трудно найти прямую увязку между конкретным актом извращенного законотворчества и переменах в той или иной сфере жизни уже завтра.

На первый план в информационном пространстве вбрасываются, как правило, новости экзотические, ажиотажные.

У экзотики, вызывающей удивленный или презрительный, мимолетный притом, отклик, проследить конкретное (у нас же воспринимают только то, что чисто конкретно) воздействие на обывательскую жизнь трудно. Воздействие это не прямое, а косвенное. Какая, спрашивается, обывателю печаль или радость с того, что один депутат солирует с новостью, как он разглядел пипиську на сторублевой купюре, другая считает айфон орудием педофилов, а третий хочет запретить курить женщинам до 40?

Что изменится в жизни простого русского человека прямо завтра, если жестко запретят кружевные трусы? Тем более что чем нелепее запрет, тем скорее он будет обойден в повседневной жизни.

Что касается ужесточений, соблюдаемых более последовательно (хотя все равно избирательно), то и там проследить непосредственно связь между ними и обывательским существованием трудно, если вообще возможно.

И посему все эти запреты и ужесточения не достаиваются никакого обывательского внимания. От того, что блогерам-трехтысячникам и носителям двойного гражданства предписано особо регистрироваться, завтра ведь в магазинах не исчезнет водка, пиво, картошка и туалетная бумага? Нет. От того, что в стране проведение оппозиционных митингов на практике поставлено под запрет, а за нарушения введена уголовная ответственность, что всяким «неправильным» НКО перекрыют кислород, разве завтра квартплата вырастет в два раза? Опять нет. А раз нет, то нечего на это даже обращать внимание.

К массе запретов и ограничений наш человек привык относиться как к неизбежности дождя летом и снега зимой. Это неперенная часть русской жизни. Ее данность.

К части запретов люди привыкли относиться по принципу «Меня это не касается». Тех, кто не курит, не касается запрет на курение. Тех, кто не пользуется Интернетом, не волнует, если завтра его отрежут от внешнего мира. Более 80 % населения не выезжало за пределы СНГ – их не касаются запреты на выезд для силовиков (пока только для них).

Они не замечают, как такие и подобные им запреты меняют саму атмосферу общественной – и экономической тоже! – жизни, причем в сторону ухудшения. Часть запретов, напротив, встречают одобрение обывателя: запрет гомосексуальной пропаганды, запрет на «экстремизм», на оскорбление чувств верующих и т. д. Нет у обывателя ощущения, что, увлекшись запретительством, власти, начав с гомосексуальной пропаганды и экстремизма и продолжив матом, «феминизацией криминального образа жизни», завтра даже одиночный пикет обманутого дольщика сделают уголовным преступлением, а любую критику начальства приравняют к измене родине.

Репрессии или ограничение прав какой-либо социальной группы или даже соседа по дому не воспринимаются как непосредственная угроза себе лично.

Другие запреты можно привычно обойти или думать, что можно обойти. Пока тебя именно это не коснется. Если пиво нельзя покупать после 21.00, то можно затариться заранее. Если завтра введут пожизненное тюремное заключение за пьяное вождение, то можно надеяться, что тебя это не коснется или что ты именно откупишься.

Чем дурнее и свирепее запрет, тем меньше его примериваешь на себя, такова человеческая психология: «Такое, как с чудиком

Удалцовым или по случайному стечению обстоятельств выдернутыми из жизни в тюрьму «болотными», не может произойти со мной лично».

Обывательскому сознанию невозможно уловить косвенную, но верную связь между отдельными проявлениями законодательного и политического мракобесия, между нарастающим ретроградством, воинствующим изоляционизмом, ползучей политической реакцией и теми или иными конкретными событиями и явлениями его повседневной жизни.

Он все еще не может увязать в своей голове особенности, скажем так, нашего политического процесса (административный ресурс на выборах, изощренные методы подавления оппозиции и всякой не санкционированной властями гражданской активности вообще) с тем, как он живет, каким воздухом он дышит, может ли он вылечить своего ребенка и т. д. Однако депутаты, занимающиеся тем, что со стороны выпадит как фантазмагорический запретительный троллинг, никогда не будут расследовать изъятие в бюджет накопительной части пенсий почти 30 млн человек.

Персонаж, считающий, что он точно попал в нынешний политический тренд со своими открытиями по поводу причиндалов Аполлона, не станет всерьез заморачиваться особенностями ценообразования тарифов ЖКХ, ростом цен на лекарства или отсутствием квот на лечение онкобольных детей в государственных клиниках, случившимся аккурат в год триумфа сочинской Олимпиады.

Фактически назначенные на свои «выборные» посты депутаты городской думы не поставят под сомнение целесообразность взимания платы с избирателей за ночную парковку на пустых улицах. Никто в парламенте не поднимет вопрос, почему в российских супермаркетах цены на еду выше, чем в европейских, и какова там составляющая коррупционная, а какова – проистекающая из порочных особенностей нашей внешнеэкономической, таможенной и прочей политики.

На заре постсоветской трансформации некоторые СМИ еще интересовала тема о том, что неэффективные общественные институты – отсутствие независимого суда, контролирующего исполнительную власть парламента, системы выборов, обеспечивающей ротацию руководства на всех уровнях, – непосредственные виновники почти всех обывательских бед, проблем и дополнительных издержек во всех сферах жизни.

Но эти «разговорчики в строю», с одной стороны, были замечены и разными средствами подавлены властями при молчаливом согласии общества, а с другой – так и не привели к установлению в обывательском сознании прямой связи между качеством работы того же парламента и уровнем его жизни, ценами в магазинах, тарифами ЖКХ, бесправием жителей в решении вопросов, непосредственно касающихся их и близлежащих к ним окрестностей.

Совокупность происходящих нынче изменений – мракобесные законопроекты, даже если они не принимаются с ходу, нарастающая самоцензура в искусстве и культуре, антимодернизационный тренд в обществе в целом и в образовании и науке в частности как отражение общего курса на архаику и ретроградство, подавление и самоподавление всякой нестандартной творческой инициативы как противостоящей торжествующему невежеству и клерикализму, отпугивающие своей, мягко говоря, несовременностью и неадекватностью инвесторов и предпринимателей политические заявления и поступки, разрушение сначала мелкого, потом среднего, а потом и вообще всякого частного предпринимательства как недостаточно подконтрольного, «несознательного», «аморального» или «непатриотичного» и т. д. и т. п. – все это в конечном счете ведет не просто к отставанию страны, но к ее деградации.

К разрушению ее конкурентоспособности и обороноспособности, к разрушению инфраструктуры, к упадку медицины и вообще всех отраслей, так или иначе ответственных за состояние «человеческого капитала» (тем более что «капитал» безмолвствует и терпит). Рано или поздно такие процессы по мере перехода количества перемен в качество непосредственно скажутся на самых простых, повседневных вещах. Таких как наличие в магазинах самых необходимых товаров и цен на них. Как тепло– и электроснабжение. Как возможность получить основные услуги и удовлетворить самые необходимые жизненные потребности.

Тогда обыватель, конечно, очнется. Но в совершенно другой стране. Пока же его всячески убаюкивают, напевая во все уши колыбельную: «Спи спокойно, тебя это не касается».

2014 г.

Заплати и спи

Увеличение налоговой нагрузки на граждан и бизнес в условиях экономических трудностей не российское ноу-хау, конечно. Хотя сейчас в мире набрала популярность теория, согласно которой налоги в такие периоды надо снижать, чтобы стимулировать предпринимательскую и покупательскую активность. Но это «не наш путь».

Наш путь – это верность фискальным традициям Средневековья, когда интересы царской казны – все, а потребности мелких людей – ничто.

В современных условиях это сопровождается также государственным патернализмом (выполнение социальных обязательств, даже если они не вполне адекватны состоянию экономики): в человеке, окормляемом государством, зависимом от него, власть видит более надежную опору, нежели в подвижном предпринимательском духом самодостаточном, экономически состоятельном и «много о себе понимающем» гражданине.

До налогов «на дым» (на печные трубы), соль и число окон в избе дело пока не дошло. Но сегодня есть масса других возможностей.

Курс на увеличение фискальной нагрузки уже очевиден. Он, в отличие от многих других стран, где повышение налогов является важнейшей частью общественных, не говоря уже о парламентских дискуссиях, проводится фактически «подпольно». Под шумок оживленных теледебатов о более «насуточных» темах – об украинской сваре (как там Яценюк ущипнул Порошенко, это же крайне важно), об аморальности «Гейропы», где идет охота на русских детей, и т. д.

Когда летом «Единая Россия» в рамках «нулевого чтения» по бюджету заявила о «недопустимости увеличения налоговой нагрузки» в условиях кризиса, уже стоило насторожиться: что у нас отрицают, затем обычно сами отрицающие и превращают в реальность. «Бессмысленно говорить о повышении налоговой нагрузки», – заверял глава бюджетного комитета депутат Макаров, отмечая отказ от повышения НДС и увеличения подоходного налога. НДС (который и так 18 %), как и подоходный, пока не повысили. Хотя, полагаю, со вторым делом могут и не дотянуть до 2018 года.

Налог с продаж, как слишком очевидный вид побора, пока тоже ввести побоялись.

Видимо, сыграли роль неприятные ассоциации с горбачевскими временами (впервые он был введен в размере 5 % в СССР в 1991 году, затем в России в кризисном 1998 году – в качестве регионального, просуществовав до 2004 года). Однако по другим направлениям фискальная мысль бьет ключом.

Тот же Макаров внезапно, «без объявления войны» и какого-либо широкого обсуждения даже на уровне мало что решающей Общественной палаты, внес поправки к закону о налоговом маневре в нефтяной отрасли, предусматривающие введение так называемых муниципальных сборов с малого бизнеса. 22 штуки: с торговли, за услуги по грузопассажирским перевозкам, авторемонту, химчистке, парикмахерские, ювелирные, фотоуслуги. Утверждается, что это коснется муниципальных образований трех городов федерального значения (Москва, Петербург и Севастополь) и ими же (прежде всего московскими властями, действующими тут объективно в пользу крупных торговых сетей и крупного бизнеса) было пролоббировано.

Однако что-то подсказывает, что почин будет подхвачен и в других регионах. В результате чего этот малый бизнес будет если не окончательно, то еще сильнее придушен. Уроки с недавним одномоментным уходом из экономической жизни не менее полумиллиона малых предприятий после повышения для них социальных взносов не учтены властью. Подумаешь, полмиллиона туда – полмиллиона сюда, на фоне наших-то больших свершений!

В России на долю малого и среднего бизнеса приходится до 22 % ВВП. В США – более 50 %.

К примеру, даже 70 % нефтепереработки Америки – это относительно мелкие компании, и именно благодаря им сейчас США выйдут на первое место в мире по нефтедобыче. В Германии – более 70 %, аналогично в других развитых странах ЕС. В бывшем соцлагере этот показатель существенно меньше, но даже там этот сектор дает 30 % занятости. У нас же заниматься предпринимательством хотя бы от 2 до 7 % (по разным оценкам) населения. В положении постоянно обдираемой липки никому быть почему-то не хочется.

По стране уже идет ползучее повышение земельного налога. Происхождение в налоговых уведомлениях этих цифр, отданных на откуп местным властям, гражданам решительно непонятно. Они воспринимают это как «ясаку», спущенный из Орды. Отказавшись от введения налога на недвижимость, теперь, по принципу «не мытьем, так катаньем», «модифицируют» налог на имущество. Вопросы регулирования ставок будут решать местные власти. Казалось бы, вот она, связка между ними и выбирающими их гражданами. В каком-нибудь Нью-Йорке эти налоги дают 30 % бюджета города, как и в других крупных мегаполисах Запада, в Москве – пока 7 %. Однако в условиях непрозрачности местных и региональных налоговых потоков для граждан, традиционной неподотчетности властей, отсутствия обратной связи между ними и электоратом эта «связка» в глазах обывателя оборачивается всего лишь свалившимися на голову поборами, с которыми придется смириться, как со снегом зимой.

Плюс намерения депутатов минимизировать налоговые льготы при продаже недвижимости, если она не единственная, грозят перепахать весь этот рынок, который и так уже впал в стагнацию под воздействием понятных финансовых проблем, прежде всего недоступности ипотеки для большинства работающего населения.

Наготове и другие незамысловатые хитрости вроде увеличения цен на бензин, роста платежей по ЖКХ, увеличения доли платных медуслуг (эта доля там и так выросла в два раза за последние пару лет, достигнув трети их объема), а также услуг образовательных.

В последние недели на наших глазах произошло изящное ограбление населения в виде стремительной девальвации рубля, произведенной в том числе в интересах улучшения баланса бюджета.

Знающие люди недвусмысленно намекают: вся эта операция под прикрытием разговоров о подлых западных санкциях была произведена не без деятельного участия госбанков и, стало быть, с высочайшего одобрения. Удорожание импорта на 50 %, число критически зависимых от которого отраслей экономики и потребления трудно перечислить, – это тоже усиление фискальной нагрузки на безмолвствующее по всем всем остальным поводам население.

Возможно, кого-то из обывателей еще продолжает греть миф о том, что у нас самые низкие в мире налоги. 13 % НДФЛ отстегнул, причем не сам, осознанно составив и подав государству декларацию, а налоговый агент-работодатель, – и прочие хлопоты берет на себя благодетельное «нефтегазовое государство». Однако специфика нашей системы налогообложения такова, что ее прежде всего нужно сравнивать со странами, которые не принято считать демократическими, где, в свою очередь, налоги являются неотъемлемой частью общественного договора с властью.

В наиболее яркой форме этот принцип был сформулирован еще восставшими в 1776 году североамериканскими колонистами: «Нет налогов без представительства». С тех пор там так и повелось, что всякое увеличение (уменьшение) налоговой нагрузки в любой форме обязательно проходит через законодательную власть (федеральную или региональную) с непременным гласным, публичным и широким обсуждением предстоящих изменений.

Налоги в развитых странах являются важнейшей темой политической и предвыборной борьбы.

В последнее время такие обсуждения на уровне штатов США, как правило, заканчиваются референдумами (форма прямой демократии) по конкретному вопросу. Вы можете представить, ну, скажем, общероссийский референдум на тему какого-либо целевого налога (сбора)? А в другом регионе? А на уровне муниципалитета? Ничего этого нет, и власть воспринимается населением не как «партнер» по общественному договору, а как нечто надмирское, чужеродное, как непознаваемая, неподконтрольная внешняя сила, практически оккупационная. Отношения с ней могут быть либо в форме подчинения (неподчинения) ее диктату, либо в форме увливания, эскапизма в параллельную реальность (к примеру, в теневую экономику).

Символично, кстати, что у нас на фоне всяких разговорах о скрепах и узах, в том числе семейных, напрочь отсутствует домохозяйство (то есть семья) как субъект налоговых отношений с государством, в чем был бы большой экономический и социальный смысл. Но это было бы слишком «по-человечески» для него, видимо, чтобы какие-то «винтики» выступали перед ним сплоченно как институт гражданского общества.

Непременной чертой стран, где отсутствует развитая демократия и, стало быть, вышеописанный общественный договор не действует, является то, что основная фискальная нагрузка на граждан и в значительной мере на предпринимателей приходится не столько на прямые налоги, сколько на косвенные, а также на всевозможные неформализованные поборы (скажем, доплаты в конвертах врачам или репетиторам, которые пытаются компенсировать недостатки бесплатного образования).

Так, граждане помимо 13 % НДФЛ, по сути, платят (ведь именно они зарабатывают эти средства) еще 34 % в виде всевозможных социальных и медицинских взносов. А еще есть уже упомянутый НДС, акцизы, пошлины. Есть не менее чем 50-процентная налоговая составляющая во всех платежах ЖКХ и в тарифах естественных монополий, налог на имущество физлиц, транспортный (плюс ввозная пошлина, если это иномарка), акцизы на бензин, из-за которых в том числе даже при падающей цене на нефть цена на бензин не падает никогда.

На круг получается вполне себе «скандинавский уровень» налогообложения.

Но без «скандинавской» демократической политической системы и «скандинавского» отсутствия того колоссального неравенства, который в нашей стране «индекс Джини» заставляет зашкаливать.

По сути, такая структура налоговой системы с преобладанием косвенных налогов недалеко ушла от Средневековья и уж тем более она не рассчитана на то, чтобы работать стимулом для какой-либо предпринимательской активности. Выход из кризиса властью видится не в поощрении такой активности, а в государственных инвестициях в мегапроекты и в помощи госкомпаниям. Мы даже не режем кур, «несущих золотые яйца». Мы просто не даем им вылупиться из яйца.

2014 г.

Фронт без тыла

Если кто не заметил, в России победили рак. Как в свое время была побеждена оспа. Так, видимо, решили чиновники, решив прикрыть федеральную программу по борьбе с онкозаболеваниями. Без шума и пыли. И без лишних разъяснений публике. Она, мол, свою задачу выполнила – разумеется, успешно.

Статистика свидетельствует иное: пятилетняя выживаемость онкологических больных в стране – 43 %, это низший уровень в Европе, включая самые бедные страны, не говоря об Америке, где в последние годы произошел настоящий прорыв в этой области. Онкология держит второе место по причинам смертности россиян после сердечно-сосудистых заболеваний.

Теперь онкобольные будут лечиться в рамках общей страховой системы ОМС (высокотехнологичная помощь тоже подверглась бюджетному секвестру), убогие и мало что покрывающие тарифы которой вызывают нервный смех врачей и ужас пациентов. Доля платных услуг в медицине, только по официальным данным, уже превысила 30 % (резкий скачок произошел в последние два года) и будет расти дальше.

Масштабная медицинская реформа в Москве обернулась демонстрациями врачей, которые ждут теперь и в других регионах. На ситуацию уже отреагировал президент, указав чиновникам: надо, мол, как-то разъяснять свои действия.

Вместо разъяснений московские обыватели увидели на дверях подъездов листовки-объявления с указанием срочно, до 1 декабря, явиться в поликлинику для прикрепления. А если не явлюсь, то что? Вычеркнут из списка живых? Не будут лечить? Почему после успешных компьютеризаций, о которых нам столько пели, надо топтать в регистратуру, где по месту прописки лежит медицинская карта, чтобы написать от руки какое-то заявление? Вероятно, потому, что чиновникам так удобнее.

Манеры выстраивать всех в унизительную очередь никуда не делись. Больше того, появились современные формы издевательств. Например, московский дептранс расставляет по городу «парковочные ловушки» для автомобилистов (например, там, где раньше можно было парковаться, или там, где парковка жизненно необходима, – у больниц, магазинов), утаскивает машины с помощью сотен эвакуаторов, чтобы потом граждане часами выуживали свои авто, да еще платя за это сумасшедшие деньги. Которые идут непонятно на что, потому что ситуация с парковками что-то зримо не улучшается.

Это все к чему? К тому, что в пору тягостных ожиданий и тревожного состояния экономики, вступившей в конфликт с могучим Западом, надо бы изменить стилистику общения власти с населением. Негоже унижать «тыл», когда страна в кольце, по крайней мере экономическом, врагов и фронтов. Надо сменить эту надменную манеру общаться на казенном языке через губу, взяв на себя труд терпеливо, с цифрами и фактами разъяснять сложившееся положение.

Я не жду, что лично президент, как Рузвельт какой-нибудь, будет еженедельно проводить «беседы у камелька», объясняя свою политику. Но свою часть пиар-работы он все же делает, оттого и рейтинг пока стоит.

Другие же высокие чины могли бы расширить осведомление народа, выйдя за рамки примитивных заявлений о том, что, мол, кто зарабатывает и тратит в рублях, тому и девальвация не страшна. Тем более что в ближайшие год-два ситуация в экономике сулит лишь ухудшение, падение зарплат, уровня жизни, сокращение социальных расходов. Последние уже урезаны в принятом только что голосами правящей партии бюджете – по ряду направлений той же медицины и образования. И люди это чувствуют. Но вместо объяснений им «впаривают» с думской трибуны ничего не говорящие цифры абсолютных расходов в миллиардах рублей. Народ продолжают пытаться кормить сказками.

Склонность власти к скрытности понятна. В непростые времена вопрос «стилистических расхождений» с властью вообще обретает характер вопроса национальной безопасности. Ведь тогда надо не только менять тон общения с народом, используя более доверительный, доходчивый, предусматривающий разъяснение принимаемых мер (тем более что многие из них будут непопулярны и точно потребуют объяснений), но и самой меняться. Чтобы восстановить хотя бы частично доверие общества, отсутствие которого сегодня есть главное препятствие для развития страны, в том числе экономического.

Россия сегодня – страна с вопиющим, величиной с пропасть, разрывом между самыми богатыми и бедными слоями населения. И вот ровно в то же время, когда власть сворачивает программу борьбы с онкологией, журнал Forbes публикует очередной рейтинг российских богачей, где на первых, почетных местах – руководители государственных банков и корпораций. Глава ЦБ Китая, ВВП которого в четыре раза больше нашего, довольствуется «жалким» годовым доходом \$300 тыс.

У нас руководитель одного из крупных – государственных, подчеркиваю – банков с отнюдь не блестящими финансовыми показателями кладет в карман пару миллионов рублей в день. Да он вместе с парой своих коллег мог бы самостоятельно профинансировать всю годовую программу по борьбе с онкологией!

Рост доходов в госаппарате идет темпами, стремительно опережающими даже рост доходов в сытой нефтегазовой отрасли. Никто из высоких чиновников давно не летает эконом-классом. Думские депутаты имеют месячный доход, в пятнадцать раз превышающий среднюю зарплату в стране. И выдают законотворческий бред, который больше смахивает на личный пиар, чем идет на пользу родине.

Продолжают всплывать дикие примеры госзакупок, которые вызывают оторопь беспардонной финансовой разнузданностью. На этом фоне игры московских ведомств в установку тротуарных столбиков, а затем повсеместное их спиливание – детский лепет на лужайке. Кстати, сейчас опять затевают ставить столбики – по Садовому кольцу. По моим подсчетам, 22 500 руб. за штуку,

«отлитую» на сей раз в граните. Для сравнения: размеры тарифа ОМС в Москве, усредненные по онкозаболеваниям, колеблются от 4 тыс. до 160 тыс. руб. в год, в среднем 78,7 тыс. руб. за больного. По сердечно-сосудистым заболеваниям – от 29 тыс. до 80 тыс. руб., в среднем 47,3 тыс. руб. Два гранитных столбика...

В «прогнившей» Америке медицинская реформа – вопрос острейшей политической борьбы и общественных дискуссий.

У нас она проводится исподтишка. При этом одновременно – тоже без огласки, но такие вещи всплывают – с воссозданием советской системы «спецлечения» для чиновников, для которых недостаточные тарифы ОМС компенсируют из бюджета. А остальным и так хватит.

Без широкого обсуждения идет и «оптимизация» учебных заведений. Равно как и введение почти во всех регионах (Москва пока с этим не спешит, но и она скоро должна внедрить) в платежках ЖКХ новой графы «Капремонт». При том что непонятно, куда делись все прошлые отчисления граждан на эти цели. Тарифы – на усмотрение местных властей. Откуда берутся расценки, кто их посчитал, как будут тратить деньги – молчок. В подавляющем большинстве случаев они пойдут в общий котел местного уполномоченного чиновниками оператора-монополиста. О праве граждан собранием жильцов постановить собирать деньги на собственный домовый счет (такое право дано законом, но время выбора хитроумно ограничено) региональные власти предпочитают умалчивать, считая, что лишняя честность и открытость тут ни к чему. Как и во всех других вопросах.

А ведь без открытости, без подотчетности власти невозможен не только переход к условно «либеральной модели» экономики, когда снятие дурацких административных барьеров, снижение налогов могли бы раскрепостить предпринимательство, вытянув экономику (этого не будет без повышения доверия к госинститутам, начиная с судебной и кончая исполнительной властью всех уровней), но и даже переход к модели мобилизационной.

Даже в советские годы, когда действовала система привилегий для номенклатуры, вожди знали, как говорится, меру.

В сытые годы высоких нефтяных цен неформальный договор населения с властью подразумевал: общественная пассивность и счастливое невникание в масштабы коррупции, неэффективности госаппарата и его трат является разменом на дозволение обывателю купить, потреблять и богатеть.

В наступающие «худые» годы власть продолжает себя вести, как ни в чем не бывало, не считая нужным сменить тон и содержание диалога (его скорее вообще нет, этого диалога) с обществом. И это рано или поздно станет самоубийственно опасным для нее. При таком «гнилом» тыле победы на западном «фронте» не видать.

2014 г.

Билетики имени Лаврова

Недавняя на шумевшая оговорка Сергея Лаврова, уловленная невыключенным микрофоном, может по праву считаться символом нашего времени.

«Дебилы» и нецензурное слово. Возможно, он еще напишет в мемуарах, кому предназначалась данная сочная и емкая фраза (по ходу сюжета вроде не похоже, что именно саудовскому коллеге, вопреки злопыхателям сайтов, кончающихся на .ua). Нам же можно просто запастись «билетиками» с этой надписью и «обилечивать» ими встречаемых-поперечных. Многие ведь заслуживают.

Буквально каждый день встречаются ситуации, которые нельзя объяснить ничем, кроме простой человеческой глупости. Но не той, которой без малого 500 лет назад посвятил свой трактат Эразм Роттердамский, потому как схоласты (о которых писал Эразм) дебилам рознь.

Речь идет о вполне одноклеточной, чисто обывательской глупости, замешанной не только на незнании и необразованности, а еще и на нежелании напрягать мозг просчетом простейшей ситуации хотя бы на два хода вперед.

Так часто бывает, например, на наших дорогах, когда видишь последствия аварии и совершенно не понимаешь, как люди совершили то, что нельзя объяснить ничем иным, кроме как полным отсутствием у них мозгов. Такую же логику действий подозреваешь, когда видишь в Москве установку знаков «платная парковка» вперемежку с «остановка запрещена». Для полноты картины их еще дополняют подчас якобы «парковочными карманами» (на самом деле – ловушками, поскольку перед ними ставят знак «остановка запрещена») и противоречащей знакам разметкой.

И лишь потом до тебя, дебила, доходит, что в данном случае люди просто косят под идиотов, а на самом деле это такой хитрый бизнес-план.

Или вот, например, хочется выписать «билетик им. С.В. Лаврова» ставропольскому губернатору – за то, что предложил ограничить поголовье скота в личных подсобных хозяйствах. Как же так, ведь они производят более 40 % молока, примерно столько же говядины и еще больше свинины в стране? Хотя под них и маскируются многие коммерческие сельхозпроизводители, избегая тем самым оков «дебилизма» системы государственного регулирования и управления аграрным сектором. Он что, хочет устроить тут голод? Потом опять же понимаешь: нет, он вовсе не дебил, у него просто логика мышления другая.

«На отдыхе люди вообще не думают», – заметила как-то мне одна управляющая, сдающая квартиры отпускникам на курорте, откровенничая, какие несусветные глупости совершают постояльцы. Против которых, соответственно, нужна тройная «защита от дураков». А не отдыхающие разве думают, спросил я ее в ответ, но не получил разъяснений на этот счет. Особа политкорректно замаялась – или эта категория людей ей была вовсе незнакома.

И, наверное, она не смогла бы объяснить, зачем надо менять полярность нехитрого прибора, устанавливая его на ракету-носитель «Протон», тем более что в таком положении он не встает по месту и его туда надо вколачивать.

Недавно в ходе неспешной беседы с одним из работников национального парка «Валдай», во время которой он рассказал о непростой и требующей постоянной гибкости жизни парка в местах, где любит отдыхать и имеет резиденцию первое лицо, заговорили о жизни и одноименного городка.

Бедновато городок живет, прямо скажем, разве что постепенное развитие приозерной рекреации и наплыв богатых дачников дают ему некоторую надежду. А так особого производства нет. Недавно, правда, один предприниматель хотел обустроить в городе некое химическое производство, но ему не дали. Оно, конечно, и слава богу. Но я сразу подумал: это какими же мозгами надо обладать, чтобы затевать, зная хоть как-то наши российские реалии, даже просто помыслить затевать, «химическое производство» с видом на отлакированный, как игрушка, Иверский монастырь (зовущийся здесь придворным) и резиденцию Владимира Владимировича?

Нет, люди точно не думают вообще. Что среди олигархов, что полуолигархов, что недоолигархов встречаешь такое количество просто недалеких людей, что диву даешься, как они вообще сумели организовать свой бизнес, разбогатеть и не разориться.

Тут самое время, конечно, вставить расхожий вопрос-поговорку насчет того, «если ты такой умный, то почему такой бедный?», и им же утереться. Но вдруг именно глупость и есть неперемное условие бизнес-успеха в нашей стране?

В характеристике отечественного бизнеса можно прибегнуть к аналогии Фридриха Энгельса, сказавшего как-то о поляках, что их удел в истории – это смелые глупости. Потому что какой же нормальный человек будет делать бизнес в такой стране, как Россия, где правят не по законам, а по понятиям? Где крупнейшей нефтяной компанией управляет филолог-романист, преподаватель португальского и французского языков (тут можно вставить оценочное суждение, начинающееся со слов «не мудрено, что эта компания...», но мы не будем).

Где сначала принимают закон, а потом чешут репу на предмет, а как же его теперь исполнять.

А Энгельс, конечно, со своим друганом Марксом были немножко ксенофобами, дожили бы до нашего времени – ходили бы, глядишь, под 282-й статьей. Или их побил бы, оскорбившись (уж нашел бы за что!), какой-нибудь православный активист Энтео,

которого, скажем, вспыльчивый Карл вдруг обозвал бы «дебиллом». Прямо на выставке какой-нибудь в Манеже и побил бы.

Или вот эта история с сестрой Водяновой, инвалидом с ДЦП и аутизмом, и кафе «Фламинго», которое, как все теперь знают, в Нижнем Новгороде. Уж все про это отписались, восходя к высоким гуманистическим обобщениям, ну и насчет «режима», конечно, тоже. Отношение к инвалидам дает богатый простор для эпических сравнений. Тут тебе хоть Третий рейх, хоть Спарта – жги плаголом не хочу.

Мне же лично интересен ход мыслей (если слово «мысль» в данном случае вообще уместно) хозяина заведения, про которого прокурорский публицист Маркин уже недвусмысленно намекнул, что ему может светить «пятерочка».

Многие думают, что если бы то не была сестра самой Водяновой, то все бы и обошлось, никто бы не заметил. Возможно. Но не факт. История могла все равно попасть в соцсети, все равно мог подняться шум в сидящих на голодном информационном пайке СМИ. Им сейчас все равно, что хавать: сгодится и то ли украденная, то ли пропавшая собака-поводырь, и девушка с ДЦП. Все равно какой-нибудь из политиков в стране без политики оседлал бы тему, пытаясь вырваться на полголовы вперед в бессмысленной скачке тщеславия, где все победители и проигравшие уже давно назначены и расставлены по местам, а главный победитель уже давно везде пришел первым. Хотя он всегда и опаздывает минут на сорок.

Вот чем этот чувак, хозяин кафе, думал?

После всех историй с уморенной охранниками ЧОП питерской бабушкой-блокадницей в магазине «Магнит» и ей подобных. После пьяных депутатов на таможне и дебоширящих людей в самолете. В мире, когда любой невыключенный микрофон сразу дает миллион просмотров в YouTube. Когда любой хозяин видеорегистратора – потенциально Авраам Запрудер. Когда судьба трех «жидобандеровских гусей», раздавленных трактором опричников эмбарго, в иерархии бесконечного потока новостей занимает место, равнозначное освещению очередной строгой сентенции премьер-министра, или его же веселого селфи, или встречи за знаменитым Т-образным столиком первого лица с главой Центробанка на тему «укрепления рубля» (оно же – его обвала).

Это каким же надо бы умным человеком, чтобы не предвидеть, что информация о подобной выходке по отношению к инвалиду (как бы он к ним ни относился) тотчас может стать (не стопроцентно, но вероятность высока) достоянием миллионов. В том числе активного блогера-публициста Маркина и его коллег. И согласно суровым законам всеобщей открытости и торжества виртуальной реальности, последствия могут быть тоже показательно постановочными: кафе – закроют, уголовное дело – заведут, а по всей области проведут показательный рейд на предмет соответствия пунктов общественного питания требованиям по доступности для людей с ограниченными возможностями.

Впрочем, общественная среда становится в этом плане все более гомогенной – спасибо упадку образования и оглупляющему ТВ.

Принцип «воинствующего дебилизма» успешно захватывает все новые сферы – законодательную, экспертную, информационную.

И на самом деле это ж спасение наше. Не надо умничать, тем более рефлексировать. Меньше знаешь – крепче спишь. На том стоим и еще долго стоять будем.

2015 г.

Когда в России закончатся «мозги»

Поскольку мы ошестинились по отношению к Западу, то следует ли на утекающие туда «мозги» смотреть как на дезертиров, перебежчиков и предателей? Ведь если останутся тут такие «шибко умные», настроенные не на ту волну, что наше «моральное большинство», то могут встроиться в ряды «пятой колонны» – и давай воду мутить. Может, и пусть валят? Дилемма, однако.

Впрочем, если деградация нашего образования и дальше пойдет такими же темпами, то, может, проблема рассосется сама? В том смысле, что «мозги» кончатся и утекать будет нечему.

Хотя трудно себе представить, что в такой большой и славной талантами стране совсем не останется «мозгов».

По сети гуляют разные цифры. Кто-то говорит о 200 тыс. покинувших Россию в течение последних двух лет. Официальная статистика переехавших на ПМЖ раз в десять меньше. Переезд каждого публичного лица сопровождается подчас злорадными (или завистливыми?) возгласами, что, мол, вот еще один выпал из нашего гнезда, «выбрав свободу». Так, мол, и надо «кровавому режиму». Опросы намерений молодежи (якобы в большинстве своем настроенной валить) призваны иллюстрировать тезис, что у страны нет будущего. Хотя между декларацией намерения и его осуществлением – дистанция огромная. Для многих это всего лишь пассивно-протестная или ленная поза, за которой нет никаких приготовлений.

Но ведь и аналогичные опросы молодежи в благополучных, скажем, европейских странах выдают такие же или близкие цифры. Мир изменился. И сегодня «валить» – это совсем не то, что в конце XIX века, когда спасавшиеся от голода ирландцы или от погромов российские евреи целовали землю, спускаясь с корабля на остров Staten Island с видом на статую Свободы, где был фильтрационный пункт иммигрантов (там теперь трогательный музей, советую посетить всем, кто будет в Нью-Йорке). Они уезжали навсегда.

А теперь можно поехать пожить туда, поработать там-то, учиться в разных странах в поисках себя лет до тридцати, а на старости лет осесть в тихом и теплом месте на берегу океана (ну ладно, моря).

Но у нас многие по-прежнему оценивают все эти путешествия по-советски, когда отъезжающих на ПМЖ лишали гражданства. В этом смысле закон об уголовном наказании за недонесение о втором гражданстве или виде на жительство показателен – не фактом появления, а имплементацией, когда на практике ведет к ограничению прав граждан на работу (я не говорю о госслужбе). В это время, к примеру, наш союзник по Евразийскому союзу Казахстан задумался о разрешении принимать иностранцев на госслужбу.

Проблема утечки мозгов связана с уровнем технологического развития страны, ее глобальной конкурентоспособности и местом в мировой экономике. Мы сейчас переживаем сложный этап.

С одной стороны, с самого верха постоянно напоминают о том, что мы не собираемся отгораживаться от мира. Проблема повышения конкурентоспособности страны, отраженная во всяческих рейтингах, остается важной номинальной задачей правительства.

С другой стороны, когда внешнее окружение в силу известных причин рисуется и во многом воспринимается как враждебное, и создателям политических смыслов, и авторам законов трудно избежать искушения вставить свой кирпич в Стену, отделяющую нас от «врагов». Это нынче в тренде. Касается ли это открытости научных и образовательных обменов или нетерпимости по отношению к проникающим к нам «чуждым» ценностям.

Под воздействием пропаганды в народе усиливаются позиции сторонников автаркии, изоляционизма в варианте «осажденной крепости», замешенные к тому же на обиде, что нас никто «там» не любит и не понимает. Зато хотят «поработить».

Крепнет мода на архаику, подаваемую как патриотический традиционализм, под лозунгом «У нас свой путь».

И не нужно нам «оттуда» ничего перенимать, особенно в части общественно-политических практик и институтов. Разве что технологии допустимо позаимствовать или украсть. Чтоб делать ракеты и грозить ими врагам.

Несовременность, ставшая главным руководящим и направляющим принципом властей чуть ли не всех уровней, словно берет реванш у петровских реформ.

Люди, принимающие решения, утрачивают понимание (и желание узнать это), как устроен современный мир, какие тенденции определяют будущее, какие проблемы надо ставить и решать на опережение, а не в порядке реакции на «свист рака на горе».

Несовременность и есть один из источников утечки мозгов, не видящих возможностей для самореализации.

Мой любимый пример для иллюстрации – закон об обработке персональных данных на российской земле (вступит в силу в сентябре). Он написан исходя из столь дремучих представлений о современных информационных процессах, будто неандертальцы писали инструкцию по пользованию паровым двигателем.

Рано или поздно все это – подобный далекий от современной научности управленческий подход – будет признано величайшей исторической ошибкой нашего времени.

Примерно так в конце советской эпохи отстало от времени дряхлое Политбюро.

Еще недавно государство, признав, что нам есть чему учиться за границей, запустило программу кредитования обучения наших студентов в престижных (225 позиции) зарубежных университетах по нужным стране специальностям. Поступивший в такой университет студент получает право на госпомощь с обязанностью вернуться на родину и отработать по полученной специальности. На два года было выделено 4 млрд руб. На 1500 мест.

Недавно с удивлением узнал, что, оказывается, места эти не разобраны. Не хватает желающих. Сейчас число мест урезают до 750, правда, размеры помощи каждому получателю удвоятся. При том что многие предприятия, приписанные к программе, вовсе не горят желанием принимать на работу прошедших ее студентов. Ведь они – о, ужас! – учились за границей!

Китай ежегодно отправляет за госсчет учиться за рубеж 250 тыс. студентов (принимая и у себя 300 тыс. иностранных учащихся), еще примерно столько же обучаются за свой счет. Только в США учатся сотни тысяч китайцев. Технологический рывок КНР, осуществленный в последние годы, стал возможен благодаря в том числе этим усилиям. А еще привлечению высококлассных иностранных профессоров в свои университеты. У нас, кажется, такая программа окончательно заглохла, а факт наличия в вузе иностранного профессора скоро будет приравнен к госизмене (см. недавний случай в Нижнем Новгороде).

Кстати, в странах СНГ первым у себя программу обучения за границей за госсчет – еще в 1993 году – запустил тот же Казахстан. Ее прошли уже тысячи, этих людей охотно принимают на госслужбу. Они едут учиться, зная, что будут востребованы на родине.

Востребованы ли современные мозги в нашей нынешней экономике и управленческой системе?

У нас за свой счет за рубежом обучались в прошлом году примерно 50 тыс. человек. Поток вырос по сравнению с 1990-ми раза в три. Говорят, стали больше возвращаться, хотя для многих это по-прежнему способ «зацепиться» там. Будет ли этот поток возрастать и дальше? Не уверен. Речь о мозгах, а не о неквалифицированных работниках, которых с лихвой можно взять в других странах, кроме России.

Первая причина – это упадок нашего образования. Главное – высшего. Оно все больше превращается в профанацию, когда преподаватели, получающие издевательски смешные зарплаты, не имеют ни возможности повышать свой уровень, ни мотивации. Вузы превратились в синекуры отставников, отстойники для малокомпетентных специалистов либо в клубы альтруистов, которые тянут лямку, опираясь на помощь супругов или иные источники доходов. Качество абитуриентов год от года не улучшается (спасибо ЕГЭ), а качество выпускаемой вузами «продукции» падает. Кому нужны такие неконкурентоспособные «мозги»?

По мере нарастания технологического отставания мы все больше будем разбегаться по разным мирам с передовыми странами. Между нами будет пропасть.

То, что уже сейчас научные институты и вузы отрезаны (во многих ли имеются подписки на профильные научные журналы?) от актуальной научной информации, технологий и оборудования (многие ли учебные заведения оснащены современным оборудованием, что сделано для превращения их в реальные, а не на бумаге исследовательские центры?), не пройдет даром.

Вторая причина – идеологическая и психологическая. Здесь проще и понятнее. Не надо «фвать пупок» в гонке за успехом. Не надо встраиваться в чужую и оказавшуюся на деле (вопреки розовым мечтам конца 1980-х) жесткой западную жизнь. Сложная демографическая ситуация дает шанс на работу всем, включая самых тупых и ленивых. Общий низкий уровень компетенции во все сферах, какую ни возьми, позволяет совершенно не напрягаться за такие деньги, которые в иной конкурентной среде такие «спецы» никогда в жизни даже близко не получают. Понятная и привычная среда господства «неформальных отношений», когда можно договориться по понятиям, а не по этим занудным «западным» правилам, дает простор для сносного существования без особых хлопот.

А ресурсов государства (не будет нефти и газа – будем торговать водой, найдем что продавать) хватит еще вопреки алармистским прогнозам на десятилетия такой незамутненной жизни.

Можно пристроиться в госаппарате, который по популярности давно превзошел в умах молодежи всякие там Гарварды с Йелями. И стричь административную ренту. Карьера в госкорпорации, где правят вовсе не принципы меритократии, – вот мечта. Принцип «на наш век хватит» никто не отменял.

Можно провести аналогию с нашими футболистами или звездами шоу-бизнеса. Кому нужно париться, убиваясь на играх, скажем, английской премьер-лиги чуть ли не каждый день, если можно на родине вразвалочку заработать себе в разы больше денег? А тех, кто собирает «чесом» по городам и весям нашей родины миллионы на безголосом шансоне, на «жестком Западе» не во всякий кабак взяли бы подпевать.

Так что уже в ближайшем времени число профессий, обладатели которых смогут рассчитывать на свою универсальную применимость во внешнем мире, еще больше сократится. И ответом на вопрос «Не пора ли валить?» все чаще будет «Да кому ты там нужен». Сиди тут и не квакай.

2015 г.

Родина или фарс. Чем патриот отличается от негодяя

У нас в университете был «патриот». Член партии. Кажется, его звали Стасик. Думаю, он был еще стукачок. Едва речь заходила о политически «деликатных» (то было время позднего брежневского маразма) вещах, он менял выражение лица на строго официальное и начинал говорить, как с трибуны партсъезда. Потом уехал. В США, разумеется. Таких было много. Комсомольские и партийные активисты, почуяв ветер перемен, поднявшийся от распавшейся советской империи, ловко перенаправили его в свои паруса.

Сейчас вот опять на патриотизм стали напирать. Напрашивается продолжение от Михаила Евграфовича – «...видать, проворовались». Ну да. Но это вечное. Есть и преходящее. Идет поиск, многое не устоялось. И неизвестно, на чем сердце успокоится. Слишком много политиканства, суеты и конъюнктуры. И претендентов в натужные патриоты.

Вот один топ-менеджер Mail.ru усмотрел крамолу в игре «World of tanks». Там, видите ли, есть не только советские танки, но и фашистские, которые иногда бьют советские. Хотел «стасик» прокукарекать «в струю», но здравый смысл почему-то возобладавал, «стукачка» уволили, тем более что компания, как я понимаю, зарабатывает на предоставлении онлайн-доступа к игре.

Однако сама тема Великой Отечественной становится похожей на минное поле. Куда ни ступишь – ничего нельзя.

Вот уже нашелся свой «стасик» в Совфеде: закрыть, мол, надо CNN, поскольку ее рейтинг «уродливых памятников» включил монумент защитникам Брестской крепости. Мы к памятнику привыкли, он для нас неуязвим, он дорог и воспринимается иначе, чем для людей другой культуры. Но отчего мы так болезненно реагируем на их неадекватность нашему мировосприятию? В свое время памятник Вучетича «Алеша» тоже критиковали за слишком длинный меч – мол, им махать нельзя, но истерики по этому поводу не было.

Наверное, потому, что новая русская гражданская нация, сама ее система ценностей не устоялись.

Они пока представляют собой бульон из немножко православия, немножко имперскости – непонятного свойства, немножко народности из флакона с названием «Патернализм», немного здорового национализма и нездорового шовинизма (пока непонятно, как их вберет в себя будущая гражданская нация, если она таки сложится). Здесь же – сакрализуемые события Второй мировой войны. Бульон пока не доварился, но желающих снять пену предостаточно. Причем чем громче вопит такой «патриот», тем больше требует дисконта или премии за свои шарлатанство и непрофессионализм.

Или взять Олимпиаду. С одной стороны, всякая ее критика (за расточительство, за какие-то недочеты – а где их нет?) воспринимается как подрыв государственных устоев. Не придумают ли статью «За отрицание Олимпиады»?

Сверху идет юманда – дать пропагандистский отлуп, охранители заводят заунывную «собачью песню» про то, кем проплачена и оркестрирована очередная гнусная антироссийская кампания. Хотя со стороны западных медиа (тот же «рейтинг CNN», вид сбоку) речь идет всего лишь о примитивном, штампованном, мифологизированном восприятии России, подстраиваемом под такие же обывательские штампы.

С другой стороны, трудно представить, чтобы еще в какой другой стране подача, как делают наши иные критики подобного мероприятия, тем более такого неполитического, как Олимпиада, столь устойчиво напрашивалась на ассоциации со словами «вонять» и «гадить». Почти большевистская позиция «поражения своего правительства». Неужто люди не чувствуют банальную неуместность криков «Долой Олимпиаду!», когда она уже началась?

Если первая позиция не лишена фальшивого официоза, то вторая не может восприниматься как просто сильно нездоровая. И далекая от практикуемой, скажем, американцами: «политические разногласия кончаются у кромки воды». В том смысле, что не надо вывешивать свое грязное белье всем напоказ.

Надо самим разбираться – и сажать воров по итогам разборок. А спорт не мешать с борьбой с «кровавым режимом». Это выглядит нелепо.

И люди в большинстве не поймут, презирая таких «оппозиционеров». Тут уместны слова Пушкина (из письма П.А. Вяземскому): «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Впрочем, исторически понятие патриотизма в разных странах редко было свободно от политической конъюнктуры. К примеру, известна фраза «Патриотизм – последнее прибежище негодяев». Меньше известно, в каком контексте она родилась. Дискуссии вокруг патриотизма начались в Европе в Новое время. В Средние века патриотизм заменяла лояльность монарху, приверженность христианству. Хотя в раннем христианстве дело обстояло иначе, о чем ниже.

Скажем, термин «патриотизм», появившийся в политическом дискурсе в Англии XVIII века, изначально имел оппозиционный оттенок.

Именно таких «патриотов» клеймит один из идеологов консерваторов Сэмюэл Джонсон в эссе «The Patriot» 1774 года. Там их главная черта – это оппозиция двору. Причем апелляция «патриотов» к народу, в том числе к низшим слоям, в корне неверна, по Джонсону. Настоящий патриот не должен подчиняться воле избирателя, так как мнение толпы переменчиво. Его фраза про «последнее прибежище негодяев» адресована позже радикалу Джону Уилксу, критиковавшему короля и выступившему за

независимость американских колоний. В этом смысле Уилкс созвучен неожиданно сегодня звучащему – тоже «патриоту», одному из ярких лидеров Американской революции – Томасу Пейну, говорившему, что «долг патриота – защищать свою страну от ее правительства». Любопытно, что во второй половине XIX века английский патриотизм обретает на время милитаристский оттенок. В пору обострения соперничества с Россией он получает оформление в виде «джингоизма», с явным русофобским оттенком, следы которого при желании можно уловить и в нынешней англо-саксонской политической традиции.

В контексте идеологии европейского Просвещения светский патриотизм как любовь к отечеству был важен как противопоставление верности церкви и монарху. По словам Монтескье, любовь к отечеству – это любовь к равенству. И если двигателем монархии является честь, двигателем республики – политическая, гражданская благодетель. Под лозунгом «Отечество в опасности!» вожди Великой французской революции подразумевали борьбу за внесловную гражданскую нацию.

В Россию термин «патриот» попал в XVIII веке как раз из работ просветителей. Однако и в XIX веке он по-прежнему неотделим от монархического лоялизма. Отечество и император отождествлялись. Посему для либеральной тогдашней общественности (начиная с декабристов) «патриотизм» идет в негативной связке. Сначала со словом «квасной». Во времена Александра III это «казенный патриотизм».

XX век в западной мысли ознаменовал окончательный разрыв в понимании патриотизма между лояльностью государству (то есть правительству или режиму), с одной стороны, и отечеству – с другой.

Теодор Рузвельт сформулировал это в самом начале века: «Патриотизм означает поддержку своей страны. Это не означает, что патриотично поддерживать президента или иных должностных лиц. Только в той степени, в какой они служат интересам страны».

А вот Лев Толстой формулирует иначе: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти... Патриотизм есть рабство». Это из работы «Христианство и патриотизм», где можно местами увидеть отсыл к раннехристианским воззрениям. Не случайно ведь имперский Рим видел в раннем христианстве угрозу имперскому патриотизму. Проповедь о «небесной отчизне» и представления о христианской общности как особом «народе Божьем» вызывали сомнения в лояльности земному государству.

В этом смысле понимание современного русского патриотизма как патриотизма гражданской единой (без акцента на многонациональность!) нации еще не устоялось.

Оно, очевидно, не вполне самостоятельно от понимания лояльности именно конкретному режиму и правителю, а также православной вере. После эры идейного господства «пролетарского интернационализма» (и идеи мировой революции) мы в какой-то мере откатились к дискуссиям второй половины XIX века. Когда, с одной стороны, Николай Добролюбов писал: «В недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом».

С другой – историк-западник Владимир Соловьев полагал, что «любовь к отечеству не противоречит непременно привязанности к более тесным социальным группам, например к семье, так и преданность всечеловеческим интересам не исключает патриотизма (то есть уже была коллизия насчет «общечеловеческих ценностей». – Г.Б.). Вопрос лишь в окончательном или высшем мерило для оценки того или другого нравственного интереса; и, без сомнения, решительное преимущество должно здесь принадлежать благу целого человечества как включающему в себя и истинное благо каждой части... Идолопоклонство относительно своего народа, будучи связано с фактической враждою к чужим, тем самым обречено на неизбежную гибель».

Беда в том, что уровень нынешнего дискурса на данную тему обнаруживает полное отсутствие участников, хотя бы отдаленно сравнимых с Толстым, Добролюбовым и Соловьевым.

Торжествующее на каждом шагу интеллектуальное убожество пытаются скрасить политизированной кликушеской «оскорбленностью», окриками, угрозами уголовного преследования за «мыслепреступление» и запретами дискутировать по темам, определяющим нравственные ориентиры общества, объявляя их сакральными и потому неприкосновенными. Впрочем, это, возможно, лишь детские болезни процесса формирования гражданской нации. Они либо пройдут, либо убьют «дитя», не дав ему достигнуть зрелости. Или вместо зрелой гражданской нации получится зашуганный и закомплексованный, вечно обиженный и озлобленный на всех народ-ребенок.

2014 г.

Индустрия запретов

Речи про суверенизацию выливаются в решения, ведущие к изоляции страны в самых разных сферах. Борьба с «иностранинкой», от второго гражданства, обладание которым будет становиться все более неудобным, до резкого ограничения иностранного участия даже в «пламуре», набирает обороты и, видимо, скоро по своей параноидальности сравняется с кампанией по борьбе с космополитизмом начала 50-х годов XX века.

Предсказуемо на острие атаки оказался Интернет. Те, кто еще пару лет назад уверял, что его «китаизация» в России невозможна, сегодня – в первых рядах атакующих.

Реакционные законопроекты по этой части инициируют люди, которые раньше не то что не блистали знаниями о том, как функционирует постиндустриальное информационное общество, но и вряд ли понимают, что прописано в тех законопроектах, которые подписаны их именами, и как потом все это будет работать на деле. «Сначала примем, потом посмотрим и поправим», – стало принципом законодательного «творчества». Проще он звучит так: «Больше ада!».

Чем больше будет сооружаться всевозможных фильтров, стен, запретов и ограничений, тем сильнее вокруг них будут разрастаться структуры, ответственные за соблюдение «режима» – за фильтрацию, поиск и наказание нарушителей, выявление новых «уязвимых мест» и выдумывание новых ограничений.

Возникнет отдельная отрасль, охватывающая собой все сферы общественной и экономической жизни. Отдельная индустрия запретов. Потраченные на ее создание и поддержание ресурсы не только будут выведены из других сфер экономики, начиная от здравоохранения и образования и кончая инвестициями в инфраструктуру, но и будут – в рамках индустрии запретов – работать против всей остальной экономики страны. Понижая ее конкурентоспособность, эффективность, увеличивая технологическое отставание. А заодно изгоняя из сферы информационных технологий (и массмедиа, и телекоммуникаций) не только капиталы, но и творческие мозги, которые найдут себе применение в других юрисдикциях.

Ведь ни капиталы, ни мозги добровольно не стремятся в «шарашку» за забором из колючей проволоки. Иными словами, чем больше регуляций, тем меньше капитализация.

Мы все это проходили в СССР, когда закрытость системы лишь приумножала ее неэффективность, приводя в конечном счете к ее краху.

Хотя в мозгах нынешних политических реакционеров-недоучек все объясняется чуть проще – американско-саудовским нефтяным заговором, а также происками старика Бжезинского. Ну и ЦРУ, ясен пень. Эти недоучки сами себя поместили в особый изолированный мир, населенный, как сказочный лес троллями, подобными глупостями.

Один из американских исследователей подсчитал, копаясь в советских архивах Гуверовского центра, что из 32 тыс. постановлений советского правительства, касавшихся сугубо экономических вопросов, изданных с 1930 по 1941 год, были опубликованы лишь 4 тыс. Остальные были засекречены. 5 тыс. получили гриф «Совершенно секретно», то есть были доступны лишь узкому кругу высшего руководства.

По воспоминаниям Горбачева, в 1980-х годах вся статистика, касавшаяся оборонной сферы, была недоступна, в том числе членам Политбюро ЦК КПСС. Монопольно ею владел лишь министр обороны Устинов. Полный доступ имели помимо него генеральный секретарь ЦК, председатель Совета министров и начальник Генштаба.

О какой эффективности в принятии решений, объективной оценке полученных результатов могла речь идти в такой экономике?

При этом никто и никогда, насколько мне известно, не проводил подсчетов, во сколько именно (в долях ВВП) обходилось советской экономике поддержание режима параноидальной секретности и закрытости общества в целом. Тут и прямые расходы на содержание всевозможных спецхранов и спецотделов, и опечатывание печатных машинок в праздничные дни, и блокирование информации, поступающей из-за границы.

Мы, возможно, никогда не узнаем, какие ресурсы были потрачены на все эти в прямом и переносном смысле «глушилки».

Еще труднее подсчитать ущерб косвенный, вылившийся в отставание в технологиях, а также в то, что после краха СССР бывшие «завлабы» и секретари обкомов советского «информационного заповедника» оказались в целом неадекватны стоявшим перед страной задачам модернизации и реформ.

В условиях современности в силу решающей роли, которую играют стремительно передаваемые информационные потоки, последствия такой самоизоляции окажутся еще более катастрофическими.

По некоторым данным, Китай в свое время потратил на создание «Великой китайской Firewall» (проект «Золотой щит») около \$800 млн и тратит существенные суммы на ее поддержание. В системе фильтрации работают не менее 50 тыс. человек.

Можно, конечно, подсчитать, сколько получилось бы построить школ, поликлиник или детских садов на те \$20 млн, что уже угроханы у нас на создание «Ростелекома» государственного поисковика «Спутник» (стерильного идейно, но абсолютно беспомощного, на мой взгляд, технологически).

Нет, кажется, инвестиций в наше время более абсурдных и непродуктивных, чем государственные (!) вложения в интернет-поисковик. А сколько еще будет потрачено на создание подобных «игрушек».

Сначала на создание «фильтров» и «черных списков» (с зарплатой людям, их составляющим, с вложениями в «железо» и софт), потом на блокировку каналов VPN, обходящих эти фильтры. Потом какой-нибудь Эдмунд Маски наконец выпишет обещанную премию тому, кто придумает способ доставки интернет-трафика непосредственно на каждый компьютер на манер Wi-Fi.

И тогда придется придумывать «глушилки» для космического Интернета. И эта технологическая гонка все равно будет проиграна.

Россия является единственной страной в мире, где идет столь стремительное наступление на Интернет и свободу распространения информации вообще. Вспомним опять же принятый на прошлой неделе с пулеметной скоростью закон о 20-процентном пороге иностранного участия в СМИ, как будто это военная мера, а на пороге война. Нет precedентов такого регресса, такой реакции.

Все остальные страны, где такие или подобные ограничения были изначально, на старте информационной революции, как правило, движутся в обратном направлении – в сторону постепенной либерализации.

Приводимая нашими реакционерами часто в пример китайская экономика несопоставима с российской по многим параметрам. Ни по инвестиционному климату в целом, ни по менталитету самих китайцев, ни по наличию в ней такого фактора, как «одна страна – две системы» (Гонконг), ни по способности масштабного вовлечения в промышленность сотен миллионов нищих крестьян и т. д.

И тем не менее о динамично развивавшейся китайской экономике все чаще говорят, что закрытость Интернета в КНР (и в целом жесткость политической системы) оказывает на это развитие все более сдерживающее влияние.

Китай, где фильтрация контента (и массовое использование сервисов VPN в ответ) тормозит скорость передачи данных, находится на 94-м месте по этому показателю в мире, отставая от многих развивающихся стран. Это уже стало сдерживающим фактором для притока инвестиций в сферу информтехнологий: по подсчетам представительства Американской торговой палаты в Китае, не менее 40 % мероприятий по фильтрации контента имеют прямой отрицательный эффект для бизнеса, а есть еще косвенный.

Тем более не следует ждать от такой системы прорывов в части новых изобретений: именно поэтому в Китае в обозримом будущем невозможно создание таких технологий, которые заложены в современном iPhone, удел такой экономики – сборка, воровство промышленных секретов и копирование.

А по мере исчерпания такой важной движущей силы экономического роста КНР, как приток дешевой рабочей силы из деревни, рост будет замедляться и в других областях. Впрочем, китайские власти, похоже, уже осознают, что такая закрытость может представлять угрозу для будущего страны. На местах уже можно разглядеть признаки определенной либерализации (например, в системе местных выборов), а в Пекине уже появились места с открытым Wi-Fi, от которого у нас как раз собрались отказываться.

Разумеется, открытость не отменяет борьбы с киберпреступностью и хакерами. Однако это иная работа, отличная от борьбы за перенесение обработки персональных данных россиян на родную землю.

Последнее мало того что противоречит принципам Интернета (как, к примеру, будут существовать в этих условиях облачные технологии, повсюду используемые в работе ведущими корпорациями? Ответ – никак), но и отвлекает людские и материальные ресурсы от борьбы именно с хакерами и кибертеррористами.

Создатели стен в Интернете не понимают, что в усеченном информационном пространстве окажутся и они сами, и работники создаваемых ими контролирующих структур. Становясь, соответственно, все менее компетентными.

Пока 50 тыс. работников китайского «Золотого щита» блокируют доступ к Facebook, Twitter, сервисам Google и занимаются прочей непродуктивной ерундой, Пентагон увеличивает подразделение, занимающееся борьбой с кибертерроризмом и, надо полагать, разработкой собственных кибератак, с примерно 900 до 4900 человек. Но никто не отвлекает силы на фильтрацию «Аль-Джазир» или Russia Today, на регистрацию блогеров-трехтысячников, внесение в списки запрещенных сайтов даже самых заполошных критиканов, скажем губернатора штата Северная Каролина.

Хотя бы потому, что открытую систему легче контролировать и мониторить.

Однако заикленность нашего политического класса на неизоляционизме все больше мешает принимать взвешенные и грамотные решения. Причем каждый новый шаг на этом пути будет обходиться стране все дороже.

2014 г.

Кризис «мягкой силы»

Политика наших властей в отношении некоммерческих организаций обсуждается несколько лет. Для одних со знаком минус, мол, «кровавый режим» закручивает гайки. Для других это лишний повод вскричать с пеной у рта о недремлющих «агентах Госдепа». Пройден путь от зачисления первых НКО в «иностранные агенты» (список уже приближается к сотне) до закона о «нежелательных организациях», сотрудничество с которыми чревато уголовкой. Составлен первый «патриотический стоп-лист», один из его фигурантов, Фонд Макартуров, распрощался с Россией. Первой «нежелательной организацией» стал американский Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy – NED).

Если не замыкаться по привычке на себе любимых и любопытствовать, как мы выглядим на общемировом фоне, картина заиграет новыми красками.

Мы в тренде. Те или иные гонения на НКО отмечены в десятках стран.

Можно говорить в определенной мере о новом этапе развития «мягкой силы» в лице НКО. Джозеф Най, придумавший термин, словно спазил, и теперь все чаще по отношению к НКО с иностранным участием приветствие «Welcome!» сменяется на «Go Home!».

По данным Thompson Reuters Foundation, в течение последних трех лет более чем в 60 странах приняты законы, так или иначе регламентирующие получение иностранной финансовой помощи. Либо объявляя их «иностранными агентами» (наш случай, но в целом в мире нетипичный), либо в форме борьбы с «финансовыми нарушениями» (более частый случай), либо под предлогом борьбы с терроризмом (тоже частый). В 2013 году НКО получили от источников в развитых странах более \$17 млрд. А ведь еще в 2004 году сумма была лишь \$2,7 млрд.

Действие рождает противодействие – против иностранного финансирования и направлен контрудар.

Тут мы оказались в компании таких стран, как Азербайджан, Ангола, Камбоджа, Таджикистан, Пакистан, Бангладеш, Кения, Уганда, Эфиопия, Гондурас, Венесуэла, Египет. Тут и Китай (но с оговорками, о чем ниже). В этом же списке и Израиль. Член ЕС Венгрия. И считающаяся «самой многонаселенной демократией мира» Индия.

Политика по отношению к НКО в этой стране ужесточилась с приходом нынешнего премьера Нарендры Моды, называемого на Западе «националистом». Индийский масштаб не сравним с нашим: населения больше, да и практика гражданской активности развита куда сильнее. Весной в рамках кампании по борьбе с «незаконным иностранным финансированием» были лишены лицензий 8875 НКО, в июне-июле – еще 4470. Недавно правительство занесло в специальный список подозреваемых в нарушении национальной безопасности американский Фонд Форда (но не закрыло его). Как подозревают, «из мести» – за связи с активистами, которые в свое время способствовали тому, что, будучи губернатором штата Гуджарат, Моди подпал под санкции США за нарушения прав человека. Были заблокированы счета индийского отделения Гринпис, чтобы не стояли на пути у ряда горнодобывающих проектов.

По линии USAID, Агентства США по международному развитию (у нас запрещено), в Индию поступило в прошлом году \$109 млн. В то же время НКО, получающим иностранную помощь (таких до 45 тыс.), предписано представлять детальный отчет о поступлениях в течение семи дней, банки должны отчитаться о таких проводках в 48 часов, организации должны взять обязательства не использовать эти деньги «вопреки национальным интересам».

Справедливости ради отметим, что большую часть закрытых НКО закрыли по делу, во многом за отмывание денег, ведь до недавних пор у них не было вообще никакой отчетности.

А вот практика объявления «агентами» на манер американского закона 1938 года, на который у нас любят ссылаться (он был направлен против нацистской пропаганды), или «нежелательными» для Индии нехарактерна.

В Пакистане в прошлом году лишены регистрации 3 тыс. НКО, из страны изгнана известная международная организация «Спасите детей» как «работающая против интересов страны». По принятому недавно закону о регулировании иностранного финансирования будет легче запрещать иностранным НКО работать в стране. Однако, приняв закон, власти теперь притормозили с его применением. Сейчас 65 % помощи по линии экономического и социального развития поступает в Пакистан по линии НКО. Исламабад прежде всего хочет, чтобы до 80 % такой помощи шло по госканалам.

После апрельского теракта, когда исламистами были расстреляны 147 студентов Университета Гариссы в Кении, власти этой страны тоже ужесточили подход к НКО. Их в стране 15 тыс., включая 3 тыс. иностранных. За непредставление отчетности и «связь с террористами» закрыли полтысячи. Предполагается ограничить иностранное финансирование до 15 %, остальное должно происходить из кенийских источников. Годовые поступления по линии НКО в Кению – \$1,7 млрд, в основном на медицинские (борьба со СПИДом и вакцинация) и экологические программы.

Новый закон просто убьет большинство из них.

Законы об ужесточении отчетности по иностранному финансированию, аналогичные индийским, приняты в Тунисе и Турции, Узбекистане и Панаме. В Венесуэле, Эквадоре и Гондурасе (в стране отозваны лицензии 10 тыс. НКО за непредставление годовой отчетности) прошли волны закрытия ряда НКО под предлогом «вмешательства в политику». Однако, к примеру, NED в

Венесуэле давно и успешно работает: в 2013 году он профинансировал около 20 проектов почти на \$2 млн. Закон об обязательной финансовой отчетности НКО (их 5 тыс. в стране) принят в Камбодже. Раньше они жили без отчетности.

Действия Венгрии на этом фоне «вегетарианские»: там лишь провели аудит 59 НКО, но шуму это вызвало в ЕС достаточно.

В Израиле ряд правых законодателей предлагают оставить только частное иностранное финансирование НКО, дабы иностранные государства не влияли на политику. Но на практике ограничение на «политическую деятельность» коснулось лишь сотни более чем из 300 тыс. НКО, работающих в стране. Тех, кто получает иностранное финансирование и занимается темой палестино-израильских отношений.

Китай в последние пару лет тоже усилил бдительность. Однако, даже ужесточая контроль, китайцы, на мой взгляд, действуют тоньше наших регуляторов, оставляя каналы взаимодействия по линии НКО, но не блокируя их полностью. К примеру, тот же NED из 25 проектов в Азии 18 осуществляет в Китае, в том числе в «проблемных» Тибете и Уйгурском АО. В китайской печати усилились атаки на такие организации, на тот же Фонд Форда, Китайский международный республиканский институт, Картеровский центр, Фонд Азии, но все они по-прежнему работают в КНР. Иностранным организациям предписано теперь регистрироваться в курирующем органе и получать разрешение на работу в стране по тем или иным программам.

По разным оценкам, в КНР работают от 6 тыс. до 10 тыс. иностранных НКО, 40 % из которых американские. 80 % американских НКО работают в сфере образования и науки. Китайские власти используют их в том числе как каналы обратной связи для повышения собственного технологического уровня.

Подчас имеет место «творчество на местах». Так, власти города Гуанчжоу приняли закон, запретивший работу в городе НКО с преимущественно иностранным финансированием. Но после протестов общественности (а они были) смягчились, оговорив необходимость за 15 дней докладывать о поступлении денег из-за рубежа. В других провинциях НКО просто регистрируются как коммерческие (это в Китае проще простого).

По данным Edelman Trust Barometer, уровень доверия к НКО в мире в 2015 год сократился в большинстве стран (окреп лишь в 19), общемировой индекс снизился с 66 до 63 % (аналогично, кстати, общемировое падение доверия к СМИ). Исследователи считают, что причина тому – сфокусированность НКО на деньгах, на бизнес-процессах, на фандрайзинге, а вот «контакт с людьми» утрачивается.

То есть налицо некий кризис «мягкой силы» в лице НКО в работе на межгосударственном уровне.

Благотворительность стала приобретать более политически-миссионерский характер на международном уровне после того, как президент Кеннеди отправил первых волонтеров корпуса мира за границу – помогать бедным. И сеять американские ценности. По мере того как «бедные» вставали с колен, и на фоне «конфликта цивилизаций», описанного Хантингтоном, отношение к «чужим» ценностям становилось более настороженным, даже если они шли в одном пакете с помощью. Да и сама такая помощь, видимо, тоже нуждается в «перезагрузке».

В свежем номере журнала Foreign Affairs Дэвид Милиберд и Рави Гумурути, руководители Международного комитета спасения, задались вопросом о повышении эффективности гуманитарной помощи. В прошлом году общий объем ее, по их данным, составил уже \$22 млрд. \$135 млрд – общий объем затрат стран ОЭСР на все виды помощи, включая борьбу с бедностью и гуманитарными кризисами.

Авторы считают, что даже такие деньги не приносят нужного результата, во многом потому, что «помогающие» работают на процесс, а не на результат.

Так, лишь 1–3 % гуманитарной помощи приходится на наличную денежную помощь нуждающимся.

В другой статье Майкл Барнет, профессор права Университета Джорджа Вашингтона, и Питер Уолкер из Университета Чэтэм резюмируют проще: вместо того чтобы постулировать «Мы здесь для того, чтобы показать вам, как вы должны измениться, чтобы присоединиться к нам», нужно просто спрашивать: «Чем мы можем вам помочь?».

Но от миссионерства трудно отказаться. Это сулит мало хорошего тем НКО, кто хочет, чтобы «мы» стали как «они».

Степень противодействия миссионерству разнится по странам. Мы действуем жестче многих, и эта жесткость контрастирует тем сильнее, чем слабее само российское гражданское общество без «импульсов» извне или сверху. Мы пренебрегаем возможностями взаимодействовать с «миссионерами» там, где могли бы обратить это себе на пользу, как это делают китайцы или индийцы. Зато мы идем в тренде со многими другими странами. Правильно ли именно с ними шагать в ногу, покажет время.

2015 г.

«Вскрыть в час X»

Шутники из рядов, как ее называют, «прогрессивной общественности» проводили Думу на каникулы саркастическими репликами. Мол, до осени настанет пауза в производстве экзотических (в основном запретительных) законов. Зря они так шутят, на мой взгляд...

В какой-то мере пауза неопределенности в российской политике обозначилась примерно с весны. Противоречивые заявления представителей правящего класса оставляют впечатление, что эти люди немножко мечутся между мобилизационной самоизоляцией, с одной стороны, и робкими надеждами на то, что в обозримом будущем можно будет хотя бы частично вернуться к business as usual в отношениях с Западом. Что, в свою очередь, избавит от труднореализуемых усилий по закручиванию гаек внутри страны.

Правда, ни тот ни другой вариант не избавляет от более энергичных, чем сейчас можно наблюдать, усилий по выведению экономики из спада. Эти усилия никак не получаются, и даже потуги выглядят бледновато. Словно все ищут некий заветный пакет с надписью: «Вскрыть в час X», где содержится спасительный план, но пакет то ли куда-то завалился, то ли его украл враг или предатели.

Конечно, такая пауза не может тянуться долго.

В ближайшее время, например, может проясниться, вылившись в конкретные действия в экономике и политике, что стояло за обтекаемыми формулировками пятничного заседания Совета безопасности страны. На нем Владимир Путин говорил, что санкции с нами надолго и нужно вырабатывать контрмеры. Надо понимать, что масштабные. А Николай Патрушев (председатель совета) обозначил то, как понимают цель всех этих западных санкций в Кремле, – как курс на смену режима.

А это уже не шутки, а защита конституционного строя.

Отпор таким действиям, конечно, требует более серьезных мер, чем создание неблагоприятных условий финнам в покупке российского леса-кругляка в ответ на отказ в визе спикеру Думы Сергею Нарышкину. При том что сам «казус Нарышкина» наглядно показывает: эскалация противостояния Запада и России штурмует новые высоты, причем на этих высотах элементарный здравый смысл становится все более разреженным.

Начать с того, что юридически режим персональных санкций против Нарышкина вовсе не обязывал финнов не пускать его на юбилейную сессию ОБСЕ (это примерно как если бы делегацию Ирана, который под санкциями США, не пустили на сессию ООН). Нарышкин, будучи под санкциями, был с визитом, насколько помню, во Франции. А тоже находящийся под персональными санкциями глава кремлевской администрации Сергей Иванов возглавлял российскую делегацию на мемориальных торжествах в Освенциме в Польше.

Но теперь, видимо, по рядам оппонентов Кремля на Западе прошел некий сигнал (не стоит понимать буквально как депешу из «вашингтонского обкома», речь о созревшем у наших «партнеров» новом понимании ситуации), что удавочку пора бы чуток подтянуть, поскольку прежний уровень давления не дал особых результатов.

Такое ощущение хорошо ложится на слухи о том, что, дескать, Кремлю и лично российскому президенту предъявили некий очередной «последний и решительный» ультиматум, что пора бы с проектом Новороссии завязывать. И еще вот этот неожиданный звонок Обаме недавно. Неужели так «Исламское государство» расчесалось?

Или вот оставление на днях ополченцами Широкино, что под Мариуполем. Про демилитаризацию Широкино пеклись партнеры по «нормандской четверке» еще с мая, и теперь свои действия руководители мятежных украинских районов назвали «началом мирного диалога с Киевом». ЛНР и ДНР также объявили выборы в октябре «по украинским законам». Или вот эта непонятная реплика анонимного представителя ОБСЕ, что, дескать, референдум в Крыму может быть «рассмотрен ЕС», если будет проведен под эгидой ОБСЕ. Хотя исход такого референдума (при том что его проведение стало бы признанием Москвой незаконными своих прежних действий), думаю, был бы примерно тем же по цифрам, что и предыдущий. Просто зачем-то следует вброс-зондаж на уровне, подчеркнем, анонимного источника, который всегда можно опровергнуть.

В противовес этому, правда, циркулируют слухи о якобы грядущем обострении ситуации на юго-востоке. Киев подчеркнуто – и безнаказанно – игнорирует политическую часть «Минска-2». А оживившаяся перепалка Москвы с НАТО (теперь у нас именно не столько диалог, сколько перепалка) насчет вооружений в Европе и возможности разместить там ядерные ракеты сулит еще более опасное и «богатое дебютное начало», нежели взятие ополченцами хоть бы Мариуполя.

Одно враждебное решение или резкое заявление провоцирует другие, ответные (например, насчет кругляка, которое не может не ударить и по отечественному бизнесу в Карелии, как у нас водится со всеми контрсанкциями), а заодно и нагнетание общей атмосферы абсурда. В этой атмосфере возможны уже и заявления – не поймешь, то ли в шутку, то ли в порядке троллинга, то ли всерьез, – о том, что и сама эта Финляндия получила независимость от «незаконного правительства». Ведь когда Ленин (видимо, в благодарность за то, что удалось отсидеться в шалаше в Разливе в компании с Зиновьевым) даровал Финляндии независимость 6 декабря 1917 года, большевистское правительство еще никем признано не было. Появляются депутатские запросы в Генпрокуратуру – а то ведь других дел у этих уважаемых господ нет – о правомерности выхода Прибалтики из состава СССР.

Передача Крыма в состав Украинской ССР была признана тоже незаконной. А бывший некогда главой нашей делегации в ПАСЕ, ныне простой сенатор Константин Косачев вместе с коллегами вроде главы комитета СФ по конституционному законодательству Андреем Клишасом (это тот самый, который, будучи уже под персональными санкциями и не в состоянии посетить собственную недвижимость в Швейцарии, выступил инициатором закона об уголовном наказании за недекларирование второго гражданства или вида на жительство) занимается составлением списка потенциально «нежелательных организаций», как его еще называли, «патриотического стоп-листа».

Поскольку юридической силы, как говорят сами составители, список иметь не будет (НКО уже и так отрегулированы «по самое не могу»), следующий шаг – полный запрет иностранного финансирования, о чем вопрос, кстати, уже ставится), то можно предположить, что он предназначен, как «дацзыбао» в годы «культурной революции» в маоистском Китае, для вброса в толпу публичной «критики» фигурантов списка.

То, что еще недавно показалось бы фантазмагорическим нагнетанием абсурда, сегодня банально диктуется логикой эскалации противостояния.

То есть мы в это скатились. В «пятиминутки» ненависти и прочее.

Причем, как ни парадоксально покажется той же вышеупомянутой «прогрессивной общественности», по-человечески логику «скатывания» можно понять. Поскольку это происходит в условиях, когда тебя методично загоняют в угол, используя двойные стандарты, причем по вопросам, по которым ты не то что чувствуешь себя правым, но, по крайней мере, там не все так однозначно, как тебе приписывают загоняющие.

А чем еще отвечать, скажем, на заведомо абсурдные слова и действия тех же «незаконно вышедших из СССР» прибалтов, когда они чуть ли не готовят всеобщую мобилизацию в преддверии «российского вторжения»? И таких на грани бреда заявлений оттуда ведь – и применительно к истории, и применительно к современности – поступает изрядно. И никто не крутит в ответ нагнетающим абсурд тамошним деятелям пальцем у виска, а все это становится темой обсуждений, скажем, на сессии НАТО. Все всерьез.

Ну раз «всерьез», тогда извольте получить эмбарго на шпроты и добро пожаловать в эпоху тотального троллинга как формы современной дипломатии. И не надо удивляться в этом случае заливчатским «дворовым» формулировкам, с недавних пор вошедшим в моду у департамента информации и печати нашего МИДа.

Дипломатия в формате коммунальной свары стала нормой.

Параллельно – почему-то неожиданно для многих у нас – открылся «второй фронт» в виде иска на 50 млрд от акционеров ЮКОСа. Постоянная угроза ареста российских активов может превратиться в более действенный способ экономической изоляции страны, чем объявленные санкции. Дополнительным сильнейшим раздражающим фактором станет то, что дело дошло до американского суда. Особенно нам эмоционально ненавистного.

Наши ответные возможные меры – арест иностранной собственности и т. д., – хотя и представляются «логичными», пусть и запальчивыми, в контексте отношений противостояния, вряд ли остановят покотившуюся под откос инертную судебную машину. Со слабой надеждой на то, что дело ЮКОСа можно как-то «разрулить» политическими средствами в одном пакете с урегулированием на Украине, можно расстаться. Многие процессы, порожденные атмосферой противостояния России и Запада в последние месяцы, видимо, уже обрели самостоятельную динамику и необратимы.

Николай Платонович Патрушев, скорее всего, прав. Ставка на «снос режима» уже сделана.

Причем не силами жалких НКО, с которыми продолжают бороться с неистовой силой. А по той же модели, по которой развалился Советский Союз. Под грузом собственных проблем, заставивших дрогнуть и начать дергаться советскую правящую номенклатуру. Вот такими проблемами, отягощающими наши внутренние болезни, нас и будут продолжать «нагружать». Ответ на них, со всей очевидностью, лежит в сфере перестройки экономики, а также институтов, от которых зависит эффективность ее работы (прежде всего судебно-правовой системы).

Но поскольку у руля стоят люди, которым ближе вопросы безопасности, то ответ будут искать – «под фонарем» – именно в сфере безопасности, политики и пропаганды. Если кому-то какие-то действия покажутся лишенными здравого смысла, не обессудьте. Вы просто еще не поняли: время нынче такое.

2015 г.

Гласность по запросу

Указ президента, засекретивший потери Минобороны в мирное время в ходе спецопераций, вызвал рефлексию в Интернете. Но подавляющая часть общества осталась равнодушной. Как и ранее к посмертному докладу Бориса Немцова, где собраны по открытым источникам сведения о потерях российских военных (доклад настаивает, что действующих) на Украине. В этом смысле путинский указ адекватен нынешнему состоянию российского общества и сложившимся его отношениям с государством и силовыми структурами в частности.

Критики указа приводят в пример, правда, расследование псковского депутата Шлосберга, публикации «Новой газеты», тот же «доклад Немцова» – как проявление «запроса общества» раскрыть соответствующую информацию. Однако даже обжаловать в суде законность указа решился пока лишь представитель НКО, которая внесена в список «иностранных агентов» (что свидетельствует, кстати, о том, что желающих финансировать такие организации в самой России маловато будет).

Однако (безотносительно к оценке самой такой деятельности как праведной или подрывной) разве эти случаи свидетельствуют о том, что в обществе есть массовый запрос на такую гласность, с которым власти должны считаться? Мне кажется, нет.

Правозащитная деятельность на этом направлении в таких условиях отдает совершеннейшим идеализмом. С обывательской точки зрения. А то и «заказом Госдепа». Потому что ну вот зачем им, искренне недоумевает обыватель (и вслед за ним Кремль), надо знать «цифры потерь Российской армии на Украине»? Чтобы что? Опубликовать? Ну опубликовали. И?

Откровения того же Шлосберга разве имели какой-то резонанс хотя бы в Пскове, где расквартированы затронутые им десантники? Кроме того что его там избили.

Или, может, какая-то убитая горем солдатская мать объявила голодовку или пошла по пути буддийских монахов, протестовавших против войны во Вьетнаме самосожжением? Опять нет. При том что при желании информацию о происходящем на Украине, подвергнув критической филътрации, сегодня найти куда легче, чем в свое время о происходившем после 1979 года в Афганистане. К тому же на бытовом уровне общество относилось к действиям СССР в Афганистане куда менее благожелательно, нежели к нынешним действиям России на Украине.

В иных странах даже и одобрение военной операции за рубежом не помешает обществу требовать обнародования потерь, но у нас даже и неприятие таких действий на бытовом уровне совсем не обязательно ведет к формированию массового запроса на подотчетность силовиков.

Таков сегодня уровень политической культуры.

Президентский указ, ставший поправкой к указу Ельцина 1995 года, засекретившему потери в ходе военных действий, мог появиться и в прошлом году. Изданный уже после выступлений «Новой», Немцова и др. (и с учетом нулевой реакции общества), он работает не столько на репрессии, сколько в духе спецслужб, у которых есть такой инструмент, как «предостережение о противоправной деятельности».

А определение «в ходе специальных операций» дает даже некие иллюзии возможности оспорить в суде привлечение за разглашение гостайны. Для тех, кто любит ходить в наш суд. Был ли, мол, приказ о специальной операции, к примеру? При том что юридического определения «спецоперации» в законе нет. Хотя соответствующие секретные части в рамках Минобороны созданы и у них есть профессиональный праздник – 27 февраля. А современная российская военная мысль под спецоперациями подразумевает практически все, что угодно – диверсионные, диверсионно-разведывательные, противодиверсионные, вспомогательные, информационно-психологические, правоохранные операции, а также операции «по организации и ведению вооруженной борьбы специальным методом», как сказано в одной из таких работ (то есть «гибридная война»).

Путинский указ лишь узаконил ситуацию, которая де-факто сложилась с 2011 года. И никого в массовом порядке не беспокоила.

Минобороны четыре года уже не представляет статистики о потерях в мирное время, десятки запросов правозащитников остаются без ответа. Никаких обязательств раскрывать такую статистику у военных и не было. При министре Сергее Иванове публикация таких данных была, по сути, актом его доброй воли (тогда в год при численности вооруженных сил 1,2 млн человек гибло около 300 человек в год, в основном в ДТП). При Сердюкове данные публиковала Главная военная прокуратура, у которой, насколько помню, были натянутые отношения с оным Сердюковым. Если бы Шойгу надумал публиковать данные потерь от несчастных случаев, неуставных отношений, неосторожного обращения с огнем, в ДТП и даже во время учений (они не спецоперация), то указ его никак не сдерживает. Но и общество не понуждает.

Сравнение уровня открытости российских силовых ведомств с ведомствами развитых стран, конечно, будет не в пользу наших. Но и ельцинский указ не вписывался в современный тренд.

Скажем, Пентагон (а также конгресс США) регулярно публикует все данные о потерях как в прошлых операциях и войнах (начиная с 1775 года), так и в текущих. К примеру, можно узнать, что по состоянию на 29 мая (на 10 утра по восточному американскому времени) в операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане погибли 2215 человек, а с учетом других стран в рамках той же операции – 2355 человек. Потери в Ираке составили на 10 утра того же дня 4212 человек, включая 13 гражданских контрактников. Аналогичные системы отчетности действуют в Британии, Франции, других европейских странах, а также в Израиле.

Однако во всех этих странах открытость силовых и специальных служб возникла не сразу, хотя условия электоральной демократии, конечно, способствовали более раннему ее появлению. Если взять, скажем, ФБР США при Эдгаре Гувере, то эту службу вряд ли можно считать транспарентной по нынешним меркам. Решающие шаги по усилению открытости и подотчетности перед обществом и конгрессом США как военного ведомства, так и особенно ЦРУ были сделаны уже после вьетнамской войны, под давлением массового (!) движения протеста. А также по результатам расследований конгресса и СМИ злоупотреблений спецслужб (прежде всего дела «Уотергейт»).

Однако это не помешало Агентству национальной безопасности США тайно следить за миллионами американцев и иностранцев, включая высших политиков, дожидаясь разоблачений Сноудена. И лишь эта проблема стала дебатироваться, конгресс ограничил АНБ в такой деятельности. В настоящее время в диалоге с ООН обсуждается вопрос, чтобы США раскрыли данные о потерях среди мирного населения, понесенных в результате применения ими беспилотников в ударах по террористам по всему миру. Пока такие данные Вашингтон не раскрывает.

Вопросы отношений общества и силовых структур во многом остались в постсоветской России неотрегулированными, хотя в законе о гостайне (1997 года и в более поздних редакциях) был сделан огромный шаг вперед по сравнению с советским временем: перечислены те сферы, которые засекречивать нельзя (потерь военных никогда не было в этом перечне). И список этот пока неизменен. Даже на фоне преобладающего общественного безразличия.

В свое время отечественные спецслужбы тоже прошли этап усиления подотчетности. Но не обществу, а партийным структурам. При Хрущеве и Брежневе номенклатура тем самым создала определенные гарантии для себя от повторения репрессий по сталинскому непредсказуемому принципу.

Ни одна власть, а особенно спецслужбы, не пойдет на добровольное проявление большей открытости, чем от нее требует общество.

Такая открытость – результат не «доброй воли мудрого правителя», а давления снизу на избранных представителей. Горбачев именно что даровал сверху гласность и невиданную демократию. И чем кончилось? Общество, не сумев распорядиться обрушенной на него свободой, ввергло в хаос и развалило «Такую Страну».

Термин «горбачевщина» вызывает стойкую идиосинкразию у людей, правящих Россией. Именно ее почуял в воздухе в последний год правления Дмитрия Анатольевича Владимир Владимирович и засобирался обратно в Кремль (его возвращение в 2008 году, уверен, не было предпринято).

Куда милее обитателям Кремля столыпинское «дайте мне 20 лет покоя, и вы не узнаете Россию».

«Покой» понимается и так, что не надо давать воли всяким шлюсбергам и прочим «иностранным агентам» «раскачивать лодку», будоражить вечно незрелых и граждански безответственных людей своим крамольным «злопыхательством».

Излишняя гласность в вопросах «национальной безопасности» (это у нас все, что угодно) в умах нынешних правителей сродни с проведением честных выборов в странах типа Египта или Алжира: на таких непременно победят «братья-мусульмане», которые ввергнут страну в хаос. Спор о «зрелости-незрелости» народа – мол, если ему не доверять, то он никогда и не созреет, надо дать право на ошибку – вечный. Но наверху полагают, что «право на ошибку» уже дали в 1991-м и надо еще лет двадцать погодить.

Кто-то на этом месте оскорбится за на самом деле свободолюбивый народ, который-де только и жаждет, когда на него обрушат правду-матку (она же «чернуха»). Этим диванным карбонариям следует тогда лично опередить время, не дожидаясь, пока вызреют новая политическая культура и новый уровень гражданского самосознания.

Вызреют постепенно, десятилетиями. Под воздействием просвещения и образования. В процессе борьбы за права на самом низовом уровне: ТСЖ, экология, застройка, парковки, местные вопросы, школьное самоуправление – примерно такими вопросами занималось земство в посткрепостнической России. И под влиянием – да! – одиночек-альтруистов, без них тоже никуда. Созреют до такого уровня, чтобы иначе выстраивать отношения общества с правителями и спецслужбами. Думаю, в России до полноценного контроля их гражданским обществом и парламентом дойдет лет через десять-тридцать.

Если ждать невтерпеж, а «теория малых дел» противна, то, милости просим, с дивана на улицы. По стопам народников, пошедших поднимать народ (сдавший их жандармам). Бороться за идеалы. Потом вам поставят памятник и назовут в вашу честь два московских тупика, а то и целый проспект, как в честь Сахарова. Но будет это не скоро.

2015 г.

Дойти до дна. Об убийстве Бориса Немцова

Мир русской политики нездоров, местами болезнь проявляется смертельно. Убийство Бориса Немцова всколыхнуло этот мир. Звучат слова соболезнования. Многие – искренние, в том числе от политических врагов. Многие – фальшивые, в том числе от его политических друзей.

Попутно выдают множество разных версий. В том числе таких, которые обнаруживают моральное уродство людей, их тиражирующих. Стойкое ощущение, что те, кто травил Немцова при жизни – скажем, публикуя распечатки подслушанных его телефонных разговоров, – продолжают травлю в извращенной форме уже после смерти.

Есть версии и правдоподобные, разумеется. Хотя, возможно, истинную версию пока никто не озвучил. Или не знают. Или боятся. Судить можно будет, когда следствие установит истину, а суд вынесет приговор. Однако что-то подсказывает, что «дело Немцова» из тех, что ведутся годами, но до конца не раскрываются. Даже если непосредственные исполнители оказываются за решеткой.

Мне кажется, всех обстоятельств убийства Немцова мы не узнаем. Во всяком случае, в нынешнюю политическую эпоху.

С раскрываемостью политических убийств в России, как, впрочем, и вообще во всем мире (не будем уж тут про дела двух Кеннеди или про убийство Альдо Моро), дела обстоят не лучшим образом. Так, самое громкое (до вчерашнего дня) политическое убийство – Галины Старовойтовой (август 1998 года) – вроде бы раскрыли весной прошлого года, установив одного из заказчиков и непосредственных организаторов и исполнителей. Но мотивы убийства так и не ясны, линия причастности к нему «ночного хозяина» Питера времен лихих 90-х Барсукова-Кумарина, всплывшая было, к концу года как-то заглохла.

Убийц Анны Политковской вроде бы тоже нашли и даже осудили. Дело тоже имело политический резонанс в мире. Как и сейчас дело Немцова уже некоторые называют «вторым сбитым «Боингом» для Кремля.

Даже «стилистика» поражает цинизмом: Политковскую убили в день рождения президента, Немцова – «в день вежливых людей», он же – спецопераций, притом в десятках метров от Кремля.

Однако до сих пор публике так и не разъяснили, с какого перепугу бывший служивый силовик и некие чеченцы решились на убийство российской оппозиционной журналистки. Политический вред от публикаций которой (как тогда было сказано) якобы несравним с ущербом имиджу страны, каковой причинило ее убийство. Любопытно, что и теперь последовали примерно те же оценки – насчет того, что Немцов не представлял политической угрозы режиму.

Подчас в связи с «политическими убийствами» вскрываются совершенно неожиданные обстоятельства, когда «голимая политика» оказывается ни при чем. И хотя следствие всегда в качестве одной из версий выдвигает так называемую бытовую, она, как правило, к гибели людей такого уровня оказывается в конце концов непричастной. Разве что в случае с гибелью генерала Рохлина виновной признали его супругу. Присутствует «бытовуха» уже и в «деле Немцова». Желтые издания наравне с федеральными каналами (ну или наоборот) смакуют фотографии украинской, подчеркнем, фотомодели, с которой любивший жизнь во всех ее проявлениях политик прогуливался по Москворецкому мосту с видом на храм Василия Блаженного поздно вечером.

Судя по реакции из «патриотически-консервативной» части политического спектра, «украинская версия» будет теперь этим лагерем педалировать со звериной настойчивостью.

Мы, несомненно, скоро «узнаем» – собственно, это нам уже и втолковывают – о том, что именно украинская модель «вывела» Немцова на точку поражения. Причем по наводке Госдепа США в сговоре с начальником Службы безопасности Украины Наливайченко. Что убит он якобы за то, что «не оправдал надежд заокеанских хозяев» по части организации в России «майдана». Или просто чтоб «нанести удар по Путину» и так организовать «майдан». Ведь трудно не заметить, что убийство на Западе никак иначе не подается, кроме как «убийство политика, оппозиционного Путину».

Но ура-патриотами то, что является типичным образцом топорной демонизации нынешнего российского режима, поставленной уже на поток, будет подано как «неопровержимое доказательство» правомерности обвинений «киевской хунты, марионетки Вашингтонского обкома». Другая разновидность примерно такой же подачи – «версия сакральной жертвы»: дескать, она нужна захиревшей оппозиции как воздух, ей нужен «российский Георгий Гонгадзе». Для чего? Да все для того же – свалить Путина. Причем сделано это специально накануне оппозиционного марша, чтобы «раскачать ситуацию».

Однако вонючий мир русской политики был бы, безусловно, менее вонючим, если бы пляски на костях убиенных не производились представителями именно всех частей политического спектра.

В ответ на «версию им. Наливайченко и Госдепа» несистемная оппозиция выдвинула свою. Якобы Немцов готовил доклад об участии российских военных в войне в Донбассе. С цифрами и фактами, как он сделал в двух избочивающих публикациях «Путин. Итоги» и «Путин. Итоги – 2». Получается «казус Льва Шлосберга», только не с избиением жертвы (чем Немцова вряд ли было утихомирить), а с убийством. И хотя доказательств в пользу этой версии примерно столько же, сколько у версий ура-патриотов, то есть ноль, несомненно, и те и другие еще долго будут служить пропагандистскими подстилками для плясок на костях.

Особняком стоят пока версии, связанные с антикоррупционной деятельностью Немцова. Он, конечно, мог, уже проявив себя как крайне неудобный политик, сильно насолить кому-то в Ярославской области. Он не только избрался там в думу, но и вполне исправно работал, что, в свою очередь, говорят, уже стоило работы нескольким тамошним деятелям. В этом смысле показательное – с претензией на громкое политическое – убийство под стенами Кремля, теоретически, вполне эффективный «отвлекающий ход».

Как и в случае с другой, весьма любопытной, версией. Как написал в твиттере один из помощников Немцова сразу после убийства, политик занимался расследованием коррупции в онкологии. Если верно то, что рассказывают про эту совершенно тайную для широкой публики многомиллионную «сферу бизнеса», когда уже смертельно больных людей шантажируют «перепиши на меня имущество, а то лечить не станем», то для них нет преград. Они и в Георгиевском зале Кремля могли убить. Впрочем, никаких доказательств этой версии нет.

Еще экзотичнее версия «исламского терроризма». Ее озвучил представитель СК Маркин: якобы Немцову поступали угрозы в связи с его реакцией на дело «Шарли Эбдо». Вообще-то в подобных случаях убийцы стараются не скрывать причины «наказания» и доносят их до широкой публики. Чтоб неповадно было. «Тайная» казнь исламистами – это что-то, конечно, небывалое.

Некоторые обстоятельства преступления видятся совершенно чудовищными. Во-первых, место действия. То есть такое, как лишний раз подтвердилось, вполне возможно под окнами кабинета президента. При том что места те буквально напичканы спецслужбами и гаишниками. Впрочем, на днях на Красной площади довольно долго гонялись за эвакуатором. Смешно и забавно. Эдакий «Матис Руст 2.0». Если не допускать, что вполне могли гоняться и за машиной, начиненной, скажем, взрывчаткой. Складывается в этой связи впечатление, что кто-то зря ест хлеб с неуклонно утолщающимся слоем «маслица» и «икорки», купленных на наши налоги.

Во-вторых, сразу несколько источников говорят, что Немцову угрожали. На 1 марта был назначен оппозиционный марш, в котором он был одним из главных участников и к которому даже «приурочили» арест Алексея Навального. Много ли найдется наивных людей, которые скажут, что телефон Немцова в эти дни не прослушивался? Хотя бы теми, кто слил в «Лайфньюс» в свое время его переговоры с другими оппозиционерами по поводу другой протестной акции? Не расслышали угрозы? Хотя, конечно, можно предположить, что их делали не по мобильнику, а составляя письма из вырезанных газетных букв и подсовывая их Борису Ефимовичу под дверь.

О политических последствиях. Уже звучат сравнения с «поджогом Рейхстага» или убийством Кирова. В последнем случае, как ни цинично это звучит, правда, «украинской модели» не было, но любовница все равно была (эх, ведь никакой фантазии у заговорщиков, воскликнет кто-то из почитателей романов про «рыцарей плаща и кинжала»).

То есть речь о таких последствиях, которые напрямую могут быть никак не связаны с истинными мотивами данного преступления.

Как, скажем, напрямую не была связана отмена прямых губернаторских выборов в России с захватом чеченскими боевиками школы в Беслане, хотя отмена была произведена именно после той трагедии, да и во многом обусловлена была политическими процессами, в русле которых случился Беслан.

Некоторые в этой связи считают, что убийство Немцова – это уже «край», точка невозврата российской политики, в которой нет теперь никаких преград. Думаю, что все же еще нет. Убийство Немцова – лишь часть той масштабной эволюции, скажем так, избегая слова «деградация», которой подвергается сейчас российское общество под воздействием украинских событий.

И вопли по поводу «пятой колонны», конечно, теперь не прекратятся. Скорее усилятся и будут должным образом юридически оформлены.

Но в целом алармистами направление движения угадано верно: данное убийство – свидетельство смертельной болезни и общества, и его политического класса (последнее проявляется, в частности, как сказано выше, в реакции на убийство). Но до дна нам по-прежнему еще далеко. Как далеко представителям разных политических сил до мысли о том, чтобы вместе пройти 1 марта траурным маршем, во имя национального единства.

Видимо, для того, чтобы начать какие-то очистительные и восстановительные процессы, нам, как уже не раз бывало в русской истории, еще предстоит пройти какое-то количество кругов – нет, даже не ада, а политического адского треша.

Просто потому, что мы не можем вовремя свернуть с опасной дороги, не можем вовремя остановиться и одуматься. Надо, видимо, непременно дойти до дна. До полной катастрофы. Чтоб «...до основания, а затем – мы наш, мы новый мир построим». Но Борис Немцов его строить уже не будет точно.

2015 г.

Еще не настрадались

Пока очередной блогер строчил пост про «атмосферу ненависти», убившую Бориса Немцова то ли с подачи власти, то ли в контексте раскручивания «технологий «майдана», бригада скорой помощи Санкт-Петербурга волокла по лестнице 28-летнего автослесаря Дениса Колпикова.

Видать, Денис сильно достал медиков (в его крови нашли 3,2 промилле, еле откачали от интоксикации, но не бросили же!), хотя вряд ли стоило с ним так обращаться. Видео попало в сеть, медиков уволили. Минздрав озабочен написанием «кодекса поведения» медработников. Объявят богатый тендер, а начнут не иначе словами Нагорной проповеди, она же Моральный кодекс строителя коммунизма. Много их было, кодексов. А злоба и агрессия в народе остались.

Вряд ли питерские медики стали издеваться над пьяным, именно насмотревшись «пятиминуток ненависти» на тему «укрофашизма» на федеральных каналах. Как вряд ли составит труд найти аналогичные случаи и в благополучных странах. Правда, там после этого не бросаются писать моральные кодексы, а разбираются с конкретной ситуацией. Однако тезис о повышенной мрачной агрессивности нашего человека уже давно стал общим местом.

Отвечу на вопрос, почему мы такие мрачные, впору придать характер поиска национальной идеи.

«Why so serious? (Почему такой серьезный?)», – помнится спрашивал Джокер в фильмах о славном Бэтмене и незадачливых жителях морально неблагополучного города Готэм. Прежде чем расправиться с очередной жертвой.

«Почему русские не улыбаются?» – веками задаются вопросом иноземные путешественники. Скажем, в Америке The Culture of Hello, традиция растягивать рот в улыбке, зародилась еще во времена, когда, повстречав на узкой тропинке незнакомца, нельзя было быть уверенным, что ты быстрее выдержишь колыг из кобуры, если ему вдруг не понравится твоя рожа.

У нас же можно запросто получить в морду вслед за вопросом «Ты чего это лыбишься?».

Этот феномен пытался объяснить воронежский профессор Иосиф Стернин, заметивший, что «для русского коммуникативного поведения характерна бытовая неулыбчивость, которая выступает как одна из наиболее ярких и национально-специфических черт русского общения». Для русских улыбка вовсе не сигнал вежливости, как в западном коммуникативном поведении. Сказывается, наверное, и меньший исторический опыт «коммерческого поведения», где улыбка в процессе обслуживания возведена в стандарт.

У нас скорее наоборот: звериная серьезность должностного лица показывает не столько то, что он вас ненавидит (хотя именно это вы, особенно если успели привыкнуть к глобализированным стандартам, помотавшись по миру, и можете заподозрить), сколько то, что он серьезно относится к своему делу.

Поэтому у нас даже новогоднее поздравление народу что генсеки, что президенты читают с таким выражением лиц, будто они нам соболезнуют.

У нас «дежурная улыбка» – проявление неискренности, а настоящая – это либо знак личного расположения (или же адресована уже знакомому человеку), либо усмешка над чем-то (например, над манерой одеваться).

Исторических и социологических причин тому можно найти множество. Например, есть точка зрения, что закреплению улыбки как только искренней, но никак не дежурной способствовал общинный характер русского бытия: друг про друга все и так знали, так что «выпендриваться» было ни к чему. Однако мир знает и другие общинные народы, где такое закрепление не возникло. К примеру, у не менее «общинных» китайцев есть поговорка: тот, кто не умеет улыбаться, не может открыть лавку (то есть акцент на коммерческом успехе).

Кто копнет глубже, заметит, что обычные для западной городской средневековой культуры (она же почва для зарождения гуманизма и индивидуализма) традиции смеховой уличной культуры на Руси с ее всеподавляющим и не любящим шутить централизованным государством распространение не получили.

Ссылки на тяжелый характер быта русских как причины их якобы мрачности относительно: у какого народа, спрашивается, была легкая история?

Перечитайте, скажем, Диккенса, а потом найдите кучу литературы про «природу социальной агрессии в викторианской Англии». Правда, на английском. У нас сфера социальной психологии или бихевиористики на фоне общего развала гуманитарных наук вообще не является (и не являлась) сколько-либо развитой наукой.

У нас если психиатрия, то «карательная», если социология, то «марксистско-ленинская». Если изучать человека, то не индивида с его комплексами, а «человека советского», он же «народные массы».

И если в мире готовятся к тому, что депрессия лет через десять станет едва ли не главным «убийцей» людей, то нашей медицине сейчас не до тонкостей душевной организации. Вас пошлют не к психоаналитику, а куда подальше. Или посоветуют «поменьше работать».

Это к тому, что такие вещи, как социальная агрессия, депрессия, имеют в современном мире – и в нашем обществе тоже – куда

более сложные объяснения, чем констатация, что, дескать, «власть сеет ненависть». Ведь есть и обратный эффект: может, агрессия в телепропаганде – это в том числе производная от морально-психологического состояния общества, которое требует, как наркоман, именно «агрессивной подачи», иначе ему «кайфа нет», скучно, рейтинг малый у передачи.

Бытовая и политическая культура взаимозависимы и взаимно «обогащают» друг друга.

В современной науке тьма исследований по проблемам социальной, бытовой агрессии, поведению социальных групп и пр. Всем этим явлениям уже отыскивают множественные объяснения – генетические, гормональные. Указывают и на социальные, экономические, культурологические причины и т. д.

К примеру, нейробиолог Семир Зэки из Лондонского университета путем сканирования головного мозга обнаружил в нем конкретные зоны, отвечающие за агрессию, выявив механизм ее возникновения. Попутно выяснилось, что от любви до ненависти действительно недалеко: соответствующие зоны в голове расположены очень близко. Генетики выявили конкретные гены, «ответственные» за агрессию. Давно выявлен и «гормон счастья» – серотонин. В нашем традиционном рационе питания, кстати, мало продуктов, способствующих его выработке.

Мы привычно жалуемся на тяжелый климат (мало солнца), оказывающий депрессивное воздействие. Но мы не единственный «северный народ». В другой – тоже «неулыбчивой» – стране под названием Эстония пошли дальше констатации недостаточной инсоляции нации. И там была внедрена специальная программа (в рамках госфинансирования медицины, между прочим) восполнения витамина ДЗ, который вырабатывается под воздействием солнечных лучей. Помимо депрессии (и снижения числа самоубийств) удалось резко снизить заболеваемость раком простаты (ДЗ, в частности, служит «спусковым механизмом» выработки тестостерона).

Можно найти множество примеров того, сколь далеко продвинулась наука в изучении разных проявлений человеческих эмоций. Биология и смежные науки сейчас на пороге революции. В недалеком будущем многие человеческие проблемы, в том числе связанные с общественным поведением, найдут либо генетическое, либо медикаментозное решение. Каждый режим, разумеется, воспользуется этими результатами по-своему.

Будут и те, которые будут делать подведомственную нацию «счастливой» путем рассеивания в воздухе соответствующих веществ или методами генно-инженерных манипуляций и выведения «удобных пород» людей для разных целей. Человечеству еще предстоит решить сложнейшие вопросы медицинской этики, к чему каждая нация подходит с разной степенью готовности, но в целом цивилизация выглядит пока не готовой дать на эти вопросы адекватный – именно гуманистический – ответ.

Социальная составляющая природы человеческой агрессии, конечно, тоже велика. В семьях с частым проявлением бытового насилия оно будет воспроизводиться в новых поколениях. Алкоголизм ведет и к распаду личности, и к усилению агрессивности. Отсутствие возможностей самореализации личности, ее роста, достижения успеха на фоне многочисленных (столь распространенных у нас) подчас бессмысленных ограничений (табу, как в первобытном обществе) ведет к росту фрустрации, депрессии и той же агрессии.

Дети, играющие с «милитаристскими игрушками», более склонны к агрессии во взрослом возрасте, чем те, которые воспитываются в более «гуманной» среде. Сцены насилия на телевидении оказывают такое же воздействие. И перебор по части «фильмов про войну», которые вроде имеют благую цель патриотического воспитания, может аукнуться повышенной агрессивностью будущих поколений.

У нас принято смеяться над «толерастической» Европой, но стандарты терпимости к «инаковости», насаждаемые подчас кажется, что гротескно, там в системах образования с младенческого возраста, выстраданы этой Европой с ее историей нескончаемых войн, инквизиции и политических самоистязаний.

Многие из «социальных причин» агрессивности корректируемы. На уровне общества и должной государственной политики.

С семейным насилием надо бороться, как с алкоголизмом. Нормы терпимости надо насаждать, а не натравливать одну социальную группу на другую. Не раздражать людей безумными запретами – современный человек уже перерос времена религиозных табу (ох уж эти «чувства верующих», затрагиваемые теперь уже и в опере).

Психологическую помощь надо очистить от наследия «карательной психиатрии», признав, что человек прежде всего уязвим, а не сразу болен. И ему нужна помощь, а не принудительное лечение. Нормы «натужных улыбок» внедрять на уровне государственных и корпоративных стандартов. Пусть люди лучше натужно улыбаются незнакомцам, чем смотрят волком. Особенно в общении между бюрократией и ее посетителями.

Но нам все недосуг. Не до доброты.

Казалось, мы за весь XX век, который был не чем иным, как вялотекущим геноцидом русского народа, пик которого пришелся на сталинщину, но ею не закончился, уже должны были выстрадать свой удел доброты. Но похоже что нет, еще не выстрадали. Еще хочется, как говаривал известный киноперсонаж, помучиться. Поненавидеть друг друга.

2015 г.